

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

На правах рукописи

Чжоу Цюци

**Связь имплицитных теорий эмоций с эмпатией и с отношением к
неопределенности (на китайских выборках)**

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата психологических наук

5.12.1. Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Научный руководитель:
доктор психологических наук, профессор
Корнилова Татьяна Васильевна

Москва 2026

Оглавление	
Введение	4
Глава 1. Эмпатия и имплицитные теории.....	15
1.2 Культурная специфика в эмпатии.....	31
1.3. Когнитивная и аффективная эмпатия	44
1.4. Понимание эмпатии в культурно-историческом подходе	49
1.5. Имплицитные теории и эмпатия в интеллектуально-личностном потенциале человека	55
1.6 Эмпатия в мире неопределенности	65
Глава 2. Эмпирические исследование связей эмпатии с имплицитными теориями и отношением к неопределенности.....	78
2.1. Постановка проблемы исследования связи эмпатии, имплицитных теорий личности и эмоций и толерантности к неопределенности	78
2.2. Схема исследования и методики	81
2.3. Исследование 1а: Адаптация опросника Когнитивной и Аффективной эмпатии.....	85
2.4. Исследование 1б: Апробация Шкалы С. Баднера.....	89
2.5. Исследование 1в: Апробация опросника имплицитных теорий эмоций .	93
2.6. Исследование 1г: Апробация опросника имплицитных теорий личности	95
2.7. Исследование 2: Исследование связей эмпатии с имплицитными теориями.....	96
2.8. Исследование 3: Кросс-культурное сравнение отношений между эмпатией и имплицитными теориями эмоций (в китайской и российской выборках)	103
Выводы по исследованиям в главе 2	119
Глава 3. Эмпатия при личностном выборе в разных ситуациях	120
3.3 Исследование 5: Эмпатия при личностном выборе в житейских ситуациях	133
3.4. Заключение по исследованиям в главе 3	154
Общие выводы и заключение	155

Общие выводы.....	155
Заключение	158
Список литературы	161
Приложения	189

Введение

Актуальность исследования. В междисциплинарных исследованиях когнитивных процессов особое место занимает проблема соотношения представлений человека о возможности управлять эмоциями в ситуации неопределенности с отношением к другому человеку, что по-новому актуализирует идею «единства интеллекта и аффекта».

Междисциплинарная тематика принятия решений развивается как в области моделей экономического поведения, где учитывается субъективная составляющая регуляции выбора, так и в направлениях, выделяющих собственно психологические детерминанты принятия решений в условиях неопределенности (Канеман, 2013; Корнилова, 2016), из которых наименее изучены когнитивные компоненты эмпатии и «имплицитные теории» эмоций и личности.

Представления человека об эмоциях находят отражение как в когнитивных структурах сознания, так и в системе переживаний личности, как в разрабатываемых учеными эксплицитных теориях, так и в субъективных *имплицитных теориях* (ИТ) каждого человека (Корнилова и др., 2010; Стернберг и др., 2002; Tamir et al., 2007). ИТ интеллекта, личности и эмоций формируются стихийно в повседневном опыте и отражают житейские представления человека о себе и других людях, характеризуют его образ мыслей и убеждений (mindset); они называются также «наивными» теориями или «само-теориями» – Self-theories (Dweck, 2000). Будучи не полностью осознаваемыми, ИТ проявляются в суждениях человека и влияют на его интерпретации ситуаций и стратегии принятия решений.

Эмоциональная регуляция принятия решений включает наряду с ИТ эмоций и эмоциональным интеллектом также *эмпатию*, если решения субъекта затрагивают интересы других людей. В работах последних десятилетий от классического понимания эмпатии как «вчувствования» и сопереживания другому человеку (Бовина, 2020; Карягина, 2013; Watson, 2009; Cuff et al., 2016; и др.) переходят к выделению когнитивной эмпатии и

аффективной эмпатии как ее составляющих (Белоусова, Гейвандова, 2021; Reniers et al., 2011), что позволило обосновывать функционирование эмпатии в *динамических регулятивных системах* принятия решений (Корнилова, 2022а; Zirenko et al., 2021), в том числе и во взаимосвязях с имплицитными теориями (Корнилова, Чжоу, 2021) и личностными ценностями (Наурузова, Корнилова, 2024).

Актуальность представляемого исследования обусловлена тем, что при достаточном внимании к разработке моделей эмпатии, ее вклад в психологическую регуляцию принятия решений в условиях неопределенности недостаточно изучен. При этом созданы предпосылки обоснования моделей, включающих когнитивную и аффективную эмпатию в структуры интеллектуально-личностного потенциала человека и в более широкие системы множественной регуляции его решений (Корнилова, Красавцева, 2023).

Практическую значимость целостного понимания человека в условиях неопределенности продемонстрировали исследования про-социального поведения в условиях пандемии COVID-19, когда выявлялись противоречия в соотношении направленности сознательного принятия решения человеком с особенностями его эмоционально-личностной сферы (Костюк и др., 2020; Психологическое сопровождение ..., 2021; Jordan et al., 2020; Qiu et al., 2020; Pfattheicher, 2020; Zettler et al., 2020; Zirenko et al., 2021), в частности, с эмпатией (Корнилова и др., 2021; Kornilova, Zhou, 2021).

Имплицитные представления человека о том, можно ли эмоциями управлять, не изучались в кросс-культурном контексте связей с эмпатией. Таким образом, необходимо установить связующую роль более осознаваемых когнитивных ориентиров при принятии решений с компонентами эмоционально-личностной сферы, включающей наряду с эмпатией и имплицитные теории, репрезентирующие возможности управления человеком его эмоциями.

Степень разработанности проблемы. Сформулированный в зарубежной психологии концепт *имплицитных теорий* психологических

свойств (личности, эмоций) осмыслен в российской психологии как проявление глубинного уровня сознания личности (Зиренко, 2018; Корнилова и др., 2010; Петренко, 2005), аналогично «бытийным слоям» сознания (Зинченко В.П., 2006; Зиренко, 2021) и пред-знаниям, направляемым образом мира (Леонтьев А.Н., 1983; Смирнов, 2016). Актуальным становится установление связей имплицитных теорий эмоций и личности с составляющими эмпатии при разном отношении личности к неопределенности.

Принятие решений – это преодоление человеком *неопределенности* посредством выбора из заданных или образуемых самостоятельно альтернатив, что включает и когнитивные, и эмоционально-личностные процессы регуляции (Канеман, 2013; Козелецкий, 1079; Корнилова, Тихомиров, 1990; Корнилова, 2016; Леонтьев Д.А., 2014; Hastie, Dawes, 2020; и др.). Личностное свойство толерантности к неопределенности включено в динамическую регуляцию принятия решений (Корнилова, 2016) и выступает предиктором эмпатии (Zirenko, Krasavtseva, 2021). Однако нет данных о связях этих свойств с одновременно измеряемыми имплицитными теориями (ИТ) личности и эмоций.

В работах К. Двек (Двек, 2013; Dweck, 2000; Dweck, Leggett, 1988; и др.) сложилось разделение на «константные» ИТ, предполагающие неизменность свойства, и «инкрементальные», предполагающие возможность развивать интеллект, личностные свойства или управлять эмоциями. Связи направленности принятия решений (ПР) с эмоциональным интеллектом и имплицитными теориями в повседневных или специально моделируемых условиях выбора уже устанавливались (Красавцева, Корнилова, 2018; Чумакова, 2010; Kappes, Schikowski, 2013).

Однако не становилось предметом изучения комплексное влияние имплицитных теорий личности и эмоций, когнитивной эмпатии и отношения к неопределенности на ПР применительно к медицинской неопределенности, в которой оказался обычный человек в условиях пандемии COVID-19.

Складывающиеся в рамках социо-культурного развития убеждения человека в возможностях контроля эмоций и когниций задают «рамочные эффекты» ПР; а значимость ориентировки на межличностные отношения отличает разные культуры (Matsumoto, Hwang, 2011; Mesquita, Walker, 2003). По социо-культурной шкале «коллективизма-индивидуализма», согласно индексу Хофстеде, у Китая 20 баллов, у России – 39 из 100 возможных (Web Reference 1, 2020); в Китае более высокий уровень коллективизма и сильно развиты межличностные связи. Это может влиять на ПР относительно суждений и действий в ситуациях, где соприкасаются интересы человека с ориентацией на других людей, что включает и проявление эмпатии.

Сравнение китайской и российской выборок в выраженности эмпатии, имплицитных теорий личности и эмоций и их роли при принятии решений, затрагивающих интересы других людей (в контексте пандемии), должно прояснить, в какой степени различие культур по шкале «коллективизм-индивидуализм» проявляется в про-социальном поведении и в ориентировке при ПР только на свою автономию и индивидуальные интересы.

Таким образом, актуальность нашего исследования заключается в установлении связей эмпатии с указанными личностными свойствами и обоснованиями ПР у представителей китайской культуры, отличающейся по характеризующему обществу «коллективизму» и близости межличностных отношений от российского. Актуальной становится также апробация необходимых методических средств на китайском языке.

Цель исследования: выявить связи между когнитивной и аффективной эмпатией, имплицитными теориями личности и эмоций, свойствами толерантности к неопределенности и предпочтениями альтернатив при принятии решений на материале двух типов вербальных задач и их специфику в китайской выборке.

Объект исследования. Имплицитные теории личности и эмоций, эмпатия и направленность выбора при принятии решений в условиях неопределенности.

Предмет исследования. Связи оснований принятия решений с когнитивной и аффективной эмпатией, имплицитными теориями личности и эмоций и толерантностью к неопределенности у китайских участников, проживающих в разных странах.

На основе принятия культурно-исторического и личностно-ориентированного подходов в исследовании проверялись следующие **гипотезы:**

Основные гипотезы исследования:

1. Лица, склонные к «инкрементальным» теориям (т.е. предполагающие, что личность развивается и эмоциями можно управлять), будут обладать большей эмпатией.

2. Положительное отношение к неопределенности будет связано с выраженностью «инкрементальных» имплицитных теорий личности и эмоций и большей эмпатией.

3. Учитывая ключевую роль межличностных отношений в китайской культуре, можно предполагать предпочтение китайскими участниками в обоснованиях принятия решений (в условиях медицинской угрозы) «заботы о других».

4. Кросс-культурная адаптация китайцев в другой стране опосредована текущими воздействиями социальной среды – с меньшим уровнем межличностного взаимодействия и его трудностями, поэтому китайские участники, проживающие в России, могут проявить менее выраженную эмпатию по сравнению с китайскими участниками в континентальном Китае.

Задачи исследования:

1. Апробировать на китайских выборках методики: опросник Когнитивной и Аффективной Эмпатии (Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy; QCAE; Reniers и др., 2010), шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности по опроснику С. Баднера (Budner's Scale Intolerance of Ambiguity; Budner, 1962), опросник имплицитных теорий личности К. Двек (Implicit Theories of Personality, Dwek, 1999), шкалу имплицитных теорий

- эмоций М. Тамир (Implicit Theories of Emotions, Tamir et al., 2007); проверить их валидность и надежность в китайском культурном контексте.
2. Выявить связи когнитивных и аффективных компонентов эмпатии с имплицитными теориями личности, имплицитными теориями эмоций и отношением к неопределенности с целью определения особенностей эмоционально-личностных свойств участников в китайской выборке.
 3. Выявить специфику латентных профилей китайских участников – при сравнении с российскими – по связям черт эмпатии, отношения к неопределенности и имплицитных теорий личности и эмоций для прояснения личностных особенностей, характеризующих эти культурные выборки.
 4. Сравнить связи эмпатии и имплицитных теорий с направленностью выборов в вербальных задачах при двух типах ситуаций: а) решений о физическом дистанцировании в условиях медицинской угрозы (при пандемии COVID-19) и б) «житейских» выборов (everyday decision-making) – с целью выявления специфики их регуляторной роли в принятии решений.

Теоретико-методологические основы исследования. Исследование проводилось с опорой на положения культурно-исторического подхода к пониманию единства интеллекта и аффекта (Л.С. Выготский, О.К. Тихомиров); концепцию множественной многоуровневой регуляции решений человека на основе функционирования единого интеллектуально-личностного потенциала (Т.В. Корнилова); личностно-ориентированный подход к имплицитным теориям личности и эмоций (К. Двек, А. Фернхем, М. Тамир); концепции отношения человека к неопределенности (А.Г. Асмолов, В.П. Зинченко, Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов); концепции множественных процессов эмпатии.

Методы и методики исследования. В исследовании применялись психодиагностический, квазиэкспериментальный и корреляционный подходы.

На китайских выборках были апробированы и применены: опросник Когнитивной и Аффективной Эмпатии – Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy, кратко QCAE (Reniers et al., 2011); шкала толерантности к неопределенности из опросника С. Баднера (Budner, 1962) – в российской апробации (Корнилова, Чумакова, 2014) и авторской китайской апробации; опросник имплицитных теорий личности К. Двек (Dwek, 1999), шкала имплицитных теорий эмоций М. Тамир (Tamir et al., 2007), опросник индекс межличностной реактивности – Interpersonal Reactivity Index (IRI) М. Дэвиса.

Использовался экспериментальный материал принятия решений в *вербальных задачах*, моделирующих условия неопределенности и разные основания выборов при двух типах ситуаций – каждодневных «житейских» решений (с про-социальной направленностью или эгоистической, рациональной или эмоциональной) и решений о физическом дистанцировании в условиях медицинской угрозы.

При обработке данных и проверке статистических гипотез использовались методы описательной статистики и анализа латентных профилей, сравнение выборочных средних, дисперсионный анализ; корреляционный, факторный – эксплораторный и конфирматорный анализ (в системах SPSS версия 23, MPlus 8, EQS 6.4 Для Windows).

Участниками исследования выступили 2502 человек. Из них 56.59% (1416 чел.) приняли участие онлайн; 43.41% (1086 чел.) – очно. Российскую выборку составили 450 чел. (данные российских коллег); китайскую в Китае – 1645 чел.; китайскую в Москве – 363 чел.; китайскую во Франции 44 чел. Далее состав выборок описан применительно к отдельным исследованиям.

Все китайские участники обследованы автором исследования Чжоу Цюци.

Научная новизна результатов исследования

1. Впервые установлены дифференцированные связи эмпатии и имплицитных теорий эмоций с личностными свойствами толерантности к неопределенности для китайцев, живущих в разных странах под влиянием

разных культур. Это открывает новые перспективы для понимания механизмов кросс-культурной адаптации: социо-культурные условия страны проживания модулируют взаимодействие указанных психологических характеристик.

2. Адаптация на китайском языке шкал ИмPLICITНЫЕ теория эмоций (ИТЭ), ИмPLICITНЫЕ теории личности (ИТЛ), Толерантности к неопределенности (в модификации опросника С. Баднера) и ре-адаптация опросника Когнитивной и Аффективной эмпатии расширяет перспективы постановки исследовательских задач в кросс-культурных аспектах.

3. Впервые установлена специфическая роль эмпатии и толерантности неопределенности в зависимости от типа задач. Эмпатия в китайской выборке выступает предиктором направленности выбора в сторону эмоциональной направленности выбора в житейских ситуациях, в то время как в условиях пандемии она не связана с вынесением суждений о про-социальном выборе.

4. Выявленные различия в связях между направленностью принятия решений, свойствами когнитивной и аффективной эмпатии и толерантности к неопределенности между китайцами и россиянами позволяют обосновать новый подход к планированию кросс-культурных исследований – установления не только различий в измеряемых переменных, но и особенностей их связей с когнитивной ориентировкой личности в основаниях принимаемого решения.

Теоретическая значимость результатов исследования

Представления о продуктивном характере принятия решений, сформулированные О.К. Тихомировым и Т.В. Корниловой, конкретизированы применительно к личностному выбору в условиях неопределенности при медицинской угрозе и при возможности использования эмоционального контекста. Полученные результаты вносят вклад в понимание связей когнитивных оснований выбора и таких составляющих эмоциональной сферы как эмпатия и имPLICITНЫЕ теории личности и эмоций. Работа вносит, тем самым, вклад в развитие идеи о единстве интеллекта и аффекта, демонстрируя

связи эмпатии и имплицитных теорий как составляющих единого интеллектуально-личностного потенциала человека и специфику его функционирования в условиях медицинской угрозы.

Установленная роль имплицитных теорий эмоций и толерантности к неопределенности в качестве предикторов направленности ПР задает новый контекст в понимании их регулятивной функции. Показано, что эмпатию следует рассматривать как динамическую регулятивную систему, в которой на ведущий уровень могут выходить как эмоциональные, так и когнитивные компоненты, соотношение которых различается при ПР в условиях медицинской угрозы (при пандемии) и при личностном выборе в обычных житейских ситуациях.

Практическая значимость результатов исследования

Апробированные методики – опросники Когнитивной и Аффективной эмпатии, Толерантности к неопределенности, Имплицитных теорий личности и Имплицитных теорий эмоций – могут использоваться в психодиагностическом арсенале при работе с китайскими выборками и в кросс-культурных исследованиях.

Исследование показало необходимость учета различий в принимаемых личностью когнитивных основаниях решений. У китайских участников не выявилась предполагаемая большая ориентированность на других лиц при решениях о социальном дистанцировании (при большей когнитивной эмпатии по сравнению с россиянами). Это явление заслуживает особого внимания для контроля принятия решений в ситуациях медицинской угрозы.

Установленные различия в латентных профилях и принятии решений между китайской и российской выборками могут применяться для обоснования кросс-культурной практики поддержки принятия решений человеком в жизненно значимых ситуациях, в практике организации продуктивного межличностного взаимодействия между китайскими и российскими студентами.

Достоверность и надежность результатов исследования обеспечивается методологически обоснованной программой исследования, применением

методов и методик, продемонстрировавших валидность в кросс-культурных аспектах, а также величиной и репрезентативностью выборок. Статистическая достоверность обеспечивается использованием современных статистических методов обработки и анализа данных.

Положения, выносимые на защиту

1. Инкрементальные имплицитные теории, отражающие динамичные представления личности о возможностях ее развития и управления эмоциями, характеризуют лиц с более высокой эмпатией и положительным отношением к неопределенности, что свидетельствует об объединении в *динамических регулятивных системах* разных процессов эмоционально-личностной сферы человека с общим модусом (развития или константности).
2. Социальная характеристика отличия китайской культуры (от российской) по выраженности «коллективизма», которая предполагает ориентированность личности на межличностные взаимодействия, не отражает особенности регуляции индивидуальных решений, проявляющих связи их когнитивных оснований с эмпатией с другими составляющими эмоционально-личностной сферы (в латентных личностных профилях).
3. Различия в регулятивной роли *эмпатии* в разных культурах, репрезентируемых российскими и китайскими участниками, взаимодействуют с ситуативным фактором медицинской угрозы так, что эмпатия – при таком типе ситуаций – в китайской выборке *не включается в регуляцию направленности оснований принятия решений* (при включении эмпатии в регуляцию принятия решений в российской выборке).
4. При принятии решений китайскими участниками с большей *когнитивной эмпатией* в житейских ситуациях межличностных отношений с близкими людьми актуализируется ее регулятивная роль, что фокусируется предпочтением эмоциональных оснований выбора; роль же

аффективной эмпатии отражается в поддержке про-социальной направленности выбора.

5. Социо-культурные влияния (при адаптации студентов-китайцев в другой стране) определяют то, что личностью теряются принятые в рамках китайской культуры ориентиры на межличностные отношения; и поскольку взаимодействие с другими в основном реализуется не с близкими людьми, снижается эмпатия.

Апробация результатов исследования

Основные результаты и положения диссертационного исследования обсуждались на Международном научном форуме студентов и молодых ученых «Ломоносов-2020» (Москва, 2020); на конференции «Ананьевские чтения- 2020» (Санкт-Петербург, 2020); на IX Международной конференции по когнитивной науке (МККН-2020, Москва); на кафедре общей психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (2021, 2022, 2023).

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, 3 глав, параграфа Общие выводы и заключение, списка литературы и 8 приложений. Список литературы включает в себя 273 наименований, из них 71 на русском языке и 202 на иностранных языках. В диссертации содержится 14 рисунков, 12 таблиц. Объем работы – 209 страниц.

Глава 1. Эмпатия и имплицитные теории

1.1. Многомерность эмпатии

До сих пор в психологической литературе эмпатия, имплицитные теории и отношение человека к неопределенности изучались в отрыве этих феноменов друг от друга. В нашем исследовании мы полагаем выявить связи между соответствующими им личностными переменными и конкретизировать их регулятивные роли в принятии решений. Но сначала рассмотрим специфику этих понятий.

Определения эмпатии

В психологии термин «эмпатия» (Einfühlung – немец.) был введен Э. Титченером и буквально означает «вчувствование»; в русскоязычной литературе переводится также как «сопереживание» (Карягина, Кухтова, 2016).

Как сложный психологический феномен эмпатия обсуждается в психологии личности, социальной психологии, психологии развития, психологического консультирования и терапии, неврологии и других областях. Некоторые исследователи рассматривают эмпатию как способность; другие считают, что эмпатия — это динамический и направленный психологический процесс (Бовина, 2020; Корнилова, 2022а; Davis, 1983; Hoffman, 1996; Liu, 2009; Schulte-Rüther et al. 2008), причем с диапазоном от эмоционального резонанса до эмоциональной саморегуляции. Эмпатия рассматривается как составляющая эмоционального интеллекта (ЭИ), если сам ЭИ предстает чертой эмоциональной сферы (Корнилова, 2023; Sarrionandia, Mikolajczak, 2020; и др.). Эмпатия рассматривается и как черта личности (Белоусова, Гейвандова, 2021), и как интеграция множественных процессов, опосредствующих результат – сочувствие другому (Корнилова, 2022а, 2022б).

Характерной чертой эмпатии является ориентация на чувства и состояния другого человека. К. Бэтсон (Watson, 2009) считает, что изучение

эмпатии означает получение ответов на два вопроса: как можно узнать, что думает и чувствует другой человек? Что побуждает одного человека чутко и заботливо реагировать на страдания другого?

К. Роджерс рассмотрел эмпатическое понимание как важное средство для психотерапевта в подходе к своим клиентам. Разрабатывая свою теорию в клинической психологии, К. Роджерс сосредоточился на терапевтическом методе «рефлексии» или «рефлексии чувств» как методах эмпатического общения, способствующих саморазвитию клиента (Rogers, 1942; цит. по: Vozarth, 2009). Состояние эмпатии, или эмпатия, заключается в том, чтобы воспринимать внутреннюю систему отсчета другого с точностью и с эмоциональными компонентами и значениями, которые относятся к ней, как если бы один был другим человеком, но никогда не теряя «как если бы» состояние.

С точки зрения социальной психологии И. Бовина (Бовина, 2020) считает, что в условиях сегодняшней глобализации и высокого уровня иммиграции необходимо изучать возникновения эмпатии к людям из других культур. Определение эмпатии обсуждается в литературе по психологии развития. В области психологии развития эмпатия рассматривается Н. Айзенберг и Р. Фабесом как «аффективная реакция, которая возникает в результате опасения или понимания эмоционального состояния или состояния другого человека и которая идентична или очень похожа на то, что другой человек чувствует или должен чувствовать» (Eisenberg, Fabes, 1991, с.37).

В психологической литературе понятие *эмпатии* часто смешивают со многими другими терминами (например: симпатия, подражание, «теория разума», восприятие перспективы), имеющими сходное значение или просто представляющими один из аспектов эмпатии. В начале двадцатого века, до того, как был введен термин *эмпатия*, предшественники этого термина (например, «симпатия» или немецкое «вчувствование» – *Einfühlung*) иногда определялись как явное или скрытое двигательное подражание (Van Baaren et al., 2009). Однако обосновано, что подражание не тождественно эмпатии и

выступает только ее аспектом: оно способствует сходству в поведении, познании и чувствах (Van Baaren et al., 2009; Decety, 2006). Симпатия же является результатом теплой заботы о других, вызванной эмпатией; противоположной стороной является личный стресс (Preckel, Kanske, Singer, 2018).

В современной литературе категория эмпатия соотносится с термином «теории разума». В «Палгрейвской энциклопедии возможного» Теория разума (Theory of Mind – ToM) характеризует то, как люди понимают свои собственные мысли и чувства, а также мысли и чувства других (Franchini, 2022). Последнее представлено в российской психологии также термином «модель психического» (Сергиенко и др., 2020). Подчеркивается, что это важнейший когнитивный механизм для социальных взаимодействий и межличностного общения.

Поскольку и эмпатия, и «теория разума» включают построение образа другого человека (Premack, Woodruff, 1978), многие исследователи стремились различить эти два понятия. ТоМ относится к способности человека понимать психические состояния, такие как намерения, цели и убеждения. Ее нейрокорреляты выявляют в структурах височной доли и префронтальной коры (Singer, 2006). Напротив, эмпатия относится к способности разделять чувства (эмоции и ощущения) других; нейрокорреляты ее полагаются в сенсомоторную кору, а также в лимбические и паралимбические структуры. У эмпатии есть аффективный компонент, который, по сути, не входит в «теорию разума», и, наоборот, в «теории разума» включается компонент логического вывода, который не обязательно присутствует в эмпатии (Singer, 2006).

С точки зрения последовательности своего развития у человека считается, что эмпатия появляется раньше, чем «модель психического», но развитие эмпатии в подростковом возрасте происходило медленнее, чем формирование ТоМ (Singer, 2006). В пожилом возрасте способность к эмпатии не исчезает и если и снижается, то незначительно (данные по 57 странам: Greenberg et al., 2023). Способность к ТоМ начинает снижаться раньше.

Вместе с тем, А. Ибанез с коллегами (Ibanez et al., 2013) считают, что эмпатия является предиктором «теории разума». На русскоязычной выборке показано, что положительное отношение к неопределенности сопутствует повышению когнитивной эмпатии, а снижение толерантности к неопределенности способствует аффективной эмпатии (Корнилова, 2022б).

В культурно-историческом подходе эмпатия рассматривается в двух аспектах. Во-первых, это выделение *эмпатии-отождествления* и *эмпатии-моделирования*, которые В.В. Нуркова предлагает понимать как две формы высшей психической функции – согласно подходу Л.С. Выготского (Нуркова, 2020а). Во-вторых, это обоснование Т.В. Корниловой с позиций единства интеллекта и аффекта необходимости различать множественные процессы, опосредствующие становление результата эмпатии – сопереживания, достигаемого разными путями (Корнилова, 2022а, 2022б; Корнилова, Чжоу, 2021). Обе концепции учитывают многомерное понимание эмпатии.

Таким образом, эмпатия рассматривается как сложное понятие; понимается и как состояние, и как черта (Reniers et al., 2011; Davis, 1983), и как способность, и как множественность процессов (Yang et al., 2017; Hoffman, 1996; Корнилова, 2022а). Указание на неоднородность эмпатии обсуждается как помеха практики в ряде областей, например, в сестринском деле (Fernandez, Zahavi, 2020); поэтому звучит призыв начать разработку базовой концепции эмпатии с нуля. Однако уже достаточно много данных свидетельствует о том, какие разные процессы опосредуют достижение результата эмпатии.

М. Дэвис (Davis et al., 1996) выделил такие два компонента эмпатии как процессные (*децентрация, сопереживание*) и результативные (*эмпатическая забота, личный дистресс*). Другие дихотомии проявились при выделении таких видов эмпатии как аффективная и когнитивная эмпатия (Белоусова, Гейвандова, 2021; Reniers et al., 2011), эмпатия-отождествление и эмпатия-моделирование (Нуркова, 2020а, 2020б).

В современных исследованиях утверждается и более широкое многомерное понимание эмпатии, которое включает наряду с когнитивным и эмоциональным аспектом поведенческий и моральный аспекты (Henet, Givron, Deseille, 2020). *Поведенческий аспект* относится к проявлению эмпатии в общении и к пониманию ситуации (эмоций, мнений, переживаний) других людей, а *моральный аспект* – к альтруистическому поведению и мотивации, которая проявляется как реакция на страдание другого человека и выражение желания помочь другому (Henet, Givron, Deseille, 2020).

Неврологические исследования поддерживают представления о разных источниках эмпатии и разной локализации ее психофизиологических основ (Singer et al., 2006). Фан и Хан через исследование потенциалов мозга, связанных с событием (ERP), показали, что ранний компонент эмпатии – это процесс обмена эмоциями, а поздний компонент – процесс когнитивной регуляции (Fan, Han, 2008). Однако сигналы, зависящие от кислорода в крови, зарегистрированные в исследованиях фМРТ, имеют низкое временное разрешение (Fan, Han, 2008). Поэтому трудно указать, что возникает первым из эмпатийных процессов: когнитивный или аффективный.

Даже если исследователи думают об эмпатии как о едином процессе, среди них нет единого мнения. М. Хаузер (Hauser, 2000) видит в эмпатии нисходящий процесс – «сверху вниз» (от когнитивного звена управления к эмоциям); другие – восходящий, или «снизу вверх» – от сенсорного или перцептивного звена управления (например: De Waal, 2008; Eisenberg, Eggum, 2009).

Эмпатия рассматривается как функция высших структур мозга, включая кору головного мозга. Д. Децети и Ф. Джэксон утверждали, что существует три функциональных компонента эмпатии: аффективное разделение между собой и другим, осознание себя и другого, а также умственная гибкость и саморегуляция (Decety, Jackson, 2004). Д. Децети и М. Мейер с позиций нейронауки предложили модель двойной обработки, основанную на результатах исследования изображений мозга. Согласно этой модели,

существует два пути обработки информации при эмпатии: один – контролируемый путь «сверху вниз», основанный на префронтальной доле, подчеркивающий роль сознания и когнитивных способностей в возникновении эмпатии; другой – автоматизированный путь «снизу вверх», основанный на системе зеркальных нейронов, что подчеркивает бессознательные механизмы эмпатии (Decety, Meyer, 2008). Д. Децети и К. Ламм (Decety, Lamm, 2006) также показали, что *эмпатия* является результатом взаимодействия восходящего процесса обмена эмоциями и нисходящего процесса когнитивной регуляции.

Де Ваал указывал (De Waal, 2008), что эмпатия не является феноменом «все или ничего», а имеет множество различных переходных состояний – от простого эмоционального заражения до полного понимания ситуации согласно взглядам других людей. Таким образом, можно предполагать разное соотношение эмпатийных процессов. Существует три категории эмпатического ответа, которые основаны друг на друге как по сложности, так и по эволюционной новизне. Во-первых, «эмоциональное заражение» включает в себя косвенное переживание аффективного состояния другого человека. Поскольку считается, что этот процесс является относительно автоматическим и, возможно, наименее подвержен влиянию сложных когнитивных процессов (что соотносимо с пониманием эмпатии-отождествления в подходе В. Нурковой). Во-вторых, «эмпатическая забота» относится к чувству сострадания и теплоты по отношению к человеку, которое зависит от различения себя и других. В-третьих, «восприятие перспективы», предполагающее *децентрацию* возможных позиций, включает преднамеренную попытку представить мысли и чувства другого человека – более осознаваемый когнитивный компонент. Обмен эмоциями лежит в основе эмпатии и представляет собой самую простую и самую старую форму эмпатии, когнитивный компонент появляется позже и находится на ином уровне эмпатии. Учитывая, что третий уровень в модели Де Ваала – принятие точки зрения Другого – концептуализируется как когнитивный процесс,

вероятно, что он будет зависеть от ранее существовавших убеждений о человеческих эмоциях (Schumann, Zaki, Dweck, 2014), т.е. от имплицитных теорий (ИТ) эмоций (Tamir et al., 2007). По отношению к этому понятию – ИТ – ведутся споры относительно их осознанности, их полагают в менее осознаваемые структуры интеллектуально-личностного потенциала (Корнилова и др., 2010; Стернберг и др., 2002; Чумакова, 2010).

Д. Бед и Э. Видинг объединили предыдущие теории и результаты исследований, чтобы предложить новую модель эмпатии – «SOME модель» (модель эмпатии "Я к Другому") (рис. 1), которая может быть использована для объяснения механизма эмпатии у людей с аутистическими нарушениями (Bird, Viding, 2014).

По мнению Д. Беда и Э. Видинга, эмпатия возникает посредством Переключателя с себя на другого. Голубые прямоугольники представляют на рисунке 1 входные системы (Система понимания ситуации, Система классификации аффективных сигналов), взаимодействующие с системами репрезентаций (Система ТоМ – теории разума, Система аффективного представления, Система зеркальных нейронов), участвующими в понимании собственных эмоций.

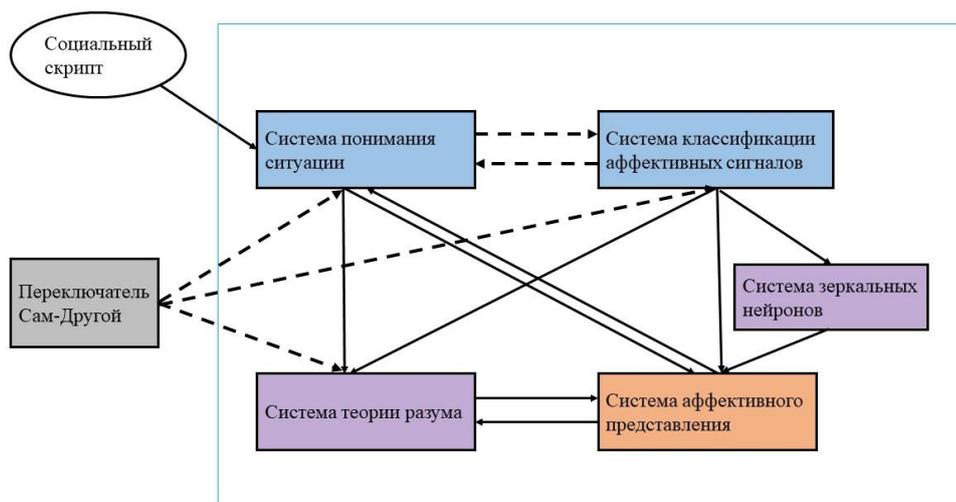

Рисунок 1 - SOME модель (по Bird, Viding, 2014).

Система понимания ситуации является «входной», поскольку она может напрямую влиять на аффективное состояние эмпатии (закодировано в Системе классификации аффективных сигналов), направляя эмоциональное состояние от себя («сам») к состоянию Другого – «объекта» эмпатии. Система классификации аффективных сигналов выполняет низкоуровневую перцептивную категоризацию («сопоставление эмоциональных паттернов») сигналов на уровне реципиента, сигнализирующих об аффективном состоянии другого человека. Система зеркальных нейронов может обеспечивать косвенную связь между Системой классификации аффективных сигналов и Системой аффективного представления. Она может вызывать эмоциональное заражение в результате автоматической имитации наблюдаемого эмоционального выражения. Система теории ТоМ представляет ментальные состояния себя и других в рамках пропозициональной системы. Система аффективного представления обеспечивает репрезентацию текущего аффективного состояния личности.

В обычной ситуации при активации состояния Переключателя Сам-Другой на состояние другого человека происходит автоматически, по умолчанию. Переключатель имеет две функции. Первая функция заключается в изменении информации, обрабатываемой системами ввода, таким образом, чтобы собственное эмоциональное состояние (в Системе аффективной репрезентации) соответствовало состоянию другого человека. Система понимания ситуации будет обрабатывать уже ситуацию, в которой находится другой человек («объект» эмпатии), а не ситуацию, в которой находится сам субъект. Вторая функция состоит в том, чтобы пометить, что текущее состояние самого субъекта подходит для Другого. Эта маркировка происходит в Системе ТоМ, но не в Системе аффективного представления.

Из зарубежных психологических исследований *эмпатии* можно сделать вывод: в основном признается, что эмпатия является феноменом, включающим как эмоциональные, так и когнитивные компоненты, но результаты исследований зачастую весьма противоречивы (Guo, Wang, Chan,

2022; и др.). На уровне психофизиологических коррелят нет ясности. Так, Зингер и его коллеги (Singer et al., 2006) обнаружили корреляцию между активностью в определенных областях мозга, связанных с эмпатией, и показателями эмпатической озабоченности, тогда как К. Ламм и коллеги (Lamm et al., 2007) исследовали те же области мозга, но не обнаружили такой связи.

Сложное соотношение между про-социальной направленностью поведения и эмпатией

С тех пор как эмпатия была выделена в качестве особой области психологических исследований, подчеркивались обычно преимущества эмпатии. Она выступила существенным моментом в клинической практике, в частности, стала специально обсуждаться применительно к работе и обучению медицинского персонала. Было показано, что у студентов-медиков высокий уровень эмпатии тесно связан с клинической компетентностью при различных заболеваниях и типах консультаций (Ogle, Bushnell, Caputi, 2013). Высокий уровень эмпатии у врачей повышает удовлетворенность пациентов и приверженность лечению (Kim, Kaplowitz, Johnston, 2004), уменьшает количество претензий о врачебной ошибке (Riess et al., 2012). Для психологов способность к эмпатии выступает важнейшим профессионально значимым качеством. Для российских врачей выделены личностные латентные профили, в которых эмпатия – по Джефферсоновскому опроснику (Крюкова, Чжоу, Корнилова, 2020) – значимо связана с различным отношением к неопределенности, с готовностью к риску и свойствами Темной триады как нестабильного эмоционального ядра личности (Крюкова, Корнилова, 2022).

В обычной жизнедеятельности людей в обществе эмпатия позволяет людям быстро ассоциироваться с эмоциональным состоянием других и играет очень важную роль в социальных взаимодействиях (De Waal, 2008). У людей с большей эмпатией больше друзей в социальных сетях (Kardos et al., 2017). Эмпатия оказывает прямое влияние на альтруистическое поведение в интернете и косвенно влияет на него через на само-эффективность (Чжэн,

Чжао, 2015). Эмпатия в целом способствует про-социальному поведению (Корнилова и др., 2021; Decety et al., 2016; Penner et al., 2005; и др.) и альтруизму (Cameron et al., 2022; FeldmanHall et al., 2015; и др.).

Поведение взаимопомощи среди видов является продуктом эволюции. Перформанс эмпатии (соединение мимики — видение болезненных эмоций на лицах других людей и болезненных эмоций на своем лице) позволяет отдельным лицам и группам совместно обнаруживать факторы риска в окружающей среде и способствует безопасной среде социального взаимодействия (Carter, Harris, Porges, 2009). Подробно соответствующая «перформансу» первоначальная стадия эмпатии описана В. Нурковой при введении такого вида как *эмпатия-отождествление*, рассмотренная с позиций культурно-исторического подхода также как детерминированная социумом функция. Далее в социальном взаимодействии на основе усвоения культурных норм развивается эмпатия как высшая психическая функция — *эмпатия-моделирование* (Нуркова, 2020а, 2020б).

Показано, что между эмпатией и про-социальным поведением, а также кооперативным (социально компетентным) поведением обычно обнаруживались положительные связи – от низкой до умеренной (Eisenberg, Miller, 1987). Метод оценки эмпатии влиял на силу отношений; показатели эмпатии на основе методики ситуаций в картинках/рассказах не были связаны с про-социальным поведением, в то время как почти все другие измерения были связаны (Eisenberg, Miller, 1987).

Черты личности и эмпатия также тесно связаны. В. Баррио с коллегами (Barrio, Aluja, García, 2004) исследовали взаимосвязь между эмпатией и личностными чертами Большой пятерки; они обнаружили значительную положительную корреляцию между эмпатией, с одной стороны, и Доброжелательностью и Открытостью, с другой; но не обнаружили связи с Нейротизмом. Доброжелательность как черта Большой пятерки в большей степени связана с про-социальной мотивацией. У. Грациано и соавторы (Graziano et al., 2007) показали, что взаимодействие ситуационных факторов и

личностной черты Согласия также влияет на мотивацию про-социального поведения, проявляющуюся в эмпатии. Сосредоточение внимания на потребностях жертвы может усилить помощь со стороны людей с низким уровнем доброжелательности. На людей с высоким уровнем доброжелательности мало влияют ситуационных манипуляции, связанных с эмпатией; по-видимому, эмпатические проблемы им доступны и очевидны.

Снижение эмпатии предсказывает склонность к дискриминации, пренебрежение к другим и открытую агрессию (Zaki, Cikara, 2015). Дефицит эмпатии наблюдается у людей с расстройством, связанным с употреблением алкоголя, по сравнению со здоровыми людьми. Дефицит особенно выражен у пожилых людей и преимущественно в когнитивной эмпатии. В неклинических выборках более низкая эмпатия, по-видимому, связана с более интенсивным употреблением алкоголя и большим количеством проблем с алкоголем (Kumar, Skrzynski, Creswell, 2022).

Многие психические расстройства связаны с нарушением функций эмпатии. Сообщалось, что навыки эмпатии снижены при лобно-височной деменции (Rankin, Kramer, Miller, 2005). Шизофрения — одно из наиболее серьезных психических расстройств, характеризующееся нарушением способности к эмпатии (Montag et al., 2007). Обсуждаются особенности эмпатии у лиц с аутистическим расстройством. Отсутствие эмпатии — это то, что характеризует психопатов, причиняющих боль другим без чувства вины или раскаяния (Blair, 2003).

Снижение эмпатии выделяется в качестве общего радикала свойств Темной триады, объединившей социально неодобряемые, аверсивные черты личности (Vize et al., 2018), причем со спецификой их связи с эмпатией для мужчин и женщин (Jonason, Krause, 2013). Нарциссизм среди свойств Темной триады проявляет менее однозначные связи (Красавцева, Корнилова, 2019). На российской и азербайджанской выборках показано, что именно свойства Темной триады и личностная готовность к риску, а не показатели эмпатии выступили в качестве факторов, дискриминирующих различия сходных для

двух культур латентных профилей (Корнилова, Корнилов, 2021). В китайской культуре обнаружено, что нарциссы обладают низкой эмпатией, и это в основном обусловлено снижением аффективного компонента эмпатии; но нет существенной разницы между нарциссами и не нарциссами в оценке когнитивной эмпатии (Хэ, Чжу, 2016). Исследование Х. Харари с соавторами (Harari et al., 2010) показало, что аффективная и когнитивная эмпатия различны у пациентов с пограничным расстройством личности: когнитивная эмпатия у этих пациентов была ниже, чем в группе нормы, но способность к эмоциональной эмпатии была выше, чем в группе нормы.

Взаимосвязь эмпатии и алекситимии неоднозначна. Т. Карягина и М. Чумакова при выявлении латентных профилей подтвердили непрямой характер этой связи (Karyagina, Chumakova, 2018). Алекситимичные люди (с уплощением эмоциональной сферы) могут различаться по уровню интереса к смыслу и мотивации собственного и чужого поведения, и это различие соответствует снижению у них аффективной эмпатии.

Множество работ посвящено выявлению связей эмпатии с эмоциональным интеллектом (Bar-On, 2007; Petrides, Furnham, 2001; Корнилова, 2022б, 2023; Белоусова, Гейвандова, 2021). Эмпатия включалась в качестве компонента эмоционального интеллекта в подходах Р. Бар-Она (Bar-On, 2007) и Д. Гоулмена (Гоулмен, 2020), рассматривающих его как личностное свойство. Она присутствует фасеткой в опроснике Черта эмоционального интеллекта (the Trait Emotional Intelligence Questionnaire – TEIQ) А. Фернхема и К. Петридеса (Petrides, Furnham, 2001), концептуализирующим эмоциональный интеллект как черту (Корнилова, 2023). Но при понимании эмоционального интеллекта в качестве способности эмпатия уже не выступает специальным компонентом, хотя косвенно это представлено в выделении межличностного эмоционального интеллекта. Отметим, что на российских выборках показаны как связи эмпатии с эмоциональным интеллектом (Белоусова, Гейвандова, 2021), так и разные пути их возрастного развития (Корнилова, 2022б, 2023).

Измерения эмпатии

Эмпатия как состояние может оцениваться в качестве контекстно-зависимой переменной, что в современных исследованиях реализуется с помощью компьютерных средств предъявления стимулов (Zhao et al., 2021). Однако результаты отличаются в зависимости от методов измерения эмпатии.

Пока можно выделить три группы методов: идентифицирующие эмпатию как *состояние* (здесь множество методик), как *результат* (за которым стоят разные процессы, но есть поведенческие или вербальные показатели, что эмпатия имела место) и диагностирующие эмпатию как *диспозициональное свойство* личности. В последнем случае используются в основном самоотчетные методики – опросники.

При этом применение разных типов методик может приводить к различиям в результатах. Так, были обнаружены большие различия по полу в пользу женщин, когда мерилем эмпатии были шкалы самооценки; умеренные различия (в пользу женщин) были обнаружены для рефлেকторного плача и показателей самоотчета в лабораторных условиях (Eisenberg, Lennon, 1983).

С помощью самоотчетов эмпатия измеряется как личностная черта – по дифференцированным шкалам или в качестве общей характеристики. Примером измерения эмпатии как общего свойства личности является Шкала Empathy Quotient (EQ) (Baron-Cohen, Wheelwright, 2004). В российской психологической литературе более популярным стал опросник Межличностный индекс реактивности (Interpersonal Relation Inventory – IRI) М. Дэвиса (Davis, 1983), выделивший ряд шкал, или компонентов эмпатии.

М. Дэвис считал, что эмпатия включает в себя три основных компонента: личные и ситуационные факторы; процесс, который происходит в человеке, который сопереживает; эмоциональные и не эмоциональные результаты эмпатии (Davis et al., 1996). Разработанный им опросник на сегодняшний день является наиболее цитируемой шкалой эмпатии. По этому опроснику выделяются четыре шкалы измерения эмпатии: *децентрация*, или восприятие перспективы (perspective taking), *сопереживание* (fantasy), *личный*

дистресс (personal distress) и *эмпатическая забота* (empathy concern) (на русском по: Карягина, Кухтова, 2016). Среди них эмпатическая забота отражает заботу об эмоциях других, личный дистресс оценивает негативные чувства по поводу страданий других, децентрация отражает когнитивный компонент – понимание мнений других, а сопереживание оценивает доступную степень эмоциональной идентификации с персонажами книг, фильмов или пьес. Считается, что эмпатическая забота и личный дистресс измеряют эмоциональные аспекты эмпатии, в то время как децентрация и сопереживание измеряют когнитивные аспекты (Davis, 1983).

Т. Карягина адаптировала опросник М. Дэвиса IRI (Межличностного индекса реактивности) на российской выборке. Однако результаты были менее чем удовлетворительными. Например, оценки по «рациональному» каналу эмпатии по тесту В. Бойко на российской выборке коррелировали с оценками по «эмоциональным» шкалам опросника Дэвиса, а с оценками по децентрации (как когнитивному процессу) – не были связаны (Карягина, 2013). Автор подытожила это так: Шкалы децентрации и сопереживания М. Дэвиса не могут быть однозначно определены как когнитивный и аффективный компоненты.

В другом исследовании также показано, что шкала децентрация IRI не коррелирует со шкалой децентрации по опроснику медицинской эмпатии Джефферсона (Costa et al., 2017), хотя названия одинаковые – perspective taking. Однако некоторые исследователи ставят под сомнение то, что сопереживание и личный дистресс оценивают способность воображения и эмоционального самоконтроля, которые могут и не иметь ничего общего с эмпатией (Baron-Cohen, Wheelwright, 2004). Даже утверждается, что М. Дэвис путает ключевые группы понятий: «эмпатия» и «воображение», «эмпатия» и «симпатия» (Ван, Су, 2019).

Разработана также методика для измерения в основном когнитивной части эмпатии – шкала эмпатии Института Джефферсона (JSE) (Hojat et al., 2001). Эта шкала фокусируется на эмпатии работников медицинской сферы,

переведена более чем на 45 языков и опубликована в журналах более чем 70 стран. Авторы этой шкалы определяют эмпатию в клинических ситуациях как «понимание боли, дистресса, переживаний и беспокойства пациента», что подчеркивает когнитивные аспекты эмпатии (Hojat, LaNoe, 2014). Существуют три версии JSE с похожим содержанием и немного отличающимися формулировками, которые соответственно подходят для измерения эмпатии врачей, студентов-медиков и студентов других специальностей, связанных с медициной (кроме медицины). Результаты факторного анализа показали, что пункты JSE включали три фактора: «децентрация» (perspective taking), «сострадательная забота» (compassionate care) и «нахождение на месте пациента» (walking in patient's shoes) (Hojat, LaNoe, 2014). Среди них *децентрация* подчеркивает тщательное отношение к мнению пациента; *сострадательная забота* подчеркивает понимание опыта пациента; *нахождение на месте пациента* – не игнорирование эмоций пациента при уходе за пациентом (Hojat, 2016).

При нашей совместной апробации опросника JSE на российских и китайских выборках (Крюкова, Чжоу, Корнилова, 2020) было показано, что Джефферсоновский опросник эмпатии на русскоязычной выборке врачей проявил аналогичную англоязычной трехфакторную структуру. Психометрические характеристики опросника JSE для обеих культурных групп позволяют его применять как в России, так и в Китае.

Более подробно нами в дальнейшем будет охарактеризован опросник Когнитивной и Аффективной эмпатии, использованный в нашем исследовании – Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy – QCAE (Reniers et al., 2011; русскоязычная адаптация: Белоусова, Гейвандова, 2021).

Различия в эмпатии по полу и возрасту

Многочисленные исследования показали, что женщины сообщают о более высоком уровне эмпатии, чем мужчины (O'Brien et al., 2013; Hojat et al., 2002, 2005; и др.); хотя было указано, что это различие ограничивается

измерениями, когда используют самоотчетные методики (O'Brien et al., 2013; Eisenberg, Lennon, 1983). Также важно учитывать кросс-культурный аспект. Так, для китайских выборок (студентов-медиков) не было получено различий по полу или возрасту (Song, Shi, 2017). В японском исследовании студентов-медиков выявлялась большая эмпатия у женщин (Abe et al., 2018). Однако иерархический множественный регрессионный анализ с учетом пола не выявил в этом исследовании связи между эмоциональным интеллектом, эмпатией и полом участников.

В исследовании Т.В. Корниловой при применении опросника Когнитивной и Аффективной эмпатии (QCAE) на российских выборках установлен значимо более высокий общий балл эмпатии у женщин; также у них выше показатель когнитивной эмпатии *подстройка* и все шкалы *аффективной эмпатии* (Корнилова, 2022б). При этом не было обнаружено различий по полу в эмоциональном интеллекте и имплицитных теориях эмоций, но установлено расхождение путей изменения эмоционального интеллекта и эмпатии с возрастом (эмпатия снижается – за исключением *децентрации*, – в то время как эмоциональный интеллект повышается).

На западных выборках устанавливалось снижение *когнитивной эмпатии* с возрастом, но при этом могла повышаться и *аффективная эмпатия* (Beadle, de la Vega, 2019); пол в этой работе не учитывался. Исследования аффективной эмпатии в целом не показывают возрастных различий между молодыми и пожилыми людьми, за исключением исследования Чена и его коллег (Chen et al., 2014), которые при сравнении трех разно-возрастных выборок этнических китайцев показали снижение с возрастом *аффективной эмпатии*.

1.2 Культурная специфика в эмпатии

Изучение связей эмпатии с отношением человека к неопределенности и имплицитным теориям личности и эмоций не может игнорировать социальную среду, включенность его в культуру и нормативы проявления эмоций. Однако методологические пути рассмотрения проблем существенно различаются в российской и западной психологии (Асмолов, 2002; А.Н. Леонтьев, 1975; Корнилова, 2022а; Корнилова, Смирнов, 2013; Смирнов и др., 2016; и др.), а также имеют специфику в китайской культуре.

Т. Черч (Church, 2000) рассмотрел два теоретических подхода, которые доминируют в современных исследованиях культуры и личности: подход кросс-культурной психологии, в котором концепция черты занимает центральное место, и подход «культурной» психологии (точнее - личности в культуре), в котором концепция черты ставится под сомнение. Далее он предложил видение интеграции психологии личности и культурной психологии. Соответствующий социо-культурный подход можно видеть в понимании личности в китайском обществе.

Культура, субкультурная среда, социальные структуры и институты, в которых живет человек, оказывают решающее влияние на личность и социальное поведение. Несмотря на масштабную модернизацию, молодые китайцы по-прежнему мысленно ассоциируют традиционную культуру с моральной ценностью межличностных обязательств (Hu et al., 2018). Чтобы объективно изучать взаимосвязи между эмпатией, отношением к неопределенности и имплицитными теориями, необходимо исходить из китайской реальности и принять влияние китайского культурного круга в качестве потенциальной переменной. Китайская традиционная культура определяет основные характеристики китайской «традиционной» личности. Китайская традиционная культура обширна и глубока, имеет долгую историю и оказывает глубокое влияние на личность китайца.

Традиционная китайская культура предполагает включение кровного родства и семейной этики в собственную мировоззренческую систему человека, образуя патриархальный ритуал, интегрирующий философию, религию, политику, право, мораль, литературу и искусство; причем мораль занимает в ней господствующее положение. В то же время китайская традиционная культура имеет сильные этические характеристики и уделяет больше внимания гуманитарным наукам или межличностным отношениям, чем природе и людям. Это культура, ядром которой является группа. Поскольку конфуцианство придает большое значение урегулированию отношений между людьми и самим с собой, оно должно обращать внимание на эмпатию как составляющую межличностных взаимодействий.

В традиционной китайской культуре, чтобы достичь личной гармонии, а) внутри человека: люди должны иметь доброжелательное и сострадательное сердце; у них должно быть чувство стыда, если они делают то, чего не должны делать; и б) вне человека: люди должны понимать свои социальные обязанности и социальные роли, а затем постоянно приспосабливать себя к социальным стандартам (Huang, Charter, 1996).

Эмпатия – это современный конструкт, пришедший из западной психологической литературы. Но проявление или значение понятия «эмпатия» издавна существует в китайской традиционной культуре.

Мысль о «доброжелательности» является теоретическим ядром конфуцианства, где доброжелательность рассматривается источником и движущей силой хороших эмоций и переживаний людей. Объяснение Конфуцием основного содержания «доброжелательности» в основном отражено в «благожелательной любви к другим», что означает, что люди должны уважать друг друга и иметь сострадание. Цзыгун, ученик Конфуция, однажды спросил Конфуция: «Есть ли слово, которому можно следовать всю жизнь?» Конфуций ответил: «Если вы не хотите, не навязывайте его другим» (Хуан, 1990). Уметь соотносить себя и других, сравнить свое сердце с сердцем – это «благоволение», которое соотносимо с понятием «эмпатия».

Сюнь-цзы, еще один представитель конфуцианства, акцентирует внимание на биологической природе человека, поэтому он придерживается «теории злой природы» и считает, что человеческая природа по своей природе зла (Фэн, 2019). Мэн-цзы, с другой стороны, подчеркивает сочувствие (один из аспектов эмпатии) людей, поэтому он настаивает на «теории доброй природы». Более поздние поколения конфуцианцев считали Мэн-цзы ортодоксальным, поэтому они отстаивали теорию добродушия: «Те, кто может питать симпатию (эмпатию), не теряя ее, – джентльмены, в противном случае – злодеи» (Менцзы, 2019).

Мэн-цзы полагал, что сострадание к чужому несчастью (сочувствие, эмпатия), стыд за грех, уважение к старшим, вежливость к другим, способность различать добро и зло – все это есть у всех, и в этом также заключается различие между человеческими и «не-человеческими существами».

Пример Мэн-цзы: когда люди видят маленького ребенка, собирающегося упасть в колодезь, они спонтанно испытывают страх, ужас и жалость, и эти реакции не основаны на рациональной оценке того, принесет ли результат пользу, репутацию и другие внешние факторы. Этот вид психологической реакции можно резюмировать как «сострадание», которое Мэн-цзы считает источником «доброжелательности», то есть рассматривал его как основу морального стандарта «доброжелательности» (Менцзы, 2019).

Конфуцианство уделяет больше всего внимания образованию, а конечная цель образования состоит в том, чтобы сделать каждого человеком, а не зверем. Если человек хочется учить других, человек должен сам иметь добродетель. Если человек сам не прав, то человек не может обучать других. Поэтому в конфуцианском учении первоочередной задачей является обучение нравственному поведению. Таким образом, «эмпатия» была очень важной темой в конфуцианстве.

Термин «саморегулирование» не чужд китайцам, потому что Конфуций когда-то обратил внимание на саморегуляцию. Конфуций считал, что

человеческое сердце состоит в любви к другим и что доброжелательность – это унаследованная склонность. Он воспринимал доброжелательность как нечто вроде яблочных зерен, которые после того, как их посадят, прорастут и вырастут. Забота о других, основанная на предпочтительном образе жизни, породила принцип саморегуляции, когда человек использует себя в качестве стандарта для регулирования своего поведения во взаимодействии с другими (Huang, Charter, 1996). Поэтому для конфуцианской культуры саморегуляция является не только важной частью самосовершенствования личности, но и важной частью гармоничных межличностных отношений.

Современные китайские психологи (Ли и др., 2017) указали на исследование эмоциональной эмпатии в древнем Китае в книге «Сострадания» Мэн-цзы и в выдвинутом Конфуцием аргументе в «Верность и прощение», который уже давно принят в китайской культуре. Авторы считают, что «путь верности и прощения», предложенный Конфуцием, содержит основную идею *когнитивной эмпатии*. В «Пути верности и прощения» Конфуция говорится: 1. Для добродетельного человека, если он хочет закрепиться в обществе, ему необходимо позволить другим закрепиться в обществе; если он хочет сделать свою карьеру доступной, ему должно позволить другим сделать хорошую карьеру. 2. Если человек сам не хочет испытать что-то, то человек не может позволить другим испытать это. Это важный критерий конфуцианства в отношении межличностных отношений, требующий от людей экстраполировать психологические чувства других на основе их собственного внутреннего опыта. Это охватывается современным понятием эмпатии.

Однако исследователь не может следовать тенденции рассмотрения китайского культурного сообщества как относительно статичного и «затвердевшего», необходимо смотреть на эмпатию в рамках китайской культуры с точки зрения исторического развития современного общества.

Современные кросс-культурные исследования

Х. Маркус и Ш. Китаяма указали, что «структура самости» (self-contruals) в западной культуре и не-западных культурах различна (Markus, Kitayama, 1991). По-русски термин «структуры самости» можно дать в более широком переводе как «когнитивные структуры образа Я» или «когнитивный аспект самосознания личности». Это кросс-культурное различие охватывает сознательный опыт человека, включая его познание, эмоции и мотивацию.

Эти авторы называют структуру *самости* в западной культуре «независимой структурой самости», а в не-западных культурах – «взаимозависимой структурой самости». Во многих западных культурах принимается, что люди отстаивают личную независимость, автономию как независимость от других, или самостоятельность. Чтобы достичь этой культурной цели, люди должны основываться на своих собственных мыслях, чувствах и действиях. Во многих не-западных культурах акцент делается на взаимной связи и привязанности людей друг к другу. Переживание взаимозависимости заставляет людей видеть себя частью социальных отношений и учитывать мысли, чувства и действия других участников этих отношений. Человек с взаимозависимым «эго» имеет более сильное чувство принадлежности. Со-зависимые, когда они в силу каких-то обстоятельств полностью отделены от семьи, коллег и друзей, теряют социальные связи, которые определяют их. У них не одно «я», а множество «я»: «я», когда они с родителями, «я», когда они работают, и «я», когда они с друзьями. Взаимозависимое Я встроено в социальные отношения. Здесь люди менее прямолинейны в своих разговорах и более вежливы в речи (Holtgraves, 1997). Цель социальной жизни при этом не в улучшении индивидуального Я, а в координации и поддержке группы, к которой он принадлежит.

В сегодняшнем крайне глобализованном мире существует множество исследований (Ross, Hun, Wilson, 2002; Chung, Chan, Cassels, 2010), посвященных людям в би-культурной среде: это, например, те люди, которые

находятся между культурами Запада и Восточной Азии. Обычно в таких исследованиях би-культурная выборка состояла из людей, родившихся и выросших на Западе, но принадлежащих к этнической группе Восточной Азии и идентифицирующих себя с обеими культурами. Было показано, что би-культурные люди китайского происхождения, как правило, описывали себя с точки зрения своих собственных качеств, когда писали по-английски, но когда писали по-китайски, то описывали себя по отношению к другим людям (Ross, Hun, Wilson, 2002).

Би-культурная среда также влияет на аспекты и проявления эмпатии. Как по «эмпатической заботе», так и по «личному дистрессу» показатели би-культурных участников находились между показателями западных и восточно-азиатских групп, но модель реагирования в целом была больше похожа на восточно-азиатскую. Более того, би-культурная группа значительно отличалась от групп западных стран по «личному дистрессу» – субшкале аффективной эмпатии. У би-культурной группы значительно выше этот показатель (Chung, Chan, Cassels, 2010).

Рисунок 2 - Перспектива независимого Я.

Независимое Я – признание себя и своего отношения к другим – подразумевает самостоятельность и автономию (рис. 2). Однако взаимозависимое сознание позволяет глубже проникаться чувствами других людей, что показано пересечениями на рисунке 3 (Markus, Kitayama, 1991).

Рисунок 3 - Перспектива взаимозависимого Я.

Примечание к рисунку 3: Взаимозависимое Я вкрапляется в социальные отношения (Markus, Kitayama, 1991).

Ш. Китаяма с соавторами сообщали, что для японских студентов счастье сопровождается положительными социальными взаимодействиями – близостью, дружелюбием и уважением (Kitayama, Markus, Kurokawa, 2000). У американских студентов эта эмоция часто сопровождается эмоциями облегчения – эффективностью, превосходством и гордостью. Более того, люди в коллективистских культурах, как правило, более самокритичны, сильнее сосредотачиваются на негативной информации, относящейся к себе, и с меньшей вероятностью воспринимают себя в позитивном ключе, чем люди в индивидуалистических культурах (Falk et al., 2009). Китайские студенты-медики имели более низкие уровни «децентрации» и «эмпатической заботы», чем их коллеги в большинстве стран, в то время как их «личный дистресс» часто был выше (Shi, Du, 2020).

С 1967 по 1973 год нидерландский социолог Г. Хофстеде провел масштабное исследование культурных ценностей в IBM (International Business Machines Corporation), изучив соответствующие данные о сотрудниках из 50 стран и трех многонациональных регионов. В итоге он предложил четыре шкалы описания и измерения отличий культур: Индекс дистанцированности от власти; Индивидуализм-Коллективизм; Маскулинность; Избегание неопределённости (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2005). Позже Хофстеде

добавил пятое измерение, отражающее конфуцианские ценности: Долгосрочная ориентация на будущее (в противоположность краткосрочному) и шестое измерение: Допущение, или свободное удовлетворение потребностей (в противовес контролю со стороны строгих социальных норм) (Hofstede, Gert Jan, Michael, 2010.). *Индивидуализм* характеризует общества, в которых люди слабо связаны друг с другом: они заботятся о себе и своих семьях, отстаивают автономию от других; *коллективизм* относится к культурам, в которых люди с рождения интегрированы в сплоченную группу с сильными внутренними связями, которая обеспечивает пожизненную защиту в обмен на абсолютную преданность группе.

Это проявляется на психологическом уровне. Так, в кросс-культурном исследовании самооценок (Bochner, 1994) исследователи попросили 26 малазийских (коллективистская культура), 32 австралийских и 20 британских участников (представители индивидуалистических культур) заполнить десять утверждений, начинающихся со слов "Я есть". В результате показано, что люди из коллективистских культур создают значительно более групповые и менее эгоцентричные самоописания, чем люди из индивидуалистических культур.

Однако турецкая психолог С. Кагитсибаси (Kagitcibasi, 2005) отмечала, что «коллективистско-индивидуалистическая» парадигма и соответствующий Я-конструкт «со-зависимый – независимый» являются спорными из-за отсутствия эмпирической поддержки и трудности разработки коллективистско-индивидуалистической шкалы из-за ее концептуализма и методологической сложности. Она анализировала в основном используемые шкалы «коллективизма-индивидуализма» и предложила рассматривать коллективизм и индивидуализм не как два полюса одномерной горизонтальной оси, а как два ортогональных измерения в рамках одной модели: с одной стороны, это шкала измерения межличностной дистанции (сепаратность – связанность), и с другой – автономности (автономия – гетерономия) (Kagitcibasi, 2005).

Исходя из этого, автор вывела четыре модели Я-концепции и систематически аргументировала их с точки зрения уровня социально-экономического развития и того, как родители воспитывают своих детей. Первый тип «я» – это гетерономно-связанное «я», которое имеет высокий уровень связанности, но низкий уровень автономии; оно развивается в семейной модели полной взаимозависимости, с ориентацией на послушание. Второй тип – автономно-отдельное «я», которое характеризует человека с высокой автономией, но низкой связанностью; такой тип развивается в семейной модели независимости, с ориентацией на самоутверждение. Третий тип – автономно-связанное «я», которое имеет высокие показатели как связанности, так и автономии; оно развивается в семейной модели психологической взаимозависимости, с ориентацией как на контроль (контроль установления порядка), так и на автономию. Четвертый тип может указывать на ситуацию родительского игнорирования или безразличия. Четвертая модель представляет собой не-связанное и при этом не-автономное «я». Дети с такой моделью «я» обычно растут в иерархических семьях, где воспитание в основном ориентировано на отвержение и послушание (Kagitcibasi, 2005).

Основываясь на идее о том, что автобиографические воспоминания в определенной степени отражают социокультурную Я-концепцию, В. Нуркова (Nourkova, 2020) проанализировала детские автобиографические воспоминания российской выборки, узбекской и китайской. В ее исследовании в воспоминаниях китайцев о детстве по сравнению с двумя другими группами чаще всего упоминались личные достижения – как важное выражение автономии. В своих воспоминаниях о детстве китайцы чаще всего ссылались на других людей – важное проявление «связанного Я». А для российских участников было характерно проявление «автономно-отдельного Я», в основном в виде более продолжительного детства по сравнению с двумя другими группами и более раннего появления первых воспоминаний о детстве. Однако как с точки зрения коллективистско-индивидуалистической модели

общества (по шкале Г. Хофстэде: см. Web reference 1), так и с точки зрения модели С. Кагитцибаси (Kagitcibasi, 2005; например, в работе Нурковой: Nourkova, 2020), российская группа проявляла автономно-отдельное (несвязанное) Я, а китайская группа – автономно-связанное Я. Межличностная дистанция все же проявилась как более близкая у китайских участников (по сравнению с россиянами).

Культура действительно влияет на эмпатию, но в связи с тем, что эмпатия имеет разные компоненты, позиция научного сообщества в отношении эмпатии не совсем одинакова.

Н. Чжоу с соавторами (Zhou et al., 2020) проверили психометрические свойства опросника эмпатии Барона-Коэна (Baron-Cohen, Wheelwright, 2004) на китайской выборке и получили новый опросник эмпатии, содержащий всего 22 пункта (из исходных 60 пунктов); из авторской версии больше всего было удалено пунктов аффективной эмпатии — теперь к этой шкале отнесены только два пункта в новой китайской версии опросника. Вполне возможно, что это показатель разного значения эмпатии в разных культурах или влияния культурного контекста на возможности проявления эмпатии.

Чжао с соавторами резюмировали, что культурное влияние на каждую оценку эмпатии (например, эмоциональной, когнитивной и общей эмпатии) может быть непоследовательным (Zhao et al., 2019, 2021). Они изучали влияние взаимодействия культуры и пола как на черту эмпатии, так и на состояние эмпатии у участников из Австралии и Китая. Культурные различия в эмпатии были значительными у участников-женщин, но не у участников-мужчин. Кроме того, различия по полу в эмпатии были значительными только у австралийских участников (австралийские женщины имели выше показатели эмпатии, чем австралийские мужчины), но не у китайских участников.

Ш. Ву и Б. Кейсар предложили китайским и американским парам сыграть в коммуникативную игру, которая требовала оценки точки зрения другого. Измерения взгляда показали, что китайские участники были более настроены на точку зрения своего партнера, чем американские участники (Wu,

Keysar, 2007). Культурные различия обнаружены в выраженности не только когнитивной эмпатии, но и аффективной. У. Чанг и соавторы (Chung, Chan, Cassels, 2010) установили, что участники в западной выборке сообщили о более высоком уровне «эмпатической заботы» и меньшем «личном дистрессе» при столкновении с негативным эмоциональным состоянием другого человека по сравнению с восточно-азиатской выборкой. Более того, би-культурная группа не отличалась ни от западной, ни от восточно-азиатской групп по «эмпатической заботе», но значительно отличалась от западной группы (а не от восточно-азиатской группы) по большему «личному дистрессу» – как субшкале аффективной эмпатии.

Р. Ренье с соавторами разработали опросник Когнитивной и Аффективной Эмпатии (the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy – QCAE; Reniers et al., 2011), который был адаптирован и показал хорошие надежность и валидность в разных странах: в Португалии (Queirós et al., 2018), Франции (Myszkowski et al., 2017), Великобритании (Reniers et al., 2011), Италии (Di Girolamo et al., 2019) и ряде других. В работе авторов опросника (Reniers et al., 2011) была установлена 5-факторная структура со шкалами: *децентрация*, или восприятие перспективы (perspective taking), *подстройка* (online simulation), *эмоциональная заразительность* (emotion contagion), *проксимальная чувствительность* (proximal responsivity) и *периферическая чувствительность* (peripheral responsivity). Эти шкалы суммируются в 2 фактора второго порядка: Когнитивная эмпатия и Аффективная эмпатия. В большинстве европейских странах, таких как Италии, Португалии, Великобритании, установлена оригинальная пяти-факторная структура с двумя фактором второго порядка. Однако в Австралии авторами (Chai et al., 2022) установлена четырех-факторная структура с удалением фактора «проксимальная чувствительность» из-за слишком низкой надежности данной шкалы.

На китайских выборках (Корнилова, Чжоу, 2021; Ван, Су, 2019) тоже не получена пяти-факторная структура, выявленная в большинстве западных

стран. Лиан с коллегами (Liang et al., 2019) на китайской выборке установили оригинальную пяти-факторную структуру с противоречивыми результатами. В нашей работе на китайской выборке была установлена четырех-факторная структура с объединением шкал «эмоциональная заразительность» и «проксимальная чувствительность» (Корнилова, Чжоу, 2021).

Ю. Ченцова-Даттон и Д. Цай (Chentsova-Dutton, Tsai, 2010) указали, что активация культурно доминирующих аспектов личности должна усиливать эмоциональную реактивность. Влияние сосредоточенного на себе внимания на эмоциональную реактивность варьируется в зависимости от культуры. Само-сосредоточенное внимание усиливало эмоциональную реактивность только тогда, когда аспект «самости», на который обращали внимание, соответствовал доминирующей в культуре модели «самости».

Культурные различия установлены и для компонента эмпатии *управление эмоциями* (эмоциональное управление считается частью эмпатии: Detecy, 2009, 2010). В то время как Запад выступает за эмоциональное выражение, восточная культура, представленная Китаем, делает упор на сдерживании эмоций. В трудах великого философа-неоконфуцианца Чжу Си «Великое учение (да сюэ) из Четырех книг (си шу)» такие эмоции как гнев, страх, радость и беспокойство считаются опасными для тела и должны быть устранены или настроены так, чтобы разум и тело могли быть приведены в правильные отношения (Chen et al., 2005).

Ю.В. Лебедева (2017) изучала влияние факторов культуры и пола при сравнении особенностей эмпатии на выборках китайских и российских студентов. Она обнаружила, что эмпатия к родителям и пожилым людям является универсальной и независимой от культуры и пола. Однако на эмпатию к незнакомому человеку оказывают влияние как факторы культуры и пола отдельно, так и их взаимодействие. В ее исследовании у девушек эмпатия была выше, чем у юношей. Более того, у российских девушек эмпатия выше, чем у китайских девушек, а у юношей – двух культурных группах – почти не отличалась. Однако следует также отметить, что размер выборки

данного исследования составил всего 104 человека, что не позволяет считать результаты достаточно надежными.

Д. Чопик и его коллеги (Chopik, O'Brien, Konrath, 2017) пришли к важному выводу на первоначальной выборке в 104365 человек из 63 стран: страны, склонные к «коллективизму» по шкале Хофстеде, имеют более высокие показатели компонента аффективной эмпатии – *эмпатической заботы*.

В современных кросс-культурных исследованиях прослеживается опора на «страновую психологию» (Henrich, Heine, Norenzayani, 2010) и предполагается дуализм индивидуалистической и коллективистской культур. Так, предполагается, что китайская культура отличается от западной индивидуалистической культуры и находится на соответствующем другом полюсе. Однако показано, что в связи с быстрым процессом модернизации Китая китайцы начали проявлять тенденцию к «личным склонностям» в направлении к индивидуализации (Sun, Ryder, 2016). Этому соответствует показанное в упоминавшейся работе В. Нурковой (Nourkova, 2020) различие – о том, что китайцы обращаются в воспоминаниях к событиям, связанным с личными достижениями, больше, чем лица российской и узбекской выборок.

Мы можем сказать, что китайская культура имеет особенности, заданные ее историческим развитием и традиционной философией. Такие особенности в определенной степени влияют на современных китайцев. Однако различия между Китаем и Западом в той или иной степени не полностью обусловлены влиянием традиционной китайской культуры.

Чтобы избежать такого подхода, при котором изначально предполагались различия между россиянами и китайцами, мы решили применить анализ латентных профилей для планируемого кросс-культурного исследования. Соответствующий метод многогруппового анализа латентных классов (в каждой культурной выборке и сравнение латентных профилей между ними) может более четко охарактеризовать личностные различия между группами внутри культур, как и межкультурные их отличия. Он может

продемонстрировать – при диагностике одних и тех же личностных переменных – как внутри-культурные, так и межкультурные вариации.

1.3. Когнитивная и аффективная эмпатия

Независимо от различий взглядов, представляет ли эмпатия один или множество процессов, является ли она личностной чертой, способностью или состоянием, определяемыми с помощью экспериментальных методик или опросников, почти все авторы согласны с тем, что эмпатия подразделяется на *когнитивную эмпатию* и *аффективную эмпатию* (Корнилова, 2022а; Davis, 1983; Decety, Jackson, 2004; Powell, 2018; Reniers et al., 2011; и др.).

Когда речь идет о когнитивной эмпатии, необходимо обсуждать не только «модель психического» (ТоМ), хотя в зарубежной литературе это основной тренд последних десятилетий. ТоМ относится к способности характеризовать свои собственные или чужие психические состояния (такие как намерения, убеждения, ожидания, знания и эмоции) и делать выводы о поведении других (Schulte-Rüther et al., 2008). И ТоМ, и эмпатия относятся к восприятию и пониманию других в процессе межличностного взаимодействия. Пересечение процессов ТоМ и когнитивной эмпатии заключается в необходимости различать себя и других и приписывать эмоции – себе и другому. Оба понятия опираются на когнитивные системы. При этом, как мы сказали ранее, в изучении нейронных коррелятов выявляется их пересечение, но не полное совпадение. *Когнитивная эмпатия* основана на способности субъекта понимать психические состояния, лежащие в основе явного поведения и выражений лица других людей; это способность распознавать и идентифицировать чувства другого человека. Именно в идентификации эмоциональных состояний другого человека видится также пересечение процессов эмпатии и эмоционального интеллекта (Корнилова, 2022б).

Было показано, что на когнитивную эмпатию влияет негативная шизотипия, а когнитивная переоценка (одна из стратегий эмоциональной регуляции) может опосредовать данное влияние (Guo, Wang, Chan, 2022).

Децентрация (perspective taking), или *принятие перспективы* позиции Другого, является другим важным компонентом когнитивной эмпатии (Gerdes et al., 2010). Децентрация – это свойство, аналогичное умственной гибкости, характеризуемое как когнитивная способность узнавать о различных обстоятельствах, влияющих на других, точно представлять в уме мир с точки зрения других людей и принимать субъективную точку зрения другого человека (Méndez Fernández et al., 2022). Способности к децентрации (по оценке с помощью опросника Дэвиса – IRI) коррелируют с левосторонней активностью системы зеркальных нейронов (Gazzola et al., 2006). Правильные суждения о психическом состоянии других людей отражают также когнитивный компонент эмпатии, и это может способствовать принятию про-социальных решений (Lehmann et al., 2022).

С. Олдербак и О. Вильгельм рассматривают эмпатию как типичное поведение личности (подобное проявлению других личностных конструкций), а восприятие эмоций как способность, требующую проявления усилий, что также иногда называют «максимальным поведением», или «максимальной производительностью» (Olderbak, Wilhelm, 2017). Они оценили отношения между аффективной эмпатией, когнитивной эмпатией и восприятием эмоций. Средствами метаанализа было показано, что восприятие эмоций слабо связано с аффективной ($r \leq 0,13$, $p \leq 0,003$) и когнитивной эмпатией ($r \leq 0,13$, $p \leq 0,05$) (Olderbak, Wilhelm, 2017). Таким образом, исследования по идентификации эмоций, например, по лицам, видимо, лишь незначительно могут что-то сказать об эмпатии. Это также один из аспектов различения эмпатии и эмоционального интеллекта.

То, что децентрация играет важную роль в субъективном психологическом благополучии, показано не только для западных выборок (Shanafelt et al., 2005), но и для восточных (Choi et al., 2016). В японской

выборке децентрация выступила предиктором субъективного психологического благополучия, личностного роста, целенаправленности в жизни и адаптации в окружающей среде. Это говорит о том, что децентрация и психологическое благополучие могут иметь положительную связь, поскольку восприятие перспективы и три субшкалы субъективного психологического благополучия связаны с когнитивными усилиями по регулированию эмоций и поведения (Choi et al., 2016).

Аффективная эмпатия (в некоторых источниках – «эмоциональная эмпатия») – это эмоциональная реакция на страдания других людей. С точки зрения коммуникации аффективная эмпатия также определяется как перевод сообщения наблюдателем (Blair, Blair, 2009). Что касается эмоциональной эмпатии, психологи расходятся во мнениях относительно того, является ли она автоматической реакцией эмоционального выражения. Эмоциональные реакции при аффективной эмпатии считаются автоматическими, и об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что миндалевидное тело реагирует на выражение страха независимо от распределения внимания.

Те, кто придерживается противоположной точки зрения, согласны с моделью фокуса Р. Десимоне и Д. Дункан: личное внимание является результатом конкурентного процесса нейронной репрезентации (Desimone, Duncan, 1995, цит по: Blair, Blair, 2009). То есть аффективные реакции эмпатии не генерируются автоматически, а являются результатом нейронной конкуренции репрезентаций. Более поздние исследования показали, что манипулирование вниманием может значительно повлиять на эмоциональные реакции на выражение лица и другие эмоциональные стимулы (Pessoa, Padmala, Morland, 2005).

Существует два возможных типа аффективных эмпатических реакций, которые человек может испытать, наблюдая и распознавая страдания другого человека: *личный дистресс* или *эмпатическая забота* (Davis, 1980). Эмпатическая забота обычно понимается как переживание чувства заботы о другом человеке. Личностный дистресс определяется как переживание

негативных эмоций в результате дистресса другого человека и, в частности, предполагает, что люди обращают свое внимание внутрь себя. Когда люди путают себя с другими, эмпатия может привести к состоянию личного дистресса (отрицательная эгоцентрическая эмоциональная реакция на беспокойство или понимание эмоционального состояния или состояния других) (Decety, Lamm, 2011). Многие исследования показали, что существует положительная связь между аффективной эмпатией и депрессивными симптомам (Schreier, Pijnenborg, Rot, 2013) и тревогой (Kahn et al., 2017). Для западных выборок сообщилось о более высоком уровне эмпатической заботы и меньшем личном дистрессе при столкновении с негативным эмоциональным состоянием другого человека по сравнению с восточноазиатской выборкой (Chung, Chan, Cassels, 2010).

Личная эмоциональная связь с эмпатическим объектом также способствует эмпатическому ответу. Обнаружено, что люди меньше сочувствуют чужой группе, чем своей (Cikara et al., 2014).

Когда наблюдалось, что честные игроки в экономических играх страдают, то как мужчины, так и женщины демонстрировали по отношению к честным игрокам связанную с эмпатией активацию в областях мозга, связанных с болью (лобно-инсулярная и передняя поясная кора). Однако, когда наблюдалось страдание несправедливого человека, эти реакции, связанные с эмпатией, у мужчин значительно снижались (Singer et al., 2006). В китайской культуре (Чжан, Тан, Чжун, 2014) также обнаружено, что существуют очевидные межличностные предубеждения в когнитивной эмпатии. На нее будут влиять близость и сходство восприятия человеком себя и «целевых других». Когнитивные стратегии, связанные с вниманием (такие как задачи эмоционального суждения), могут побудить человека «персонализировать» лица других людей, чтобы полностью обрабатывать эмоциональную информацию от других людей, тем самым ослабляя межличностный контекст эмпатии.

На эмпатию влияет не только отношение человека к «объекту» его эмпатии, но и состояние самого субъекта, например: семейный статус, эмоциональное состояние, когнитивная способность. Так, медсестры, в семье которых есть дети, обладают более высоким уровнем эмпатии, чем медсестры без детей (Ван, Ли, 2017). Люди с более высокой эмпатией более удовлетворены своими ранними материнскими отношениями, чем люди с более низкой эмпатией (Hojat, 2005). Когда человек зол или подавлен, он может не обращать внимания на положение и психическое состояние других и, таким образом, не может сопереживать другим (Baron-Cohen, Wheelwright, 2004). Психофизиологические исследования показывают, что участие нейронных субстратов, лежащих в основе эмпатии, связанной с болью, ограничивается нисходящими процессами (вниманием «сверху вниз») и контекстуальной реальностью стимулов (Gu, Han, 2007).

Именно из-за различных определений и понимания эмпатии и взаимосвязей ее с другими явлениями важной задачей остается изучение эмпатии как в плане теоретического выделения ее места в структурах интеллектуально-личностного потенциала человека, так и эмпирическое **установление связей разных видов эмпатии с другими эмоционально-личностными свойствами и процессами.**

В нашем совместном кросс-культурном исследовании, охватившем выборки из Китая, Азербайджана и России, выявились особенности связей эмпатии с субъективной рациональностью, готовностью к риску, свойствами Темной триады как нестабильного личностного ядра (Корнилова и др., 2021; Zirenko et al., 2021). Последнее российское исследование на больших выборках показало, что эмпатия и эмоциональный интеллект хотя и значимо коррелируют друг с другом, но имеют разную судьбу: с возрастом эмпатия уменьшается, хотя эмоциональный интеллект растет (Корнилова, 2022б). Впервые установлены разные связи когнитивной и аффективной эмпатии с отношением человека к *неопределенности*: повышение толерантности к

неопределенности положительно связано с ростом эмпатии, а снижение связано с повышением аффективной эмпатии.

Таким образом, неоднозначными остаются связи эмпатии с компонентами эмоциональной сферы и эмоциональной регуляции, что предполагает их дальнейшее выявление.

Представленные в литературе кросс-культурные исследования показывают также необходимость сравнительного анализа взаимосвязей эмпатии с другими процессами в дифференцировании их для разных культурных выборок, из которых нам в первую очередь актуальным являются китайские выборки в сравнении с российскими.

1.4. Понимание эмпатии в культурно-историческом подходе

В российской психологии последовательно реализуется идея представленности мира человеку и деятельностного бытия человека в многомерном мире. В методологических подходах А.Н. Леонтьева, М.К. Мамардашвили, В.П. Зинченко, С.Л. Рубинштейна в разных вариантах разрабатывались концепции соотношения сознания и деятельности, порождения психического образа, единства внешнего и внутреннего, процесса и результата (в частности, в разведении А.Н. Леонтьевым сознания-деятельности и сознания-образа: Леонтьев, 1975). Эмоции понимались как включенные в пристрастность отражения и сигнализацию субъективной значимости составляющих ситуации для человека (Вилюнас, 1976).

В российской психологии обсуждение эмпатии с точки зрения феномена социальной перцепции и межличностного взаимодействия проводили Л.И. Божович и Т.П. Гаврилова. Эмпатия как натуральные формы эмоционального заражения и эмоциональной отзывчивости, т.е. непосредственного сопереживания, рассматривалась в развитии онтогенеза в переходе «к социально обусловленным формам – «сочувствию» (Гаврилова, 1975, с. 150).

Ю.Б. Гиппенрейтер и ее коллеги (Гиппенрейтер, Карягина, Козлова, 1993) использовали термин «конгруэнтная эмпатия», определив ее как комплексную способность к проявлению эмпатии через речь или действия, а также к гибкому переключению с аффективного понимания другого человека на выражение собственных эмоций в качестве ответной реакции.

Т. Карягина (2013) в своей диссертации резюмировала исследования эмпатии в зарубежной психологии (в основном в западных странах) и в российской психологии и указала на четыре проблемных вопроса:

- непроясненность соотношения эмоционального и когнитивного компонентов, «внутреннего» и поведенческого в эмпатии;
- отсутствие оснований для дифференциации статуса эмпатии: она и процесс, и состояние, и установка, и черта или диспозиция и т.п.;
- отсутствие определенности в понимании механизмов эмпатии: в качестве таковых называются проекция, интроекция, идентификация, децентрация и т.д.;
- неразличение эмпатии и сходных явлений: в первую очередь, эмпатии и симпатии, эмпатии и идентификации (Карягина, 2013, с. 5).

Чтобы лучше понять проблему динамической регуляции эмпатии и описать ее многокомпонентность и многоуровневость – в множественности процессов «эмпатии», – мы попытались найти решение в культурно-исторической школе. Л.С. Выготский сформулировал идею «единства интеллекта и аффекта» на ином основании, чем в свое время философ Б. Спиноза (Выготский, 1982). В дальнейшем эта проблема уже в рамках культурно-деятельностного подхода развивалась в работах школы О.К. Тихомирова (Тихомиров и др., 1999) – ученика А.Р. Лурии и сотрудника А.Н. Леонтьева.

Для изучения принятия решений О.К. Тихомиров предложил проводить типологизацию психологической регуляции принятия решений по процессу, выходящему на вершинные (ведущие) уровни регуляции (Корнилова, Тихомиров, 1990; Корнилова, 2016). Возможно, что и интеллектуальный

компонент, и эмоциональный компонент, и волевой могут выходить на ведущие уровни; соответственно решения человека можно классифицировать как интеллектуальные, эмоциональные и т.д. Аналогично можно рассматривать и процессы, сменяющие друг друга в динамике эмпатии. Таким образом, саму эмпатию можно представить как *динамическую систему*, в которой структурируются когнитивные и эмоциональные процессы разных уровней.

В методологии психологии А.Г. Асмоловым, В.П. Зинченко, С.Д. Смирновым, Т.В. Корниловой (Асмолов, 2002; Зинченко, 2006; Корнилова, Смирнов, 2013) подчеркивалось, что из-за открытости человека психология имеет собственные источники выделения «неклассических ситуаций». Такая особенность позволяет психологии изучать регулирующую функцию эмоций или структурирующую функцию мотива в мыслительной деятельности, которую затруднялись изучать в классической психологии (Корнилова, 2013).

Новый этап в исследованиях эмпатии связан с развитием культурно-исторического подхода к ней в работах В.В. Нурковой (с позиции становления высших психических функций) и Т.В. Корниловой (с позиций единства интеллекта и аффекта, представленного в динамике множественных эмпатийных процессов).

По мнению В. Нурковой, нельзя делить эмпатию на когнитивную и аффективную. Её точка зрения заключается в том, что «ставится задача свести в одной жесткой теоретической конструкции два качественно своеобразных по функциональной нагрузке способа осознания состояния другого человека» (2020а, с. 6). Простое разделение эмпатии на когнитивную и аффективную может привести к тому, что мы потеряем смысл эмпатии как «культурной технологии организации качественно специфичных форм совместной деятельности с учетом другого психологического субъекта». В итоге В. Нуркова (2020а, 2022б) рассмотрела эмпатию с позиций культурно-эволюционного подхода следующим образом. Применяя функционально-структурно-генетический метод анализа, она подразделяет эмпатию на две

формы под названиями *эмпатия-отождествление* (эмоциональный компонент эмпатии) и *эмпатия-моделирование* (интеллектуальный компонент эмпатии). Ею сделан вывод о том, что нельзя рассматривать эти две формы как последовательные стадии развития.

Эмпатия-отождествление отличается от *эмпатии-моделирования* по различным источникам, движущим силам, форме и социо-культурной технологии формирования. В отличие от западных исследователей В. Нуркова рассматривает эмпатию в качестве высшей психической функции и считает, что *эмпатия-отождествление* также является культурно-детерминированной и развивается в онтогенезе. *Эмпатия-отождествление* формируется в процессе диадического совместного переживания со окружающей средой в разных деятельности. *Эмпатия-отождествление* редко становится полностью произвольно регулируемой функцией, оставаясь во многом обусловленной доступными внешними культурными средствами.

Результаты нейропсихологических исследований также доказывают, что эмоциональная (аффективная) эмпатия не возникает автоматически (De Vignemont, Singer, 2006). Однако Ф. Виньмон и Т. Зингер предполагают, что эмпатические реакции мозга модулируются процессами оценки, которые принимают во внимание информацию об эмоциональных стимулах, их ситуативном контексте, характеристиках человека и его/ее отношениях с целью – «объектом» (De Vignemont, Singer, 2006). Таким образом, можно сказать, что аффективные и когнитивные составляющие эмпатии переплетаются друг с другом.

Эмпатия-моделирование является производной от мышления способностью к созданию и удержанию в сознании динамичной репрезентации психического состояния другого человека при сохранении аутентичности осознания своего психического состояния (Нуркова, 2020б, с. 13). Отметим, что с ее точки зрения *эмпатическое отождествление* и *эмпатическое моделирование* являются двумя качественно отличными состояниями сознания. Они взаимодействуют и взаимно влияют друг на друга

в процессе решения различных задач, которые определяются культурным контекстом. Более того, эти два состояния могут взаимодействовать и "обмениваться" средствами регуляции, которые обусловлены культурой, что подчеркивает их важность в культурно-зависимом взаимодействии и понимании.

Однако одной из важнейших характеристик высших психических функций (ВПФ) является их опосредованность различными психологическими орудиями. Если рассматривать эмпатию как ВПФ, нет пока возможности выделить конкретные стимулы-средства (психологические орудия), обращаемые субъектом на себя. Именно поэтому представление эмпатии как ВПФ ставится под сомнение (Корнилова, 2022а). Другое дело, что все виды эмпатии принимаются в качестве социо-культурно детерминированных, а не непосредственных. Вместе с тем развиваемое понимание видов эмпатии Нурковой вполне соответствует представлению Корниловой о многообразии эмпатийных процессов, ведущих к конечному результату – эмпатии – разными путями (Корнилова, 2022а, 2022б).

Из обсуждения эмпатии в предыдущих работах видно, что эмпатия, как и эмоциональный интеллект, является сложно организованным предметом изучения. Хотя есть много статей об исследованиях эмпатии, исследователям очень трудно прийти к единому мнению. Почти каждая серьезная обзорная монография или статья по эмпатии начинается с констатации расплывчатости понятия (Бовина, 2020; Карягина, 2013; Корнилова, Чжоу, 2021).

Возможно, как указали авторы ранее (Карягина, 2016; Корнилова, 2022а; Davis, 1996), прежде чем говорить об «эмпатии», следует сначала уточнить, рассматривается ли эмпатия как процесс (процессы) или как результат (в множественной регуляции его актуально складывающейся динамической регулятивной системой – ДРС). Т.В. Корниловой предлагается рассматривать опосредствование эмпатии разными процессами – в контексте образования иерархических регулятивных систем, в динамическом процессе становления которых процессы то одних (аффективная эмпатия), то других (когнитивная

эмпатия) компонентов выходят на верхние уровни, что верифицируется связями с другими переменными интеллектуальной и личностной сфер (Корнилова, 2022б).

Динамические регулятивные системы – ДРС – как единицы саморегуляции (Корнилова, 2011, 2016) необходимо отличать от других трактовок термина саморегуляции. Теория социального познания А. Бандуры предполагала, что саморегуляция представляет собой взаимодействие трех факторов: личности, поведения и среды. Он считает, что саморегуляция требует не только поведенческих навыков самоконтроля, но также знаний и мотивации для использования этих навыков в соответствующих контекстах. По мнению Бандуры, так называемая саморегуляция — это процесс самогенерации мыслей, эмоций и поведения для постановки и постепенного достижения индивидуальных целей (Бандура, 2000). Саморегулирование является циклическим, поскольку текущая операция в основном использует обратную связь от предыдущих операций для регулирования. Такое регулирование необходимо, поскольку индивидуальные, поведенческие и экологические факторы постоянно меняются в процессе индивидуального обучения и функционирования.

Однако при таком понимании возрождается двух-факторная теория, согласно которой факторы личности и среды определяют поведение, что иначе переосмысливается в российской психологии. В теории деятельности А.Н. Леонтьева именно деятельность генетически и функционально определяет становление психики (Леонтьев А.Н., 1975; Корнилова, 2023а). Однако «деятельностное» понимание эмпатии еще только формируется, создавая предпосылки интегративного подхода (Корнилова, 2022а; Нуркова, 2020а).

Если интерпретировать эмпатию с точки зрения ДРС, то следует полагать, что в эмпатии могут доминировать как когнитивные компоненты, так и эмоциональные, а также разные сочетания стоящих за ними процессов. При этом важным предположением для нас становится следующее. Множественность процессов эмпатии (в их уровневых соподчинениях) имеет

следствием, что ее показатели могут быть связаны с разными составляющими интеллектуально-личностного потенциала человека – неосознаваемыми имплицитными теориями, чертами личности, ее мотивами, а не только с эмоциональной регуляцией или сознательным контролем (на уровне когнитивного моделирования состояний другого человека).

В следующем параграфе мы рассмотрим имплицитные теории – как уровень представлений и убеждений человека о личности и эмоциях, который в зарубежной литературе может трактоваться как «таситное знание» (Стернберг и др., 2002) или «жизненные теории» (lay theories) (Furnham, 2017). Согласно концепции уровней сознания В.П. Зинченко, могут включаться в «бытийный» слой, нижележащий по сравнению с осознаваемым рефлексивным слоем (Корнилова и др., 2010).

1.5. Имплицитные теории и эмпатия в интеллектуально-личностном потенциале человека

1.5.1 Понимание имплицитных теорий в культурно-историческом подходе и в западной психологии

В российской психологии статус понятия имплицитных теорий (ИТ) еще не полностью устоялся. Согласно развитию представлений о сознании и самосознании в рамках деятельностного подхода (А.Г. Асмолов, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, С.Д. Смирнов, В.В. Столин, В.Ф. Петренко, и др.) имплицитные теории можно рассматривать как представленные сквозным образом в разных составляющих интеллектуально-личностного потенциала человека (Корнилова и др., 2010).

Рассмотрение Я как центра самосознания личности в российской психологии осуществлялось иначе, чем в западных концепциях. А.Н. Леонтьев писал о том, что становление самосознания личности происходит через

«смотрение» в другого человека, как в зеркало (Леонтьев, 1975), что самосознание как бы разомкнуто по отношению к социальному миру. И учитывая три составляющие сознания по Леонтьеву, можно предполагать их включенность в образ Я. Далее В.В. Столин прямо ввел понятие «смысла Я» и соотнес «смысл Я» с системами целей и мотивов, а также способностей человека и значений. По А.Н. Леонтьеву, личностный смысл (ЛС) отражает реальные отношения в деятельности – отношения цели к мотиву, он включается тем самым в системы реальных связей человека с миром. Однако «в структуре сознания ЛС вступает в новые связи и выражает себя в значениях и эмоциональных, чувственных переживаниях (чувственной ткани)» (Столин, 1983, с.103). Таким образом, свое Я человек отражает и в вербально представленных значениях, и в не полностью осознаваемых чувственных переживаниях. Таким образом, можно предполагать смысловую составляющую имплицитных теорий личности и эмоций.

В психологической литературе дается следующее определение понятия *имплицитный*: «бессознательный, скрытый, не выраженный словами, относится к процессу, функционирующему по большей части независимо от сознания субъекта» (Reber, Reber, 2001, с. 343-344; цит. по: Корнилова и др., 2010). В индивидуальном опыте люди формируют свои имплицитные теории, которые представляют характеристики других лиц и себя. ИТ личности могут отражать представления человека о том, что личность развивается или является константной. В целом имплицитные теории часто играют определенную роль в контексте, помогая людям формировать понимание себя и окружающей среды, объясняя и даже предвосхищая реальность мира и взаимодействий с другими (Ли, Хуан, 2005).

ИТ можно соотнести с пониманием Дж. Келли внутренних *личностных конструктов*, через призму которых люди познают окружающий мир (Петренко, 2005). Имплицитные теории в англоязычной литературе стали в последнее время также обозначаться как «mindset» – образ мыслей, склад ума, что подчеркивает их связь с когнитивной сферой человека. Популярным стало

разделение ИТ на два типа: *инкрементальные* теории предполагают, что интеллект и личность развиваются, а *константные* (или *фиксированные*) теории – что интеллект статичен и личность постоянна. В отличие от мнения человека с инкрементальной теорией человек с константной теорией считает, что интеллект и личность человека не изменяются, стабильны, фиксированы, что интеллект задан с рождения (Dweck, Chiu, Hong, 1995), и нет возможности с ним делать что-то, чтобы увеличивать его.

Различные ИТ личности, которых придерживаются люди, приводят к различным социальным когнитивным моделям и поведенческим реакциям. Люди, которые считают, что личностные свойства фиксированы (константная ИТ), склонны использовать абстрактные концептуальные и статические характеристики для понимания человеческого поведения; в то время как люди, которые верят, что личностные свойства динамичны и пластичны (инкрементальная теория «обогащаемой» личности), склонны искать внутренние и внешние специфические факторы адаптации для понимания поведения и чувств – своих и другого человека (Ван, Фу, 2003). Большинство исследований имплицитных теорий было сосредоточено на таких свойствах как интеллект и личность (Стернберг и др., 2002; Dweck, Chiu, Hong, 1995; Dweck, 2000; Dweck, 2006; Kornilova, Chumakova, Izmailova, 2015), эмоциональная сфера (Tamir et al., 2007).

Кэрол Двек показала, что люди с ИТ инкрементального интеллекта стремятся получать знания и развивать навыки, а когда они сталкиваются с неудачами, у них проявляется стремление к мастерству (Dweck, Leggett, 1988). Имплицитные теории в отношении к разным мотивам могут оформляться как личностные смыслы (Корнилова и др., 2010; Dweck, 2006).

Жители Восточной Азии склонны рассматривать личность как открытую для изменений, а не фиксированную (Chiu, Hong, Dweck, 1997), в чем проявляется их склонность к диалектическому взгляду на жизнь. Они с большей вероятностью учитывают ситуационные факторы при объяснении своего собственного поведения и поведения других (Choi et al., 1999).

Инкрементальные ИТ интеллекта и личности на белорусских выборках студентов проявили связи со шкалами осознанной саморегуляции (Галузо, Дучек, 2014). Азербайджанские участники показали более высокий уровень цели демонстрации результатов – успеваемости в учебе (по сравнению с целями приобретения мастерства) по сравнению с российскими студентами; они также продемонстрировали более высокий уровень уверенности в том, что интеллект податлив и развивается в контексте обучения, но проявили ИТ константной личности (Kornilova, Chumakova, Izmailova, 2015).

В диссертации М.С. Зиренко кросс-культурное сравнение российских и американских студентов показало, что толерантность к неопределенности на обеих выборках была положительно связана с открытостью новому опыту как чертой Большой пятерки. У российских студентов толерантность к неопределенности была положительно связана также с ИТ «обогащаемой», т.е. развивающейся личности (инкрементальные теории личности), а на американской выборке связи ИТ личности с толерантностью к неопределенности не было выявлено (Зиренко, 2021). Но у американских студентов установлена связь инкрементальной теории личности с культурно-независимым невербальным интеллектом. Существенное различие обнаружено для связей ИТ интеллекта с интолерантностью к неопределенности: российские студенты с константной ИТ интеллекта были и более интолерантными, а у американских студентов, напротив, повышение интолерантности к неопределенности коррелировало со взглядом на интеллект как «приращаемый», развивающийся в обучении (инкрементальные теории интеллекта) (Зиренко, 2021).

У людей существуют также имплицитные теории о таких «нестабильных» атрибутах как эмоции. М. Тамир с соавторами (Tamir et al., 2007) распространила идею К. Двек о константных и инкрементальных ИТ на область эмоций, конкретизировав в совместной статье с Дж. Гроссом этот аспект эмоциональной саморегуляции. Она показала, что у людей существуют аналогичные имплицитные теории об эмоциях: константная ИТ отражает

точку зрения (mindset), что эмоции невозможно контролировать, а инкрементальная ИТ, что человек может контролировать эмоции. В отличие от человека с инкрементальными ИТ эмоций человек с константной ИТ будет проявлять меньше усилий в эмоциональной регуляции: раз нельзя эмоции контролировать, то и не нужно стараться это делать. Субъективное представление человека о том, насколько он и другие люди могут управлять своими эмоциями, отражено понятием имплицитных теорий эмоций – ИТЭ.

Понятие «убеждения об эмоциях» (beliefs of emotions) рассматривает более широкий спектр представлений об эмоциях: оно оценивает измерения контролируемости и полезности ИТЭ для негативных и позитивных эмоций (Vecerra, Preece, Gross, 2020). Чем больше участники убеждены в неконтролируемости позитивных и негативных эмоций, тем больше трудностей они отмечали, проявляя тревогу. Участники, которые считали, что позитивные и негативные эмоции бесполезны, характеризовались большей интолерантностью к неопределенности (Vecerra et al., 2023).

Эмпирические исследования показывают, что люди с более высокой социальной тревожностью склонны подчеркивать возможность эмоционального контроля (Spokas, Luterek, Heimberg, 2009). Инкрементальные ИТ (о контролируемости эмоций) положительно связаны со стратегиями «эмоционального подавления», но не связаны с «когнитивной переоценкой» (Goodman, Kashdan, İmamoğlu, 2021). В экспериментальных исследованиях было показано, что при индукции отрицательного настроения те, кого заставили поверить в неконтролируемость эмоций, прочитав текст, описывающий фиксированный характер эмоции, скорее всего, использовали подавление как стратегию регулирования эмоций (Kneeland et al., 2016). На российской выборке (n=404) была установлена положительная связь усиления инкрементальной ИТЭ с «эффективностью эмоций» как шкалой эмоциональной креативности по опроснику Дж. Эверилла (Шестова, 2022; Zirenko, Kornilova, 2021).

Таким образом, исследования демонстрируют роль культурных различий в функционировании ИТЭ, что предполагает их сравнительный анализ в связях с другими составляющими интеллектуально-личностного потенциала человека (в китайской выборке по сравнению с другой культурной выборкой, в данном случае – с российской). Из свойств эмоционально-личностной сферы можно предполагать наиболее близкие связи ИТЭ с эмпатией.

1.5.2 Соотношение между имплицитными теориями и эмпатией

Эмпатия и Саморегуляция

Эмпатия выступает как многомерный конструкт и как сложный динамический процесс (мы обосновали выше ее понимание как динамической регулятивной системы), на ее выраженность влияют многие факторы и другие процессы. Многие признают, что регулирование эмоций является важным компонентом эмпатии (Decety, 2006; Decety, Lamm, 2011; Segal et al., 2013).

Более высокая эмпатия была предсказана верой (убеждениями) личности в том, что ощущение счастья является гибким, контролируемым и внутренним (Tullett, Plaks, 2016). Более того, как упоминалось ранее, более высокий уровень эмпатии предсказывает лучшее управление эмоциями и лучшие отношения со сверстниками (Eisenberg, Fabes, 1991). Индивидуальные различия в подходах к регулированию эмоций должны действовать как важный модератор между эмпатическими реакциями и аффективным дистрессом (Eisenberg, 2000). Аффективная эмпатия часто предсказывает больший эмоциональный стресс, но ее влияние на депрессию и тревогу нивелируется, когда люди используют стратегии когнитивной переоценки. Когнитивная эмпатия обычно предсказывает снижение эмоционального стресса, но благотворное влияние высокой когнитивной эмпатии на тревогу и стресс также сводится на нет, если люди с более высокой когнитивной

эмпатией используют аффективное торможение для регулирования своих эмоций (Powell, 2018).

Н. Айзенберг и ее коллеги (Eisenberg et al., 1996) утверждали, что склонность людей испытывать эмпатию (по сравнению с личным дистрессом) варьируется в зависимости от диспозициональных различий в способности людей регулировать свои эмоции. Предполагается, что хорошо управляющие эмоциями люди, которые контролируют свою способность сосредоточиваться и переключать внимание, склонны к эмпатии независимо от их эмоциональной реактивности. Они могут модулировать отрицательные замещающие эмоции для поддержания оптимального уровня эмоционального возбуждения — такого, который характеризуется эмоциональным усилием, но не вызывает отвращения и физиологического возбуждения, тем самым способствуя концентрации внимания на себе.

Напротив, люди, не способные регулировать свои эмоции, особенно если они предрасположены к интенсивным отрицательным эмоциям, имеют низкую диспозициональную эмпатию и склонны к личным страданиям. Было показано, что люди испытывают эмпатическую заботу о социально ответственном потреблении (рассматриваемом как один из видов бескорыстной и альтруистической заботы), главным образом, благодаря своему внутреннему плану размышлений и процессам осознания необходимости заботиться о социальных нормах и о том, как их оценивают другие (Luan, Chen, 2021).

М. Шульте-Рюттер с соавторами показали, что лучшая способность женщин к эмпатии связана с их повышенной зависимостью от системы зеркальных нейронов при оценке эмоционального состояния других и их эмоциональной реакции на чувства других (Schulte-Rüther et al., 2008). Напротив, мужчины демонстрируют более сильную активацию в областях, связанных с ТоМ («теорией разума», или «модели психического»). То есть мужчины в большей степени полагаются на когнитивные стратегии в

эмоциональной регуляции, особенно при определении своей собственной эмоциональной реакции на чувства других людей.

Эмпирические исследования показали, что когнитивная переоценка положительно связана и с когнитивной эмпатией, и с аффективной эмпатией (Laghi et al., 2018; Guo, Wang, Chan, 2022), а эмоциональное подавление отрицательно связано с аффективной эмпатией (Lockwood, Seara-Cardoso, Viding, 2014; Guo, Wang, Chan, 2022). Можно предполагать, что метапознание очень важно в процессе эмпатии. Д. Ганье и коллеги (Gagne, Liew, Nwadinobi, 2021) рассматривают саморегуляцию как более широкую конструкцию, в которую включены внутренние аспекты эмоциональной регуляции. Процессы саморегуляции играют важную роль в реакции, связанной с эмпатией (Eisenberg, Eggum, 2009).

Эмоциональная регуляция понимается как внутренние процессы, используемые для управления и изменения собственного эмоционального опыта, состояний, связанных с эмоциями, и поведенческого выражения эмоций (Gagne, Liew, Nwadinobi, 2021). Было показано, что цель эмоциональной регуляции и ее ситуативные проявления (например, интенсивность эмоций) сильно различаются в отношении к разным событиям у одного и того же человека (Wilms, Lanwehr, Kastenmüller, 2020). Можно сказать, что цели регуляции эмоций и влияющие на нее ситуационные факторы чрезвычайно зависят от контекста.

Когда эмоциональная регуляция рассматривается как процесс для достижения саморегуляции как результата, соотношения между эмпатией и когнитивными стратегиями регуляции становятся сложными. Ц. Лю и др., (Liu et al., 2009) выдвинули динамическую модель эмпатии на основе сопоставления ряда теорий и сравнили эту модель с выводами из предыдущих исследований. Они обосновали, что метапознание – как верхний уровень саморегуляции – регулирует весь процесс эмпатии.

В специальном мета-анализе было показано что имплицитные теории предсказывают различные процессы саморегуляции, которые, в свою очередь, регулируют достижение целей (Burnette et al., 2013).

Эмпатия и имплицитные теории эмоции

Исследователи предпочитают выделять фасетки, или связки компонентов и процессов, в эмоционально-личностном опосредствовании эмпатии (Preston, Hofelich, 2012). Недавний обзор показал, что компоненты эмпатии часто ко-активируются (Weisz, Cikara, 2021). Авторы видят цель в раскрытии связей между разными компонентами, которые могут регулироваться независимо и преднамеренно. Таким образом, это новые доводы в пользу рассмотрения эмпатии как множества эмпатийных процессов, приводящих к результату – достижению сочувствия другому человеку.

Т.В. Корнилова (2022а) с позиций единства интеллекта и аффекта предложила рассмотрение множественности путей включенности эмпатии в когнитивную и эмоционально-личностную сферы. Предложение о динамических регулятивных системах, иерархически структурирующих взаимосвязь когнитивных и эмоциональных процессов, позволяет снять противоречие множественности форм эмпатии. Пытаясь раскрыть множественность процессов эмпатии, она в исследовании на российской выборке (Корнилова, 2022б) проясняет соотношения эмпатии (как результата функционирования динамической регулятивной системы) с такими переменными интеллектуально-личностного потенциала как эмоциональный интеллект, эмоциональная уязвимость, эмоциональная креативность, эффективность в решении проблем и отношение личности к неопределенности. Показано что, в российской выборке не проявлялась связь между эмпатией и имплицитными теориями эмоций. Однако *когнитивная* эмпатия положительно предсказывалась чертами эмоционального интеллекта самоконтроль, социальность и снижение эмоциональности, при этом *аффективная* эмпатия предсказывалась отрицательно чертой эмоционального интеллекта самоконтроль. В последующем были продемонстрированы разные

пути включенность измерений когнитивной и аффективной эмпатии в латентные переменные Самоэффективность решения проблем и Эмоциональная плавучесть (Корнилова, Красавцева, 2023), что конкретизировало связи эмпатии с другими регулятивными системами в функционировании интеллектуально-личностного потенциала.

Необходимо отметить, что в нашей работе (Kornilova, Zhou, 2021) получен схожий результат: в российской выборке не обнаружено связи между имплицитными теориями эмоций и эмпатией. Но в выборке китайцев в Китае обнаружилась положительная связь между когнитивной эмпатией и имплицитными теориями эмоций. А результаты для выборки китайцев в России, как и в российской выборке, не проявили никаких связей (Корнилова, 2022б; Корнилова, Чжоу, 2021).

На российских выборках было также показано, что эмоциональный интеллект выступает предиктором и когнитивной, и аффективной эмпатии, а самоконтроль является предиктором когнитивной эмпатии (Zirenko, Krasavtseva, 2021). Интересно что авторы еще установили: и толерантность к неопределенности, и интолерантность к неопределенности положительно влияют на эмпатию. Они предполагают, что интолерантность к неопределенности позволяет человеку стремиться к четкости и прояснению ситуации, но не мешает эмпатии. А толерантность к неопределенности способствует человеку в ситуации неопределенности проявлять эмпатию к другому. Из-за относительно небольшого размера выборки (n=200) необходимы дальнейшие исследования, чтобы получить более полный и убедительный вывод.

Изучение имплицитных теорий и эмпатии, а также их связей с отношением человека к неопределенности в психологической литературе шло отдельными параллельными направлениями, и лишь немногие исследования связывали эти три конструкта в едином комплексном анализе. Однако ситуация изменилась в силу возникновения нового направления исследований, вызванного распространением пандемии COVID-19.

1.6 Эмпатия в мире неопределенности

Внезапная вспышка COVID-19 погрузила мир в неопределенность, связанную с медицинской угрозой. В начале пандемии, когда правительства осознали, что изоляция, ношение масок и частое мытье рук могут быть несколькими более эффективными способами борьбы с высоко контагиозной COVID-19, в странах по всему миру начали вводить различные правила, чтобы люди могли активно изолироваться, носить маски и часто мыть руки. COVID-19 — высоко контагиозный вирус, и он более опасен для людей с пониженным иммунитетом (основные заболевания обмена веществ и пожилых людей). Но для любого человека опасность заражения означала неизвестность в отношении возможных последствий для здоровья. Личный самоконтроль своих действий и общения с другими стал осознаваться также как общественно значимый, предполагающий и заботу о других людях, как и о себе.

Таким образом, соблюдение различных мер предосторожности (карантин, ношение масок, мытье рук) и ряда ограничений, предложенных различными правительствами в ответ на вспышку вируса, можно считать не только личными мерами (для себя) но и регуляторами про-социального поведения (направленного на благо другого человека).

С. Пфэтфайхер с соавторами (Pfattheicher et al., 2020) показали, что эмпатия является основной мотивацией для принятия решений о физическом дистанцировании, включающем ношение маски, и побуждает сочувствие к тем, кто наиболее уязвим для вируса. По сравнению со странами Европы и Америки (США, Великобритания, Германия, Франция, Италия и др.) страны Восточной Азии более строго контролировали распространение эпидемии в начале эпидемии COVID-19. Д. Лю и соавторы (Liu et al., 2020) считают, на правительственном уровне это был оправданный упор на гражданскую ответственность (высокая забота о здоровье других при ограничении личных свободы и удобств), и такие меры, как быстрое обнаружение заражений

вирусом и проведение обширного тестирования позволили региону Восточной Азии эффективно бороться с пандемией (Liu et al., 2020). Однако из этого нельзя сделать вывод, что азиатское население более склонно к эмпатии, чем европейское или другое. Только поняв механизм эмпатии, мы сможем быстро отреагировать, когда наступит следующий кризис, как разбудить общественность и как призвать людей заботиться друг о друге.

На фоне пандемии интолерантность к неопределенности проявила связи с большим беспокойством по поводу угрозы заражения и снижением способности использовать когнитивную переоценку, чтобы управлять эмоциями (Shu, Ochsner, Phelps, 2022).

Интересно, что ожидания позитивной роли эмпатии для принятия решений в период пандемии оказались в ряде исследований не подтвержденными. Так, при сравнении выборок США, других западных стран (суммарно Великобритании и Германии) и восточных стран в первый период пандемии эмпатия не выступила предиктором принятия решений (Nelson, Civljak, Mitchell, 2021). В этом исследовании на материале вербальных ситуаций с бинарным выбором задавались условия пандемических ограничений (самоизоляция) и возможные последствия. Участники принимали решения он-лайн и проходили два опросника (в частности, IRI М. Дэвиса). Автор разделил сценарии принятия решений на две группы: первая группа сценариев описывает ситуации с акцентом на количество инфицированных людей (гуманитарная ориентация), вторая же фокусируется на экономических потерях (экономическая ориентация). В ходе исследования не выявлено культурных различий в принятии решений участниками. Однако были обнаружены различия в ответах на сценарии с «экономической» и «гуманитарной» ориентацией. В ситуациях, фокусированных на экономических потерях из-за пандемии, больше участников выбрали стратегию, согласно которой возврат к нормальной жизни следует отложить ещё на две недели. Такое решение было мотивировано стремлением снизить количество заражений. Авторам не удалось установить связь между эмпатией

и сценариями принятия решений, несмотря на то, что эмпатия может играть важную роль в процессе принятия решений, поскольку она лежит в основе нашей способности понимать и соединяться с другими.

При исследовании последствий влияния пандемии на эмпатию другим коллективом авторов было показано, что у итальянского населения существенно снизились эмпатические социальные навыки; но при этом когнитивные составляющие эмпатии и эмоциональное сопереживание значительно улучшились (Baiano et al., 2022).

Таким образом, актуальным стало изучение роли эмпатии не только в переживании людьми медицинской угрозы, но именно роли эмпатии в регуляции принятия решений в условиях неопределенности.

Психология неопределенности

В психологии понятие *неопределенность* получило два значения: во-первых, неопределенными назывались ситуации, которые сложно понять, которые нечеткие, неочевидные, двусмысленные (термин *ambiguity*, введенный для контекста неопределенности Э. Френкель-Брунsvик); это включено в понятие *толерантность к неопределенности* как принятие сложности, многообразия, неопределенности мира. Это позволило рассматривать отношение к неопределенности в качестве личностного свойства (Асмолов, 2015; Корнилова, 2016). Во-вторых, неопределенность понимается как *uncertainty*, это значит неуверенность в условиях ограниченности доступной информации (Корнилова, 2003). При этом различают внешние и внутренние источники неопределенности, а принятие решений понимается как преодоление неопределенности (Канеман, 2013; Козелецкий, 1979; и др.).

Психология неопределенности выступила сегодня направлением, фокусирующим не только разработку новых теоретических принципов построения психологического знания на неклассической стадии, но и поле эмпирических исследований (Корнилова и др., 2010; Корнилова, 2016). Пре-

адаптация к неопределенности выступила важнейшим аспектом методологического понимания эволюционного развития (Асмолов, 2018).

Различают объективную и субъективную неопределенность. Объективная неопределенность понимается как неопределенная ситуация, в которой человек как субъект действует в ней при отсутствии знаний об определенных исходах или неясности критериев выбора из возможных альтернатив. В объективной неопределенности отсутствуют необходимые сведения в надындивидуальном или индивидуальном опыте. В развитии человечества объективная неопределенность способствует стремлению человечества к объективному знанию.

Субъективная неопределенность рассматривается как собственное состояние в процессе принятия решения или в каких-то конкретных обстоятельствах (и иногда трактуется как неуверенность). Субъективная неопределенность может быть из-за нехватки знаний, недостаточности времени или неясности личностного самоопределения (личностной цены решения) (Корнилова, 2003). Отношение к неопределенности – толерантность и интолерантность к ней – можно оценивать как факторы межиндивидуальных различий (Корнилова, 2015; Корнилова, Чумакова, 2014; Budner, 1962; и др.).

Субъективная неопределенность может быть заданной необходимостью доопределения целей и критериев выбора, что в свою очередь связано как с внешними факторами – условий жизнедеятельности, условиями ситуации, – так и внутренними, «субъектными» (Корнилова, 2016). Можно выделять и разные источники неопределенности: а) ситуационные факторы, когда человек находится в ситуации ограничений, например, когда доступ к необходимой информации для принятий решений закрыт; б) диспозициональные факторы; это свойства, отражающие организацию и использование человеками знаний, его личностные особенности и прочие субъектные переменные. Отношение к неопределенности может рассматриваться как диспозициональная переменная, но она будет отличаться

от личностных черт (например, Большой пятерки) тем, что касается динамического аспекта отношения к ситуациям неопределенности.

Свойство интолерантности к неопределенности получило также социологическое значение. Г. Хофстеде (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2005) показал, что избегание неопределенности – одно из наиболее важных культурных измерений. По его мнению, культура включает ментальные процессы, разделяемый людьми в среде, которая отличает группу людей от других групп. В разных культурных контекстах можно выработать разное отношение к неопределенности. Нужно признать, что термин по-разному функционирует при оценке личностных свойств и свойств, относимых к межкультурным различиям сообществ. Наибольшие споры вызвала неспособность выделенных пунктов (шкал Хофстеде) полностью отразить отношение личности к неопределенности.

С. Баднер построил опросник, в котором полагался на концепцию толерантности к неопределенности как способности воспринимать ситуации неопределенности в аспекте их желательности или интерпретировать их как угрозы; он уже использовал термин *uncertainty* (Budner, 1962) и рассматривал толерантность и интолерантность к неопределенности как два полюса одной шкалы. И его опросник изначально назывался шкалой интолерантности. Но мы далее говорим о шкале толерантности и интолерантности применительно к этому опроснику, поскольку и на российской (Корнилова, Чумакова, 2014), и на китайской выборках выделены две шкалы, а не одна.

Толерантность к неопределенности является свойством, которое проявляет индивидуальные различия в когнитивных, эмоциональных или поведенческих реакциях в ситуации неопределенности, т.е. в *отношении* человека к неопределенности (Хуан и др., 2017) и в динамике *контроля неопределенности* со стороны *образа мира* (Смирнов, 2016; Смирнов и др., 2016).

Было показано, что толерантность к неопределенности влияет на обработку информации человеком, а также на его эмоциональные реакции. М.

Фрестон считал, что толерантность к неопределенности включает когнитивное, эмоциональное и поведенческое реагирование на многозначную («смутную») ситуацию или неизвестное событие (Красавцева, 2021; Freeston et al., 1994).

Многие авторы подчеркивали негативный аспект интолерантности к неопределенности. Несмотря на то, что вероятность неопределенности и результат преодоления неопределенности принятием решений могут быть различными, лицо, которое не выдерживает неопределенность, видит в неопределенности только негативный аспект (Ladouceur, Gosselin, Dugas, 2000). Считается также, что интолерантность к неопределенности – это когнитивное искажение неизвестных ситуации или события, и такое искажение влияет на восприятие, эмоции, поведение (Dugas, Schwartz, Francis, 2004). Интолерантность к неопределенности связана с беспокойством, тревогой, депрессией и другими отрицательными эмоциями в ситуациях неопределенности. И такие эмоции вынуждают человека принимать решения в сторону избегания риска (Лю и др., 2017).

Исследования отношения к неопределенности проводились и на учащихся высшей школы. При сравнении групп преподавателей и студентов на российских выборках было показано, что у преподавателей университета более высокие индексы толерантности к неопределенности, что сопутствует их профессиональной открытости новым знаниям (Корнилова, Смирнов, 2012). Также установлена опосредующая роль интолерантности к неопределенности и эмоционального интеллекта в саморегулируемом обучении (Albani et al., 2023). Во время пандемии было показано, что черта эмоциональный интеллект позитивно влияла на саморегулируемое обучение и отрицательно на интолерантность к неопределенности.

На китайских выборках Го Вэй и Ву Вэньшэн апробировали опросник Шкалы тревожности и исследовали роль тревожности подростков в курсе изучения иностранных языков в провинции Цзянси (Го, Ву, 2008). В результате были выделены следующие 4 основных фактора, затрудняющие

изучение иностранных языков: страх общаться, недостатки самоуверенности, переживание отрицательных оценок и интолерантность к неопределенности.

В последние два десятка лет свойства толерантности и интолерантности к неопределенности стали включаться в исследования принятия решений и анализа рисков. Так, были описаны связи толерантности и интолерантности к неопределенности с подверженностью фрейминг-эффекту у студентов медицинского и не медицинского вузов (Корнилова и др., 2017). Сравнивались особенности этих свойств в российской и азербайджанской выборках (Корнилова, Бахшалиева, 2016; Корнилова, Керимова, 2018). Китайские исследователи показали влияние толерантности к неопределенности на принятие решений врачами в клинической ситуации (Хуан и др., 2017). Так, врачи, у которых была более высокая толерантность к неопределенности, более склонны к принятию решений делать операции. На выборке российских врачей было установлено, что повышение эмпатии значимо связано у них с позитивным отношением к неопределенности и риску и с их оценками риска при медицинских решениях в ситуациях, моделирующих условия их профессиональной деятельности (Крюкова, Корнилова, 2022).

На китайских выборках Лю Джуй и Чжэн Цянь исследовали отношения между избеганием неопределенности и креативным поведением у сотрудников инновационного предприятия и подчеркнули посредническую функцию креативной самооффективности в отношениях между ними. В результате показано, что избегание неопределенности отрицательно связано с креативным поведением и также отрицательно с креативной самооффективностью. Им также удалось доказать, что креативная самооффективность играет посредническую роль между избеганием неопределенности и креативным поведением. Сотрудники, которые ниже по должности, чаще испытывают беспокойство и тревожность, когда сталкиваются с неопределенными ситуациями (Лю и др., 2016). Однако также было показано, что желание предпринимательской деятельности снижается, если степень удовлетворенности предпринимательской деятельностью и

вероятность предпринимательского успеха невелики, хотя потенциальные предприниматели с более высокой толерантностью к неопределенности и креативными способностями более предпочитают предпринимательскую деятельность (Чжи и др., 2018).

Относительно условий пандемии COVID -19 обнаруживалось, что интолерантность к неопределенности коррелирует с беспокойством о возможности заражения вирусом (Shu, Ochsner, Phelps, 2022). Более того, интолерантность к неопределенности была связана также со снижением способности использовать когнитивно-эмоциональные стратегии, в частности переоценку (Shu, Ochsner, Phelps, 2022).

Однако для полного понимания кросс-культурной универсальности таких свойств, их как толерантность и интолерантность к неопределенности, важно рассмотреть, как они интерпретируются в контексте китайской культуры. В дальнейшем мы покажем, как восприятие и отношение к неопределенности влияет на понимание эмоций и эмпатии в китайском обществе, особенно в условиях пандемии.

Культурная специфика в отношении к неопределенности

Китайская классическая философия включает взаимодействие течений материализма и идеализма (Чжан, 1958). Китайские материалисты и идеалисты признают диалектическое мышление. Диалектическое мышление, скрытое в крови китайской культуры, можно найти и в китайских словах: например, слово "ситуация", которое состоит из китайского иероглифа "局", обозначающего настоящее состояние, и китайского иероглифа "势", обозначающего будущие направления и тенденции; и слово "格局", которое состоит из китайского иероглифа "局", обозначающего настоящее состояние, и китайского иероглифа "格", имеющего значение фактора, который закрепился надолго. Это мудрость, накопленная опытом (Чжан, 1957).

При обсуждении диалектического мышления в китайской классической философии идут идеологические дебаты об определенности и неопределенности. «Чжоу учение» было написано во второй год Ю Ван (780 лет до нашей эры); Бо Ян Фу говорил о причине землетрясения: «Ци (氣) мира не должно быть вне системности, если бы он потерял свою системность, жизнь человека стала бы хаосом. Инь (陰) и Ян (陽) понимаются как два типа Ци (氣), у них есть своя закономерность движения: Ян должен двигаться вверх, тогда как Инь должен двигаться вниз. Когда Ян (陽), срывающийся вниз, не мог выйти, а Ци (氣) Инь (陰) не мог быть испарением, то произошло землетрясение». Бо Ян Фу объяснил землетрясение неправильными движениями в Инь (陰) и Ян (陽). По мнению китайских философов, Ци – это объективное существование, и оно всегда движется закономерно. Его движение регулярное и последовательное. Если оно вышло из строя, то это привело к дисбалансу в мире, – это и есть землетрясение. И далее Бо Янга Фу предсказал на основании явления землетрясения, что «династия Чжоу вымирает». Он не только полагает, что мир основан на объективном существовании Ци, но и дает идеалистическое толкование его роли (что феномен землетрясения предсказывает: «династия Чжоу вымирает»). Его мнение и диалектическое, и детерминистское.

Ци является основным конструктом китайского классического материализма. Ци относится ко всем объективным и аморфным явлениям. Эти явления, называемые Ци, имеют две характеристики: во-первых, все они предполагаются объективно существующими и независимыми от сознания людей. Во-вторых, оно существует как аморфное явление, которое не имеет фиксированной формы и часто изменяется (Чжан, 1957). Можно сказать, что эта дискуссия о Ци является не только проявлением диалектического мышления, но и позитивным отражением существования неопределенности.

Ци постоянно меняется, оно непредсказуемо, неопределенно и аморфно. Именно этот неузнаваемый Ци является источником мира, в котором мы живем. Это своеобразное понимание неопределенности в древнем Китае.

В конфуцианской работе «Доктрина о среднем» было выдвинуто понятие «время-середина». «Время-середина» означает действие в любое время. Это понятие похоже на русское понятие «золотая середина». «Время-середина» меняется: другое становится правильным, когда ситуация изменилась (стала другой). Это означает также «вовремя» (Чжан, 1957). Это также может быть понято как изменение во времени и ситуации, и своевременного решения в неопределенном состоянии. Таким образом, это понятие указывает на принятие неопределенности, которое принимает существование неизвестного состояния и подразумевает действия, основанные на неизвестном состоянии, и предлагает решение. В современной российской психологии сходные, но методологически иначе осмысленные представления можно найти в психологии возможного (Знаков, 2021) и в изначальном понимании роли неопределенности в принятии решений (Корнилова, 2016).

Если говорить о современной западной философии, то ее развитие, как считают китайские философы, сопровождается развитием современной естественной науки (Фэн, 2010; Му, 1983). Однако китайская философия, напротив, с древности развивалась независимо от естественных наук.

Ван Фужи (1619-1692) считал, что бесконечный материальный мир состоит из двух начал – «Ци», которые пронизывают и наполняют все между небом и землей, но не теряют своих закономерностей. Он вводил ряд категорий, таких как «Дао», «потенциал», «ши», чтобы доказать, что природа неизбежна, упорядочена и регулярна (Чен, 2004). Это можно понимать как философское воплощение ограниченной причинности в мире неопределенности.

Еще 20 лет назад профессор К. Пэн и его научный руководитель указали на разницу между диалектическим мышлением в Китае и на Западе и

предложили понятие «Наивный диалектизм». Китайцы больше, чем жители Запада, полагаются на эвристики в повседневной жизни, что побуждает их искать золотую середину между крайностями и заставляет их меньше беспокоиться об очевидных противоречиях (Peng, Nisbett, 2000). Если на Западе считают, что противоречия реальны, то на Востоке – в Китае – отрицается существование реальных противоречий. Китайская диалектическая мысль признает единство противоположностей и считает сосуществование противоположностей постоянным. Вера в подлинное противоречие рассматривается как своего рода заблуждение. Наивный диалектизм относится к набору восточно-азиатских мирских верований, характеризующихся терпимостью к противоречиям, ожиданием изменений и когнитивным холизмом.

Именно благодаря этой особенности, когда китайцы принимают две противоположные вещи или две противоположные точки зрения, они всегда могут найти золотую середину между ними. По сравнению с жителями Запада китайцы склонны мыслить более диалектически, потому что они склонны смотреть на вещи с динамической точки зрения (Peng, Nisbett, 1999). Диалектическое мышление китайцев заключается в том, чтобы смотреть на противоречия с точки зрения непрерывно меняющегося развития, из-за чего необходимо понимать всю ситуацию в целом, чтобы понять, что одна ее часть «влияет на все тело».

Это приводит к диалектическому взгляду на неопределенность. Китайцы рассматривают неопределенности с точки зрения диалектики. То есть они принимают и толерантность к неопределенности, и интолерантность к неопределенности, поскольку пытаются найти «золотую середину» между полюсами принятия и неприятия неопределенности.

Чтобы взглянуть на проблему связи эмпатии с отношением к неопределенности, мы должны проанализировать ее с точки зрения включенности их в личностную сферу в разных культурах.

Связи эмпатии с отношением к неопределенности и с имплицитными теориями

В разных ситуациях неопределенности принятие решений у каждого человека регулируется по-разному, поскольку включает многоуровневые множественные процессы (Корнилова, 2013, 2016; Чумакова, 2010). В качестве ведущего уровня в целостной психологической регуляции выбора могут занимать разные составляющие – и эмоциональные, и интеллектуальные, и волевые (Корнилова, Тихомиров, 1990). Саморегуляция выступает в концепции функционирования единого интеллектуально-личностного потенциала интерпретационным понятием в двух разных контекстах: структурирования в динамических регулятивных системах (ДРС) иерархии процессов, опосредствующих выбор, и контроля приемлемости–неприемлемости тех или иных оснований принятия решений, в том числе личностного выбора (Корнилова, 2011). Учитывая роль личностной составляющей в регулятивных системах выбора (Корнилова, 2013; Д.А. Леонтьев, 2014; и др.), исследователи не могут пройти мимо проблемы диагностики свойств, отражающих межиндивидуальные различия в отношении к неопределенности, принятию и преодолению условий неопределенности.

Когда люди имеют высокую нетерпимость к неопределенности, это способствует стрессу и депрессии (Злобина, Первушина, 2017); и такие эмоциональные состояния могут уменьшить доступные когнитивные ресурсы, могут снизить уверенность в способности решать проблемы, повысить самофокусировку, тем самым активировав другие дисфункциональные схемы (Freeston et al., 1994). Было показано что, когда принятие неопределенности снижается, когнитивная эмпатия (и децентрация как ее компонент) человека повышается (Корнилова, Павлова, 2019). Когда же принятие неопределенности усиливалось, то росла и аффективная эмпатия (и эмоциональная заразительность как ее составляющая).

В кросс-культурном исследовании показано что придерживающиеся инкрементальной имплицитной теории личности студенты-россияне имели более низкий показатель интолерантности к неопределенности, чем студенты с константными имплицитными теориями личности, но эта связь не обнаружена у азербайджанских участников (Kornilova, Chumakova, Izmailova, 2015).

Если рассматривать имплицитные теории личности и эмоций как проявление глубинного уровня самосознания личности, а эмпатию как динамическую иерархизацию разных процессов (специальную ДРС), то толерантность к неопределенности можно понимать как личностное свойство, взаимосвязанное с выраженностью эмпатии и имплицитных теорий в более широкой системе связанных между собой регулятивных систем. Выяснить соотношения между этими свойствами можно путем их включения в исследование регуляции принятия решений, что позволит уточнить их функциональную включенность в эмоционально-личностную сферу.

Глава 2. Эмпирические исследование связей эмпатии с имплицитными теориями и отношением к неопределенности

2.1. Постановка проблемы исследования связи эмпатии, имплицитных теорий личности и эмоций и толерантности к неопределенности

В исследовании связей эмпатии со свойствами личностной регуляции решений в условиях неопределенности мы исходили из функционального понимания единства интеллектуально-личностного потенциала человека, что предполагает представленность в ДРС процессов и осознаваемых, и неосознаваемых уровней, а также невозможность отдельного функционирования его личностных или интеллектуальных составляющих (Корнилова, 2016). При конкретизации положения о ДРС применительно к эмпатии мы предположили, что такие составляющие как аффективная и когнитивная эмпатия будут по-разному связаны с *инкрементальными* ИТ, предполагающими развитие личности, и так называемыми *константными* теориями; причем изменение связей будет происходить именно по линии повышения инкрементальных ИТ с ростом когнитивной составляющей эмпатии. Это различие в связях будет свидетельствовать о разнице функций когнитивной и личностной сфер в реализации эмпатийных процессов.

Учитывая полученные ранее сведения о кросс-культурных различиях и связях имплицитных теорий (ИТ) с отношением человека к неопределенности (Kornilova, Chumakova, Izmailova, 2015), мы могли ожидать, что у лиц с большей толерантностью к неопределенности будут более высокая эмпатия и большая выраженность инкрементальных имплицитных теорий личности и эмоций (ИТЛ и ИТЭ).

Однако нам не известны работы, где одновременно диагностировались бы связи эмпатии с ИТ личности и ИТ эмоций, и с отношением человека к неопределенности. Если выявление связей эмпатии с ИТ давало бы

представление о включенности эмпатии в «бытийные слои сознания», то связи с толерантностью-интолерантностью к неопределенности раскрывали бы динамический аспект эмпатии. У интолерантных (к неопределенности) личностей можно ожидать снижение эмпатии и большую приверженность константным ИТ.

Как мы показали выше, для понимания эмпатии очень важен кросс-культурных контекст изучения. Во-первых, это не раз продемонстрированные различия между странами, культура которых поддерживает или нет выражение эмоций и эмпатии. Во-вторых, это устанавливаемое с позиций культурно-исторического и культурно-эволюционного подхода различие путей становления разных форм эмпатии и опосредствующих ее процессов (Корнилова, 2022а, 2022б; Нуркова, 2020а, 2020б). Наконец, для нас актуальным было выявление специфики предполагаемых связей именно в китайской выборке, поскольку в психологической литературе неизмеримо больший удельный вес имеют исследования эмпатии на западных выборках. А мы показали, что с точки зрения роли межличностных отношений в культуре Китая, отношения к неопределенности и выражения эмоций можно ожидать иных связей эмпатии с составляющими интеллектуально-личностного потенциала, чем в российской и западных выборках.

Таким образом, мы поставили целью на эмпирическом уровне провести исследование на китайских выборках, причем с участниками, проживающими в континентальном Китае и живущими в другой стране. Это позволило выявить роль социальных условий, в которых живет и действует человек, в выраженности эмпатии и особенностях ее связей с имплицитными теориями личности, отношением к неопределенности и принятием решений.

Поскольку мы предполагали проведение исследования на китайских выборках на китайском языке, мы также ставили целью перевести и апробировать на китайском языке необходимые методики.

В связи с тем, что начало нашей работы совпало с началом пандемии COVID -19, мы включили в наше исследование и изучение роли эмпатии,

имплицитных теорий личности (ИТЛ) и эмоций (ИТЭ) в принятие решений – на основе применения методики *вербальных задач*. Была поставлена задача выявления регулятивной роли эмпатии и ИТ в качестве предикторов преодоления заданных в них условий неопределенности.

Основные гипотезы:

1. Лица, склонные к «инкрементальным» теориям (предполагающие, что личность развивается – «обогащается» – и эмоциями можно управлять), будут обладать большей эмпатией.

2. Положительное отношение к неопределенности будет связано с выраженностью «инкрементальных» имплицитных теорий личности и эмоций, а приверженность «константным» имплицитным теориям – с интолерантностью к неопределенности.

3. На эмоциональную регуляцию принятия решений (о про-социальном поведении) существенно влияют культурные факторы, в частности:

3а: Учитывая ключевую роль межличностных отношений в китайской культуре, мы предположили, что китайцы будут демонстрировать более высокий уровень эмпатии и имплицитных инкрементальных теорий эмоций, чем российские участники.

3б: Кросс-культурная адаптация китайцев в другой культуре опосредована непосредственными и текущими воздействиями социальной среды; поэтому китайские участники, проживающие в России, покажут промежуточные баллы между российскими участниками и китайскими в Китае.

Мы считали, что принятие культурно-эволюционного и личностно-ориентированного подходов для характеристики индивидуальных различий в эмпатии даст дополнительную информацию о возможной специфике латентных профилей личности в разных культурных группах, что позволит лучше дифференцировать кросс-культурные различия по сравнению с корреляционным анализом.

2.2. Схема исследования и методики

Во-первых, в исследовании 1 мы провели перевод и адаптацию на китайском языке следующих опросников: имплицитные теории эмоций (ИТЭ) – Implicit Theories of Emotions (Tamir et al., 2007); имплицитные теории личности (ИТЛ) – Implicit Theories of Personality (Dweck, 2000); шкала толерантности-интолерантности к неопределенности С. Баднера – Intolerance of Ambiguity Scale, IAS (Budner, 1962); ре-адаптировали опросник когнитивной и аффективной эмпатии – the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy, кратко QCAE (Reniers et al., 2011). Для оценки конвергентной валидности QCAE применили также опросник М. Дэвиса Interpersonal Reactivity Index – IRI.

В Китае Ю. Линг с соавторами (Liang et al., 2019) адаптировали данный опросник QCAE для студенческой выборки (n=1224). Однако в их работе результаты ЭФА и КФА не сходилась: в результате ЭФА устанавливалась 4-факторная модель, а по результатам КФА принималась 5-факторная. В другом исследовании при апробации на китайских школьниках авторы получили 3 фактора (Ван, Су, 2019). Таким образом, вопрос о факторной структуре опросника для китайских респондентов пока не решен.

Во-вторых, в исследовании 2 мы провели корреляционное исследование для выявления связей эмпатии с толерантностью и интолерантностью к неопределенности (ТН–ИТН) и имплицитными теориями на китайских выборках. При этом, в исследовании 3 мы сравнили по высоте личностных переменных и связям между ними две выборки: китайцев, проживающих в России, и китайцев в континентальном Китае. Мы сравнили показатели обеих выборок с третьей, которую составили российские участники.

В исследовании 4 на основе использования специально разработанных вербальных задач о социальном дистанцировании в условиях начала эпидемии COVID-19 мы сравнили китайские данные с российскими – путем выделения предикторов оснований принятия решений «надевать» или «не надевать

маску» в общественных местах в условиях медицинской угрозы (разделы 3.1 – 3.2).

Кроме того, мы запланировали и провели отдельное исследование – пятое исследование, представляемое позже в разделе 3.3, на материале других вербальных задач (обычных житейских ситуаций неопределенности без угроз здоровью), в которых участник должен был совершать личностный выбор и оценку разных альтернатив по тому, согласен ли он принять то или иное решение (про-социальной или эгоистической направленности).

Участниками исследования выступили 2502 человек. Из них 56.59% (1416 чел.) приняли участие по он-лайн форме, 43.41% (1086 чел.) приняли участие очно. Российскую выборку составили 450 чел., китайскую в Китае 1645 чел., китайскую в Москве 363 чел., и китайскую во Франции 44 чел. далее состав выборок будет описан применительно к отдельным проведенным исследованиям.

Данные тестирования российских участников, которые параллельно получили Т.В. Корнилова и М.С. Зиренко, я включила в самостоятельную обработку данных.

Методики

Опросник Когнитивной и Аффективной эмпатии

Опросник когнитивной и аффективной эмпатии – Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy, QCAE (Reniers et al., 2011; для китайского варианта: Wang, Su, 2019). Опросник дан в приложении 2.

Опросник включает 31 пункт, оцениваемые по 4-балльной шкале от «Абсолютно не согласен» до «Абсолютно согласен». В исходной модели выделяются 5 субшкал. Субшкала *децентрация* (perspective taking) отражает, насколько человек воспринимает, понимает и принимает опыт другого человека и его точку зрения. Субшкала *подстройка* (online simulation) отражает, насколько человек способен поставить себя на место другого, представив, что он чувствует; может трактоваться как включенная в «модель

психического» в аспекте фокусировки на эмоциях другого. Субшкала *эмоциональная заразительность* (emotion contagion) показывает сензитивность к эмоциям и чувствам других, подверженность их влиянию на собственные эмоциональные состояния. Субшкала *проксимальная чувствительность* (proximal responsivity) – отзывчивость на поведение других в социальных контактах, эмоциональное реагирование на других. Субшкала *периферическая чувствительность* (peripheral responsivity) – более широкий, чем в предыдущей переменной, охват ситуаций с точки зрения того, вызывают они или нет эмоциональные реакции.

В отличие от опросника Индекса межличностной реактивности (Interpersonal Reactivity index) – IRI (Davis, 1983), в QCAE выделяются также два вторичных фактора – Когнитивная эмпатия и Аффективная эмпатия.

Опросник Когнитивной и Аффективной эмпатии (QCAE) широко используется благодаря многомерной оценке способности к эмпатии и в настоящее время доступен на многих языках. Во многих странах также установлена бифакторная структура – когнитивной и аффективной эмпатии и с указанными пятью субшкалами (Белоусова, Гейвандова, 2021; Reniers et al., 2011; Queirós et al., 2018). Однако на турецкой выборке и французской выборке при выявлении пяти субшкал подразделение их на обобщающие факторы Когнитивной эмпатии и Аффективной эмпатии не установлено (Şakir et al., 2021; Myszkowski et al., 2017). Альфа Кронбаха для QCAE приводим далее в результатах апробации опросника.

Опросник Шкала интолерантности С. Баднера

Ориентируясь на исходный английский и русско-язычный перевод шкалы интолерантности С. Баднера (Budner, 1962; Корнилова, Чумакова, 2014), мы перевели его на китайский язык. Опросник предъявлялся на китайском языке очно или он-лайн.

Опросник в исходном варианте состоит из 16 вопросов со шкалой ответов, предполагающей степень согласия с утверждением от 1 («Абсолютно

не согласен») до 7 («Абсолютно согласен») (см. Приложение 1). При апробации на российской выборке число пунктов сократилось до 13; причем было получено два фактора – толерантность к неопределенности (ТН) и интолерантность к неопределенности (ИТН), которые у Баднера были полюсами одной шкалы. В китайской выборке надежность (согласованность шкал) составила по альфа Кронбаха для ИТН $\alpha = 0.61$, а для ТН $\alpha = 0.66$.

Опросник ИТ Эмоций

Шкала имплицитных теорий эмоций – Implicit Theories of Emotions scale (Tamir et al., 2007) также переведена нами на китайский язык. Краткий опросник включает 4 пункта: 2, предполагаю согласие с возможностью управлять эмоциями, и 2 – о невозможности управлять эмоциями. Ответы участника отражают степень согласия с утверждением: от 1 («Абсолютно не согласен») до 5 («Абсолютно согласен»). Общий показатель – при выбранном однофакторном решении – означает превалирование инкрементальной ИТ эмоций. В предварительном исследовании подтвердилась его однофакторная структура. Коэффициент альфа Кронбаха для шкалы ИТЭ на нашей выборке $\alpha = 0.543$.

Опросник ИТ личности

Шкала Имплицитных теорий личности (ИТЛ) (Dweck, 2000) также переведена нами на китайский язык. опросник включает 8 пунктов, из них 4 утверждения относятся к субшкале инкрементальной ИТЛ (пример: Каждый, кто бы он ни был, может существенно изменить свои основные характеристики). 4 утверждения относятся к субшкале константных ИТЛ (пример: Каждый человек представляет собой определенный тип личности, и мало что можно сделать, чтобы реально изменить его). Опросник предполагает степень согласия с утверждением от 1 («Абсолютно не согласен») до 6 («Абсолютно согласен»). В предварительном исследовании подтвердилась его однофакторная структура. Коэффициент альфа Кронбаха для ИТЛ $\alpha = 0.70$.

Опросник эмпатии М. Дэвиса

Опросник Индекс межличностной реактивности – Interpersonal Reactivity Index – IRI (Davis, 1980, 1983, 1996) обычно используется при валидации новых средств измерения эмпатии. IRI представляет собой шкалу из 28 пунктов, которая включает четыре субшкалы: восприятие перспективы (на русском обычно переведены как децентрация (Д); эмпатическая забота (ЭЗ); фантазия (Ф); и личный дистресс (ЛД). Однако было указано, что в данном опроснике автор смешивает понятия «эмпатия» и «воображение», а также «симпатия» и «эмпатия» (Cliffordson, 2002). Шкалы «фантазии» и «личный дистресс» — это конструкции, которые часто не коррелируют с эмпатией (Baron-Cohen, Wheelwright, 2004).

2.3. Исследование 1а: Адаптация опросника Когнитивной и Аффективной эмпатии

Участники исследования. Всего опросник QCAE заполнили 1319 китайских участников, из них 520 человек – очно (в Цзинаньском университете) и 799 – через он-лайн связь. Мы разделили случайным образом их на две выборки. По результатам первой выборки провели эксплораторный факторный анализ (ЭФА), по результатам второй – конфирматорный факторный анализ (КФА).

Для оценки конвергентной валидности мы применили Индекс межличностной реактивности (IRI) М. Дэвиса. Шесть пунктов (1-6) из опросника Дэвиса были включены авторами в опросник QCAE (Reniers et al., 2011). Опросник Дэвиса заполнили 799 человек.

Китайские исследователи (Rong et al., 2013) при адаптации опросника М. Дэвиса на китайской выборке показали, что опросник имеет хорошую надежность и структурную валидность. Коэффициенты альфа Кронбаха для

нашей выборки удовлетворительны: шкала фантазия $\alpha=0.704$; децентрация $\alpha=0.663$; эмпатическая забота $\alpha=0.542$; личный дистресс $\alpha=0.613$.

Процедура исследования

Все 1319 китайских участников заполняли опросник QCAE и опросник ИТЭ, из них некоторые дополнительно заполняли также: (1) опросник IRI (n=770); (2) опросник ИТЛ (n=520). Чтобы установить факторную структуру для опросника QCAE для китайской выборки, мы разделили всех испытуемых случайно на две группы и провели эксплораторный факторный анализ для первой выборки (n=659) и конфирматорный факторный анализ для второй – репликационной выборки (n=660).

Результаты апробации

Результаты ЭФА мы дали в Приложении 1, а КФА представлены в Таблице 1.

Таблица 1 - Показатели пригодности альтернативных конфирматорных факторных моделей в репликационной выборке (n = 660)

Модель	χ^2	DoF	p	CFI	GFI	RMSEA (90% CI)
Оригинальная модель (5 факторов первого порядка + 2 фактора второго порядка) (Reniers, et al., 2011).	244.309	85	0.001	0.925	/	0.077 (0.066, 0.088)
Оригинальная пяти-факторная модель (5 факторов первого порядка + 2 фактора второго порядка) по нашим данным (n=660)	563.394	85	.000	0.878	0.905	0.092 (0.085, 0.100)

Четырех-факторная модель (4 факторов первого порядка + 2 фактора второго порядка) по нашим данным (n=660)	484.858	81	.000	0.897	0.911	0.087 (0.080, 0.094)
---	---------	----	------	-------	-------	-------------------------

Мы проверили соответствие наших данных авторской модели (Reniers et al., 2011), используя авторский ключ, сделанный нами по результатам эксплораторного анализа. Далее мы предложили четырех-факторную модель, поскольку субшкала проксимальной чувствительности выделялась плохо.

Психометрические показатели позволяют нам остановиться на нашей модели с 4 первичными факторами и двумя вторичными. При этом для китайской выборки шкала «эмоциональная заразительность» и «проксимальная чувствительность» нами были объединены. Далее мы подсчитывали показатели когнитивной и аффективной эмпатии в соответствии с новым ключом, полученным при ре-адаптации (см. Приложение 3).

Р. Гомес с соавторами (Gomez et al., 2022) также установили четырех-факторную структуру, поскольку шкала «проксимальная чувствительность» имела в этом исследовании (на 203 участниках) низкую надежность и плохо интерпретировалась.

Для оценки внутренней согласованности шкал опросника QCAE с помощью программы SPSS Statistics (версия 24.0.0 для Mac OS) рассчитывался коэффициент альфа Кронбаха. Для Общего показателя эмпатии $\alpha = 0.853$, для Децентрации $\alpha = 0.847$, для Подстройки $\alpha = 0.764$, для Эмоциональной заразительности $\alpha = 0.802$, для Периферической чувствительности $\alpha = 0.465$; для шкалы Когнитивной эмпатии $\alpha = 0.869$, для Аффективной эмпатии $\alpha = 0.726$.

Таким образом, для всех шкал, кроме Периферической чувствительности, установлены хорошие показатели надежности. Все 4 шкалы эмпатии по QCAE проявили значимые связи со шкалами IRI (Табл.2).

Таблица 2 - Корреляция шкал опросника М. Дэвиса (IRI) и опросника QCAE (n=799)

	Переменные	Когнитивная эмпатия		Аффективная эмпатия	
		Децентрация	Подстройка	Эмоциональ- -ная заразитель- ность	Периферическ- -ая чувстви- тельность
IRI	Сопереживание	.222**	.260**	.490**	.291**
IRI	Эмпатическая забота	.229**	.418**	.392**	.285**
IRI	Личный дистресс	-0.01	.070*	.446**	.203**
IRI	Децентрация	.481**	.671**	.404**	-.106**

Примечание: ** - $p < 0.01$ (двухсторонняя); * - $p < 0.05$ (двухсторонняя).

Жирным шрифтом выделены наиболее высокие коэффициенты связи.

Обсуждение результатов

Авторы многих западных версий QCAE считают, что шкала «эмоциональная заразительность» относится к непосредственному – автоматическому отражению чувств другого человека. «Проксимальная отзывчивость» относится к оценивающей эмоциональной реакции человека, когда он становится свидетелем настроений других в тесном социальном контексте. Например: Пункт 7 «Я часто был эмоционально вовлечен в трудности моих друзей» по оригинальной версии (Reniers et al., 2011) относится к шкале «эмоциональная заразительность», а пункт 8 «Видя, как

люди вокруг меня нервничают, я тоже нервничаю» по оригинальной версии относится к шкале «проксимальная чувствительность». Однако в китайской выборке эти пункты оказались в одной шкале.

Мы предполагаем, что коллективистическая направленность в китайском обществе – важный фактор, влияющий на выбор ответа китайскими участниками. В коллективном обществе дистанция между людьми меньше. И если в западной культуре хорошо различаются понятия «люди вокруг меня» и «мои друзья», то для китайцев в какой-то степени это одно и то же.

Выводы

Наша адаптация китайской версии опросника Когнитивной и Аффективной эмпатии QCAE соответствует модели с 4 первичными и 2 вторичными факторами. Опросник проявил хорошие показатели надежности и конвергентной валидности и может в дальнейшем использоваться на китайском языке.

2.4. Исследование 16: Апробация Шкалы С. Баднера

Мы апробировали данный опросник на китайской выборке (1209 участников), делая перевод с исходного английского варианта (см. Приложение 2). Посредством программы (здесь и далее) IBM SPSS Statistics (Версия 24.0.0 для Mac OS) рассчитывался коэффициент альфа Кронбаха. В общей выборке для всех пунктов – при одной шкале опросника – $\alpha = 0.703$.

Участники. *Общую выборку* апробации составили 1209 китайских участников (возраст от 17 до 53 года) из них 582 мужчин ($M=23.50$, $SD=5.37$, 16 мужчин не указали возраст) и 590 женщин ($M=24.43$, $SD=4.59$, 12 не указали возраст); 38 не указали пол. Из них 825 испытуемые ответили опросник очно, 381 испытуемый ответили на опросник в интернете.

Для первой части выборки ($n = 617$) мы использовали метод главных компонент и с помощью ЭФА определяли факторную структуру. Выделены две шкалы – ТН и ИТН, и их внутренняя согласованность оказалась следующей: для шкалы ТН $\alpha = 0.664$, для шкалы ИТН $\alpha = 0.607$. Такие психометрические характеристики можно считать удовлетворительными.

Для второй части выборки мы сделали КФА с помощью EQS 6.4 for Windows и проверили двухфакторную структуру опросника.

Результаты апробации

Результаты ЭФА

На русском языке опросник С. Баднера апробировался на выборке 1082 человека в возрасте от 17 до 72, и была установлена его двухфакторная структура (Корнилова, Чумакова, 2014). Мы также получили двухфакторное решение; результаты факторного анализа представлены в таблице 3. Методом главных компонент выделено два фактора – ТН и ИТН.

Таблица 3 - Матрица факторных нагрузок при апробации опросника С. Баднера

№	Пункт опросника	Компоненты	
		1	2
1	Специалист, который не может дать четкий ответ, возможно не слишком много знает.	-0.204	0.555
2	Не существует таких проблем, которые нельзя решить.	-0.052	0.417
3	Хорошая работа - это та, на которой всегда ясно, что и как это нужно делать.	-0.074	0.601

4	В долговременной перспективе добиться большего возможно, решая маленькие и простые проблемы, чем большие и сложные.	0.079	0.446
5	Привычное всегда предпочтительнее незнакомого.	0.301	0.479
6	Человек, который ведет ровную, размеренную жизнь (без особых сюрпризов и неожиданностей), на самом деле должен быть благодарен судьбе.	0.143	0.485
7	Я больше люблю вечерник со знакомыми людьми, чем те, где большинство людей мне совершенно незнакомы.	0.28	0.351
8	Чем скорее мы придем к единым ценностям и идеалам, тем лучше.	0.312	0.492
9	Я хочу пожить за границей некоторое время.	0.44	-0.077
10	Люди, которые подчинили свою жизнь расписанию, наверное, лишают себя большинства радостей жизни.	0.569	0.025
11	Интереснее заниматься сложной проблемой, чем решать простую.	0.439	0.148
12	Часто наиболее интересные и заводящие других люди-это те, кто не боится быть оригинальным и непохожим на других.	0.641	0.135
13	Люди, которые настаивают на ответ либо <да>, либо <нет>, просто не знают, насколько все на самом деле сложно.	0.596	-0.038
14	Многие из наиболее важных решений основаны на неполной информации.	0.621	-0.064
15	Хороший учитель - это тот, кто заставляет тебя размышлять о твоём взгляде на жизнь.	0.615	0.231
16	Преподаватели и наставники, предлагающие нечеткие задания, дают шанс человеку проявить свою инициативу и оригинальность.	0.325	0.216

Результаты КФА

Для двухфакторной структуры показатели модели: $\chi^2 = 297.60$, $DoF_{\text{знч.}} = 103$, $CFI = 0.830$, $GFI = 0.938$, $RMSEA (90\%) = 0.056 (0.049, 0.064)$. Мы можем считать эти результаты удовлетворительными. Однако также показано, что фактор 1 (ИТН) положительно связан с фактором 2 (ТН) ($\rho = 0.574$, $p < 0.05$).

В отличие от этого в российской выборке (Корнилова, Чумакова, 2014) ИТН и ТН оказались независимыми факторами, отражающими два полюса в отношении к неопределенности; в других исследованиях связь между этими двумя шкалами обычно была отрицательна либо не устанавливалась.

Мы проверили также и однофакторную структуру для опросника Баднера. Для однофакторной структуры, $\chi^2 = 431.66$, $DoF_{\text{знч.}} = 104$, $CFI = 0.714$, $GFI = 0.905$, $RMSEA (90\%) = 0.073 (0.066, 0.080)$. Для китайской выборки двухфакторная структура имеет лучшие показатели пригодности.

Обсуждение результатов

Итак, при апробации опросника С. Баднера на китайских выборках продемонстрирована возможность выделения двух личностных свойств - толерантности к неопределенности и интолерантности к неопределенности. По сравнению с результатами, полученными при апробации его на русскоязычной выборке (Корнилова, Чумакова, 2014), где для ИТН $\alpha = 0.66$, для ТН $\alpha = 0.61$, можно сказать, что наши результаты более удовлетворительны для шкалы ТН в китайской выборке - $\alpha = 0.671$; для ИТН $\alpha = 0.561$, что хуже, и в дальнейшем мы применяли только шкалу ТН.

Однако нами показано что, шкалы ИТН и ТН положительно связаны друг с другом. Мы объясняем это указанной ранее тенденцией китайцев принимать противоречия, в данном опроснике - давать утвердительные ответы на противоположно звучащие пункты. К. Пэн и Р. Нисбет (Peng, Nisbett, 2000) в своей работе обосновали, что китайцы проявляют «наивный диалектизм», который характеризуются терпимостью к противоречиям,

ожиданием изменений и когнитивным холизмом. Видимо, китайская ментальность позволяет китайским участникам относиться к неопределённости непротиворечно – и принимать неопределенность, и стремиться к ясности, что дает одновременно высокие ТН и ИТН.

Выводы

Опросник С. Баднера на китайской выборке проявил двухфакторную структуру. Но из-за положительной связи двух шкал мы далее будем применять только одну шкалу – толерантности к неопределенности.

2.5. Исследование 1в: Апробация опросника имплицитных теорий эмоций

Участники. Выборку при апробации опросников ИТ личности (ИТЛ) и ИТ управляемости эмоций (ИТЭ) составили 593 китайских участников (возраст от 17 до 43 года); из них 280 мужчин ($M=24.14$, $SD=3.15$, 14 мужчины не указали возраст) и 277 женщин ($M=23.89$, $SD=3.07$, 12 не указали возраст). Из них 529 участников ответили на опросник очно и 64 - он-лайн в интернете. Участники заполняли опросник по желанию, и после ответов каждый из них получил 20 юаней в качестве компенсации за потраченное время. Большинство участников ($n = 419$) были студентами-магистрантами-аспирантами Университета Цзинань.

Схема. Мы апробировали данные опросники на китайской выборке, делая перевод на китайский язык с исходного английского варианта.

Посредством программы (здесь и далее) IBM SPSS Statistics (Версия 24.0.0 для Mac OS) рассчитывался коэффициент альфа Кронбаха для проверки надежности шкал ИТ личности и ИТ эмоций. Для КФА, мы пользовались EQS 6.4 for Windows.

Результаты

По всему опроснику ИТЭ показатель внутренней согласованности альфа Кронбаха $\alpha = 0.606$. Используя метод главных компонент ЭФА, мы проверили факторную структуру шкалы ИТЭ. На нашей китайской выборке в ИТ эмоций выделены на 2 под-шкалы: ИТ *константных* эмоций ($\alpha = 0.656$) и ИТ *управляемости* эмоциями ($\alpha = 0.651$).

Результаты КФА показали, что для двухфакторной структуры опросника ИТЭ $\chi^2 = 0.258$ ($p=0.612>0.05$), $DoF_{\text{знч.}} = 1$, $CFI = 1.000$, $GFI = 1.000$, $RMSEA (90\%) = 0.000$ (0.000, 0.087). Чем меньше значение χ^2 , тем лучше общая модели соответствует фактическим данным. Когда значение χ^2 ближе к 0, это означает, что предполагаемая модель лучше соответствует наблюдаемым данным (У, 2009). Поскольку размер выборки значительно влияет на χ^2 , для решения о лучшей модели учитываются также показатели CFI, GFI, RMSEA. Чем меньше значение RMSEA, тем лучше подходит модель. Вообще говоря, значение RMSEA меньше 0.05 указывает на очень хорошую степень соответствия модели (Browne, Cudeck, 1993).

Для значений CFI и GFI чем ближе их показатель к 1, тем лучше предлагаемая модель соответствует фактическим данным (У, 2009). Таким образом, можно сказать что двухфакторная структура опросника ИТЭ для китайской выборки подходит.

Однако, поскольку в оригинальной модели (Tamir et al., 2007) решение было однофакторным, мы решили также проверить гипотезу об однофакторной структуре для нашей китайской выборки. Результаты КФА для однофакторной структуры хуже: $\chi^2 = 125.016$ ($p=0<0.05$), $DoF_{\text{знч.}} = 2$, $CFI = 0.645$, $GFI = 0.907$, $RMSEA (90\%) = 0.322$ (0.275, 0.370). Таким образом, мы сможем сделать выводы о том, что для китайской выборки лучшим решением для опросника имплицитных теорий эмоций – ИТЭ – является двухфакторная структура.

Выводы

На основании полученных психометрических характеристик можно сделать вывод о том, что шкалу ИТ эмоций можно использовать для дальнейшей работы на китайской выборке. При этом для китайской выборки лучше подходит выделение двух факторов – константных имплицитных теорий, означающих невозможность совладания с эмоциями, и инкрементальных ИТ, предполагающих возможность управления эмоциями.

2.6. Исследование 1г: Апробация опросника имплицитных теорий личности

Участники. Выборку составили те же участники, что описаны выше – в параграфе об апробации шкалы ИТЭ.

Результаты

Внутренняя согласованность пунктов по всему опроснику ИТЛ $\alpha = 0.655$. Используя метод главных компонент ЭФА, мы проверяли факторную структуру опросника, что подтвердило выделение двух факторов – инкрементальных и константных имплицитных теорий. На нашей китайской выборке шкала ИТ личности подразделена на 2 субшкалы: ИТ развивающейся («обогащаемой») личности ($\alpha = 0.780$) и ИТ константной личности ($\alpha = 0.682$).

Результаты КФА показали лучшую пригодность модели с двухфакторной структурой опросника ИТЛ: $\chi^2 = 53.856$ ($p=0.0003<0.05$), $DoF_{знч.} = 19$, CFI= 0.964, GFI = 0.977, RMSEA (90%) =0.056(0.038, 0.073). Для однофакторной структуры опросника ИТЛ показатели были хуже: $\chi^2 = 355.997$ ($p = 0.001$), $DoF_{знч.} = 20$, CFI = 0.658, GFI = 0.849, RMSEA (90%) =0.168 (0.153, 0.184).

Выводы

На основании полученных психометрических характеристик можно сделать вывод о том, что шкалу имплицитных теорий личности можно использовать в дальнейших исследованиях на китайских выборках в двухфакторном варианте.

В российской выборке ИТЛ была дана одной шкалой в рамках опросника К. Двек – С. Смирнова (Корнилова и др., 2008), где суммировались баллы по пунктам инкрементальных теорий с инвертированными баллами по константным теориям. Но для китайской выборки двухфакторная структура более подходит, чем однофакторная структура – по обеим опросникам имплицитных теорий (ИТЭ и ИТЛ).

2.7. Исследование 2: Исследование связей эмпатии с имплицитными теориями

При применении указанных опросников мы смогли проверить следующие конкретные гипотезы.

Гипотезы:

1) Увеличение показателей субшкал имплицитных теорий управляемости эмоций и имплицитных теорий развивающейся личности (инкрементальных ИТ) будут связаны положительно.

2) Увеличения показателей инкрементальных имплицитных теорий личности (ИТЛ) и эмоций (ИТЭ) положительно связаны с повышением толерантности к неопределенности.

3) Когнитивная и аффективная эмпатия будут положительно связаны с инкрементальными имплицитными теориями.

Участники исследования. Выборку составили 517 китайских участников ($M=21.42$, $SD=7.39$), из их 250 мужчин ($M=22.55$, $SD=5.91$, 13 мужчин не указали возраст), 231 женщин ($M=22.66$, $SD=5.19$, 9 женщин не указали возраст) и 33 испытуемых не указали пол.

Результаты корреляционного анализа

(1) Как показано на рисунке 4, инкрементальные теории развивающейся, обогащаемой личности (ИТЛ) и управляемости эмоциями (ИТЭ) положительно связаны ($\rho = 0.275$, $p < 0.01$); константные ИТЛ и константные ИТЭ тоже положительно связаны между собой ($\rho = 0.206$, $p < 0.01$). Это соответствует гипотезе 1. Чем более участники привержены константным ИТЛ, тем более у них появляются константные ИТЭ; чем более учащиеся привержены ИТ развивающейся («обогащаемой») личности, тем более у них показатели управляемости эмоций (ИТЭ). Хотя имплицитные теории личности и эмоций выступают разными психологическими образованиями, китайские испытуемые предпочитают, видимо, рассматривать проблему с точки зрения общих представлений о человеке.

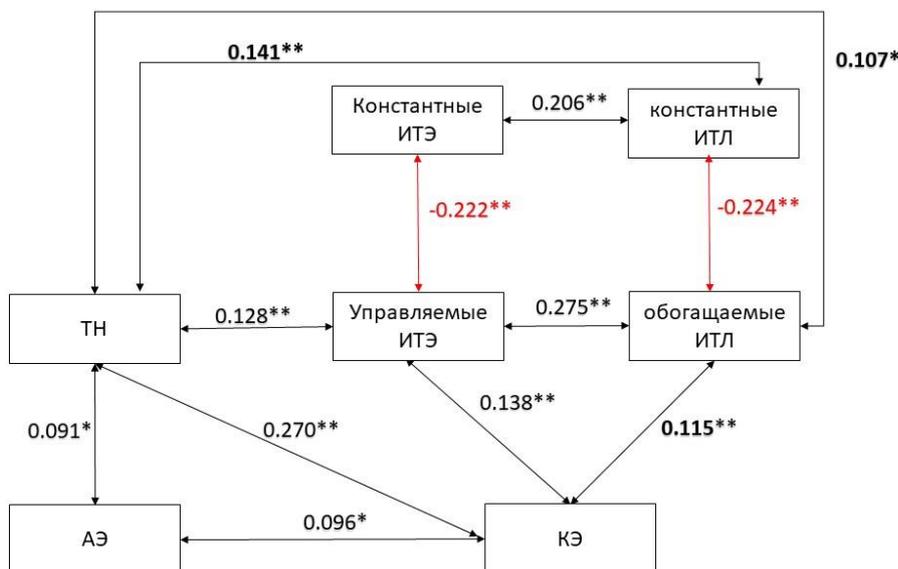

Рисунок 4 - Графическое представление связей между имплицитными теориями – ИТЛ, ИТЭ, – когнитивной и аффективной эмпатией (КЭ и АЭ) и толерантностью к неопределенности (ТН).

Примечание: ** $p < 0.01$ (двухсторонняя); * $p < 0.05$ (двухсторонняя).

(2) *Толерантность к неопределенности* положительно связана с ИТ управляемости эмоциями (ИТЭ) ($\rho = 0.128, p < 0.01$) и с ИТ обогащаемой личности ИТЛ ($\rho = 0.107, p < 0.05$), что соответствует гипотезе 2. Чем более участники склонны к ТН, тем выше у них приверженность инкрементальным ИТ – «обогащаемой» личности и управляемых эмоций. То есть в китайской выборке те, кто верит, что могут изменить свою личность и контролировать свои эмоции, более открыты новому и более терпимы к неопределенности.

Однако ТН также положительно связана с константными ИТ личности (ИТЛ) ($\rho = 0.141, p < 0.01$). Это отражает сложное отношение китайцев к неопределенности: даже если человек думает, что его личность не может быть изменена, человек остается открытыми для неизвестного. Может быть, это философский взгляд на мир в китайской жизни. Однако это также требует дальнейших исследований отношения к неопределенности.

(3) *Когнитивная эмпатия* положительно связана с *толерантностью к неопределенности* – ТН ($\rho = 0.270, p < 0.01$), с *инкрементальными* имплицитными теориями эмоций, предполагающими возможность управления эмоциями – ИТЭ ($\rho = 0.138, p < 0.01$), а также с *инкрементальными* имплицитными теориями личности – ИТЛ ($\rho = 0.115, p < 0.01$). *Аффективная эмпатия* положительно связана с ТН ($\rho = 0.091, p < 0.05$) и с *когнитивной эмпатией* ($\rho = 0.096, p < 0.05$).

(4) Как показано в таблице 4, когнитивный компонент эмпатии *децентрация* положительно связан с ТН ($\rho = 0.243, p < 0.01$). Децентрация также слабо, но значимо положительно коррелирует с инкрементальными ИТЭ ($\rho = 0.091, p < 0.05$) и с инкрементальными ИТЛ ($\rho = 0.087, p < 0.05$).

Другой когнитивный компонент эмпатии – *подстройка*, как и *децентрация*, положительно связан с толерантностью к неопределенности (ТН), с *инкрементальными* ИТ эмоций, с *инкрементальными* ИТличности, но отрицательно – с *константными* ИТ эмоций. Из компонентов аффективной

эмпатии только шкала *эмоциональная заразительность* слабо коррелирует с ТН ($\rho = 0.093$, $p < 0.05$) и с константными ИТЛ ($\rho = 0.114$, $p < 0.05$).

Таблица 4 - Связи переменных когнитивной и аффективной эмпатии с толерантности к неопределенности и имплицитными теориями (ИТЛ, ИТЭ).

Переменные	Когнитивная эмпатия		Аффективная эмпатия	
	Децентрация	Подстройка	Эмоциональная заразительность	Периферическая чувствительность
ТН	.243**	.203**	.093*	.042
Инкрементальные ИТЭ	.091*	.148**	-.046	.050
Константные ИТЭ	-.024	-.136**	.066	.023
Инкрементальные ИТЛ	.087*	.108*	.047	-.044
Константные ИТЛ	.045	-.080	.114**	-.086

Примечание: ** – $p < 0.01$ (двухсторонняя); * – $p < 0.05$ (двухсторонняя).

Жирным шрифтом выделены наиболее высокие коэффициенты для шкал эмпатии по QCAE.

Обсуждение результатов

Нами получены данные в пользу исходного предположения, что увеличение показателей ИТ *управляемости эмоций* (инкрементальных имплицитных теорий эмоций) и имплицитных теорий *развивающейся личности* будут связаны положительно. Таким образом, те китайцы, которые верят, что могут изменить свою личность, также верят в то, что могут контролировать свои эмоции. В свою очередь, те китайцы, которые думают,

что люди не могут изменить свой характер, также считают, что не могут контролировать свои эмоции. Таким образом, нами принимается гипотеза 1 о взаимосвязанности *инкрементальных представлений* в ИТ личности и ИТ управляемости эмоциями. Это соответствует тому, что китайцы склонны смотреть на мир с интегрированной точки зрения на возможность управления личностными свойствами, их имплицитные представления взаимосвязаны.

Согласно нашим результатам, увеличения показателей *инкрементальных имплицитных теорий личности (ИТЛ)* и *эмоций (ИТЭ)* положительно связаны с повышением *толерантности к неопределенности*. Это соответствует гипотезе 2. Но также положительно ТН связана и с *константными ИТЛ*, что специфично для китайской выборки. Наши результаты частично согласуются с результатами кросс-культурного сравнения российской и азербайджанской выборок (Kornilova, Chumakova, Izmailova, 2015), где было показано, что российские студенты с предпочтением *инкрементальной ИТ* личности имели более низкую *интолерантность к неопределенности*, чем студенты с константными имплицитными теориями личности. Другими исследователями устанавливалось, что люди с инкрементальными ИТ имеют динамические взгляды на людей и окружение, проявляют большую потребность в познании, в интеллектуальной деятельности, чем люди с константными теориями – с представлениями о константном мире и неизменяемости личности (Dweck, Chiu, Hong, 1995; Wang, Fu, 2003).

С одной стороны, наши результаты о положительных связях между имплицитными теориями эмоций, личности и толерантностью к неопределенности подтверждают предыдущие исследования (Dweck, Chiu, Hong, 1995) в том, что люди с инкрементальными имплицитными теориями склонны видеть свое окружение более динамичным и поэтому более восприимчивы к новизне и принятию неопределенности. С другой стороны, наши данные отражают сложное отношение китайцев к неопределенности: те,

кто более приемлют неопределенность, также предполагают, что их характер нельзя изменить. Однако это также требует дальнейших исследований.

На китайской выборке мы получили результаты, которые позволяют принять гипотезу 3, но с уточнением – о верифицированных связях *инкрементальных имплицитных теорий личности и эмоций* именно с *когнитивной эмпатией*, но не с *аффективной*. Исключением стала связь компонента *эмоциональная заразительность* с константной ИТ личности. Таким образом, представление человека о возможности управлять эмоциями, о том, что эмоции контролируются, в первую очередь выдвигают когнитивный компонент в качестве ведущего в имплицитных теориях.

Отметим, что при апробации опросника QCEA на азербайджанской выборке была установлена схожая его факторная структура с российской и выявлены значимо более высокие показатели по *общей эмпатии* и *когнитивной эмпатии* (Корнилова, Корнилов, 2021). Однако эмпатия в обеих выборках не выступила основанием разделения выделенных латентных личностных профилей. Это стало одним из оснований рассмотрения нами далее кросс-культурных различий между российскими и китайскими участниками с точки зрения не только высоты изучаемых переменных, но и их связей с другими эмоционально-личностными переменными на основе анализа латентных классов.

Дополнительно отметим, что области неврологии было показано, что медиальная префронтальная кора (mPFC) была задействована в, казалось бы, несопоставимых когнитивных функциях, таких как понимание мыслей других людей и обработка информации о себе (Mitchell, Banaji, Macrae, 2005). Поэтому можно предположить, что именно потому, что когнитивная эмпатия и имплицитные теории эмоций имеют одну и ту же основу, когнитивная эмпатия и инкрементальные имплицитные теории демонстрируют положительную корреляцию.

Когнитивные компоненты эмпатии также положительно связаны с толерантностью к неопределенности. На российской выборке ранее

демонстрировалось, что *когнитивная эмпатия* (и децентрация как ее компонент) увеличивались при снижении *неприятя неопределенности*, измеренной по другому опроснику (Шкалы интеллектуальной оценки риска – ШИОР: Корнилова, Павлова, 2019), а рост *аффективной эмпатии* сопутствовал увеличению неприятя неопределенности.

Другими исследователями на китайской выборке было показано, что люди с положительным отношением к регулированию эмоций в эмоциональных ситуациях используют меньше когнитивных ресурсов, чем люди с отрицательным отношением (Liu, Sang, 2009). Мы для китайской выборки установили, что люди, которые придерживаются *инкрементальных* ИТ личности и эмоций, в большей степени полагаются на когнитивные составляющие (*децентрацию* и *подстройку*) при восприятии эмоций других людей. Мы также уточняем, то те, кто придерживается *константных* имплицитных теорий, в меньшей степени используют *когнитивную эмпатию* (в ее компонентах) и больше подвержены *эмоциональной заразительности*.

Открытым остается вопрос об отличиях эмпатии и ее регулятивной роли в китайской выборке. Именно кросс-культурное сравнение позволит ответить на вопрос о специфичности этих связей (по сравнению с российской выборкой). Его мы представляем в следующем параграфе.

Выводы

Инкрементальные имплицитные теории (развивающейся личности и контролируемости эмоций) связаны с когнитивными компонентами эмпатии, и именно звено интеллектуального опосредствования необходимо рассматривать как ведущее в выходе эмпатии на уровень самосознания личности.

2.8. Исследование 3: Кросс-культурное сравнение отношений между эмпатией и имплицитными теориями эмоций (в китайской и российской выборках)

Чтобы прояснить соотношение между имплицитными теориями эмоций и эмпатией в отношении роли культурно-исторических факторов, мы провели специальное исследование в России и в Китае. Проверялись следующие *гипотезы*.

Гипотеза 1. Китайские участники как представители более коллективистической культуры будут демонстрировать более высокий уровень *когнитивной* и *аффективной* эмпатии и имплицитных *инкрементальных теорий эмоций*, чем российские участники.

Гипотеза 2. Поскольку межкультурная адаптация сильно опосредована социальным окружением и текущими воздействиями социальной среды, можно ожидать, что китайские участники, проживающие в России, покажут промежуточные баллы между российскими и китайскими участниками.

Гипотеза 3. Особенности связей эмпатии и имплицитных теорий личности и эмоций в разных культурных выборках будет прояснять анализ различий в латентных профилях личности (по сравнению с корреляционным анализом внутригрупповых связей).

Метод

Участники. Всего в кросс-культурном исследовании приняли участие 1322 человека; далее были проанализированы данные 1184 участников (исключения см. ниже). Российская выборка включала 400 человек (из 523 участников, первоначально принимавших участие в исследовании). Поправки на возрастные и половые различия были выполнены с использованием демографических данных по соответствующей группе китайских участников, проживающих в Китае. Мы также исключили 16 участников из выборки

китайцев в России, и 2 участников из выборки китайцев, проживающих в Китае, в связи с их возрастом (старше 55 лет). Как видно из описаний выборок, возраст китайских участников в России был ниже, так как большинство из них были студентами (92%).

Участники-россияне в России: 400 человек, в основном студенты (76.5%); Из них 99 мужчин ($M = 28.47$, $SD = 8.24$) и 301 женщина ($M = 24.07$, $SD = 6.2$).

Участники-китайцы в России: 363 человека, в основном студенты (92.2%); Из них 247 мужчин ($M = 21.45$, $SD = 6.11$) и 115 женщин ($M = 20.74$, $SD = 3.21$).

Китайцы в Китае: 421 человек, из них 56.5% студенты; Из них 169 мужчин ($M = 24.44$, $SD = 7.10$) и 252 женщины ($M = 25.02$, $SD = 6.89$).

Все участники прошли индивидуальное тестирование на добровольной основе.

Обработка данных

Корреляционный анализ, MANOVA и групповые сравнения проводились с использованием программного обеспечения IBM SPSS (версия 23). Анализ латентных классов – LCA – был проведен с использованием программного обеспечения Muthén, Muthén Mplus v. 8.6.

Анализ латентных классов (или латентных профилей) – это мощный инструмент для выявления скрытых кластеров в данных, поскольку он «направлен на выявление ненаблюдаемой неоднородности в популяции и на поиск по существу значимых групп, которые сходны в своих ответах» (Nylund, Asparouhov, Muthén, 2007, p. 536). Метод выявления классов со схожими латентными профилями переменных соответствует личностно-ориентированному подходу, и данный метод позволяет исследователям получать информацию об индивидуальных различиях в конфигурации личностных профилей путем группировки людей со сходными значениями нескольких личностных свойств (Specht, Luhmann, Geiser, 2014).

Для кросс-культурного исследования метод многогруппового анализа латентных классов – LCA – может более четко охарактеризовать различия по личностным профилям между культурами и внутри культур. Он позволяет прояснить как внутри-культурные, так и межкультурные вариации сопутствия переменных. Это средство межкультурного сравнения, позволяющее избежать гомогенизации и стереотипизации культурной группы.

Для анализа латентных профилей по LCA данные были дихотомизированы, чтобы получить набор бинарных индикаторов для каждой переменной с использованием медианного разделения. Для выполнения LCA мы рассмотрели набор моделей и такие индексы соответствия, как информационный критерий Акаике (AIC) и байесовский информационный критерий (BIC); энтропия указывала на надежность классификационного решения; р-значение для скорректированного отношения правдоподобия Ло-Менделла-Рубина (отсечение на уровне 0.05; LMR) (Asparouhov, Muthén, 2012), предназначенное для предоставления формальных доказательств предпочтения моделей классов К по сравнению с моделями классов К-1. Низкие значения AIC и BIC соответствуют лучшей «подгонке» модели. Любке и Мутен предположили, что энтропия < 0.60 приведет к неправильной классификации 20% людей, тогда как энтропия > 0.80 будет соответствовать точности классификации более 90%. После выбора окончательных моделей мы сравнили установленные латентные классы по индикаторным переменным для их дальнейшей характеристики.

Российская выборка состояла из групп: (1) очно протестированные учащиеся Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Их приглашал в исследование преподаватель; (2) онлайн-группа, набранная по принципу «снежного кома», куда участников приглашали студенты и два исследователя.

Китайская выборка – китайцы, которые проходили тестирование лично и онлайн по приглашению своих однокурсников из китайского сообщества. Китайские участники получили небольшую компенсацию (5–10 юаней).

Группа «китайцы в России» состояла в основном из студентов подготовительных языковых факультетов. Таким образом, эта группа в основном состоит из китайских студентов, которые находятся в России менее года. Эти студенты целый день погружены в новую языковую среду, оторваны от родного языка и каждый день сталкиваются с совершенно другой культурной средой; именно эти резкие перемены дают им возможность сопоставлять две разные культуры.

Результаты

Сравнение групп по личностным переменным

С помощью критерия Краскела–Уоллиса мы обнаружили достоверные различия ($p < 0.05$) между тремя группами по всем изучаемым переменным (таб. 5). *Китайцы в России* показали самые низкие уровни по всем переменным, в то время как *китайцы в Китае* показали самые высокие уровни *когнитивной эмпатии* и составляющих ее шкалах децентрации и подстройки.

Согласно анализу MANOVA установлено, что показатель инкрементальных ИТЭ был связан как с исследуемой выборкой («группой»), так и с взаимодействием переменных «группа * пол» (при $p < 0.0001$ и $p < 0.05$ соответственно). Уровни *когнитивной эмпатии* были связаны с принадлежностью к выборке (при $p < 0.0001$) и *полом* (при $p < 0.01$); *аффективной эмпатии* – с выборкой, полом и взаимодействием между ними (все $p < 0.001$).

Последующие анализы post-hoc представлены ниже в таблице 5.

Таблица 5 - Описательная статистика по всем личностным переменным

Переменные	Российские участники		Китайцы в России		Китайцы в Китае	
	M	SD	M	SD	M	SD
ИТЭ	3.60	0.84	3.10	0.41	3.43	0.72

Децентрация	28.76	4.20	27.05	4.16	28.63	4.77
Подстройка	22.94	3.27	23.84	3.43	27.36	3.70
Периферическая чувствительность	9.06	1.91	10.06	1.55	10.26	2.21
Когнитивная эмпатия	51.69	6.23	50.89	6.81	55.99	7.59
Аффективная эмпатия	30.66	4.65	30.40	3.71	32.86	4.88
Возраст	25.16	7.02	21.32	5.68	24.78	6.97

Примечание: чтобы сохранить согласованность с российской выборкой, для китайской группы использована однофакторная структура для опросника ИТЭ (переворачиваем значения по обратным пунктам ИТЭ, дальше считается среднее по сумме прямых пунктов и обратных пунктов). Не сравнивалась *эмоциональная заразительность*, поскольку в китайских выборках она объединена со шкалой *проксимальной чувствительности*.

Различия по полу

Различия по полу эксплицированы в диаграммах с рис. 5 по рис. 8. Две китайские группы были объединены для целей этого анализа в общую китайскую выборку. С помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни были обнаружены статистически значимые различия между российскими и китайскими участниками ($p < 0.01$; рис. 5): российские мужчины более склонны принимать *инкрементальные* имплицитные теории эмоций; китайские мужчины набрали более высокие баллы по переменным *аффективной* и *когнитивной эмпатии*.

Мы также обнаружили достоверную ($p < 0.01$) разницу между китайскими и российскими женщинами: китайки демонстрируют более высокую *когнитивную* и *аффективную* эмпатию, но как и китайские мужчины, склонны к *константной* имплицитной теории эмоций (рис.6).

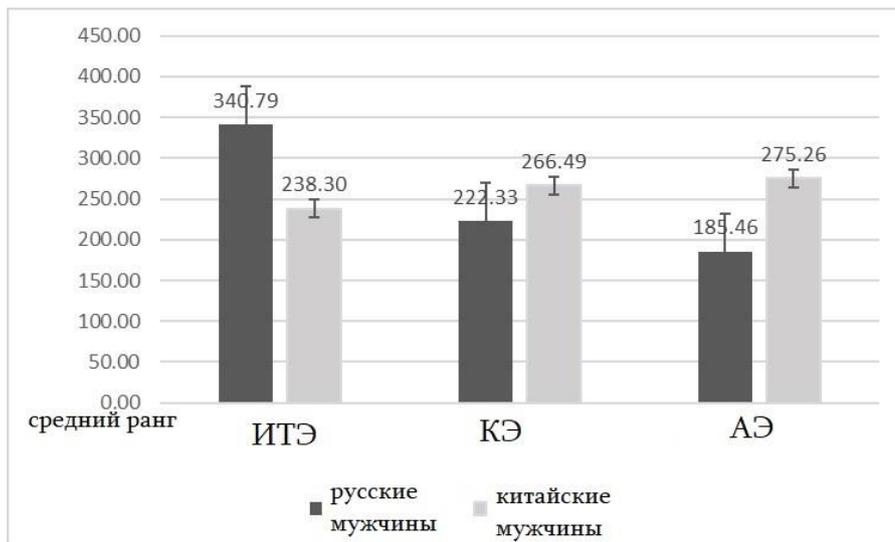

Рисунок 5 - Диаграмма различий между российскими и китайскими мужчинами по имплицитным теориям эмоций (ИТЭ), когнитивной эмпатии (КЭ) и аффективной эмпатии (АЭ).

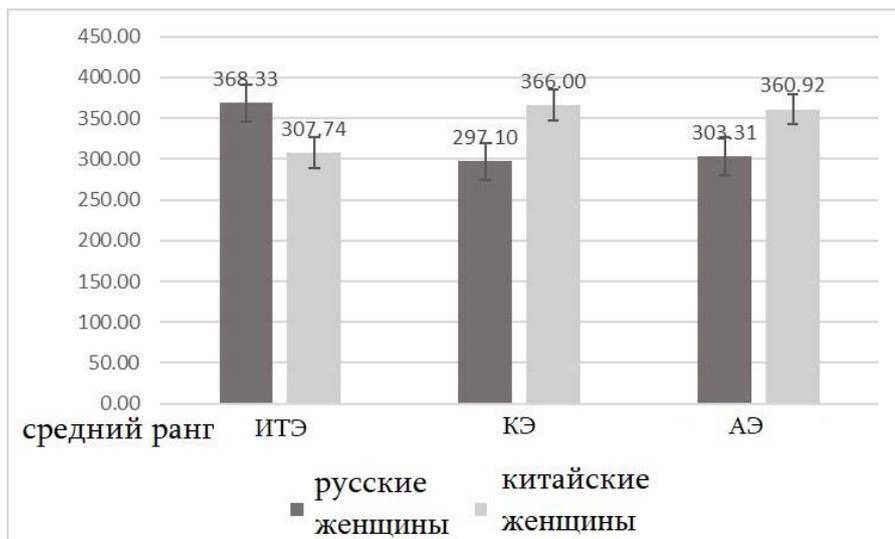

Рисунок 6 - Диаграмма различий между российскими и китайскими женщинами по имплицитным теориям эмоций (ИТЭ), когнитивной эмпатии (КЭ) и аффективной эмпатии (АЭ).

В российской выборке мы не установили статистически значимых различий между мужчинами и женщинами в ИТЭ, но обнаружили, что *когнитивная эмпатия* и *аффективная эмпатия* выше у российских женщин, чем у мужчин (при $p < 0.01$; рис. 7). В китайской выборке все исследуемые

переменные статистически значимо различались с устойчивым профилем более высоких значений у женщин (см. далее рис. 8; все $p < 0.001$).

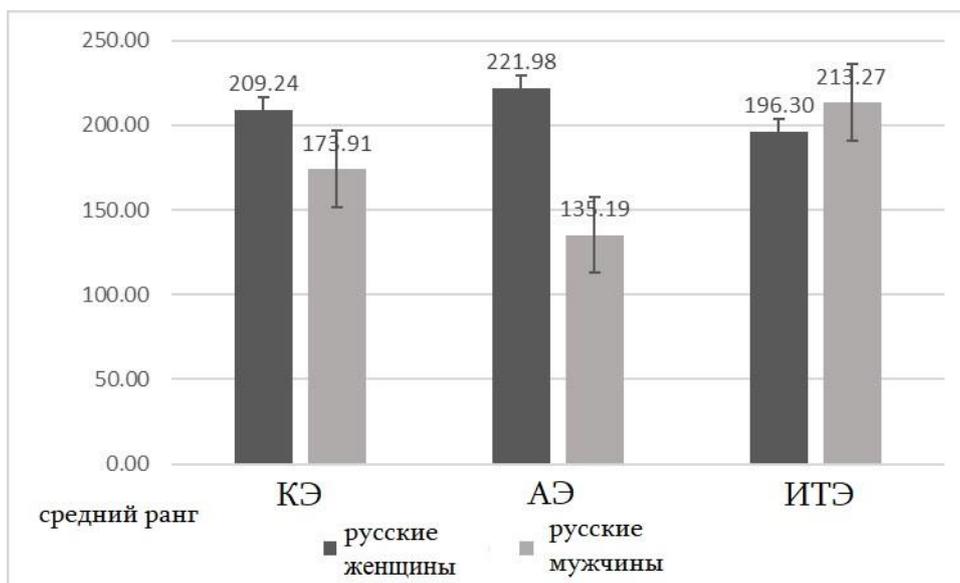

Рисунок 7 - Диаграмма различий между российскими женщинами и мужчинами по по имплицитным теориям эмоций (ИТЭ), когнитивной эмпатии (КЭ) и аффективной эмпатии (АЭ).

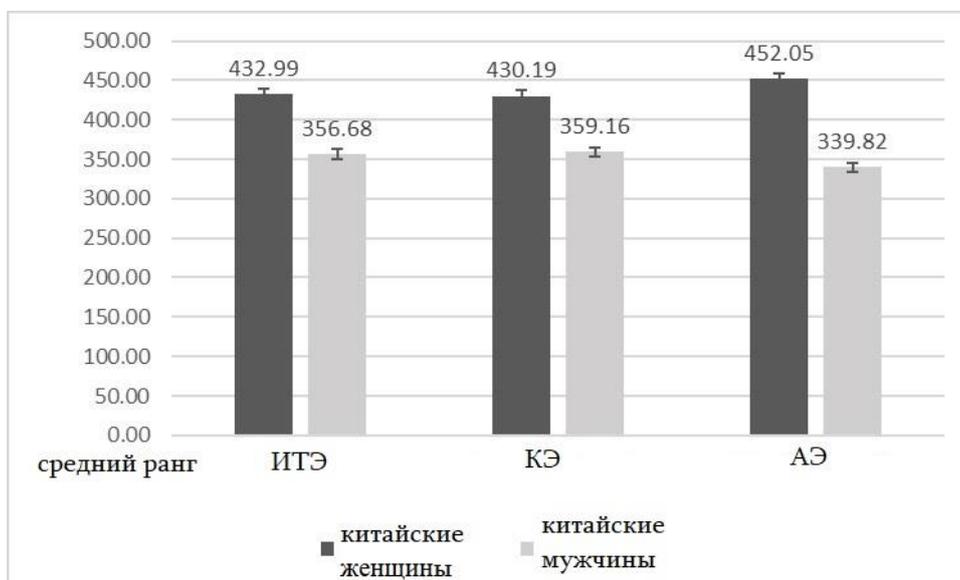

Рисунок 8 - Диаграмма различий между китайскими женщинами и мужчинами по имплицитным теориям эмоций (ИТЭ), когнитивной эмпатии (КЭ) и аффективной эмпатии (АЭ).

Мы обнаружили сходные закономерности различий между мужчинами и женщинами в обеих китайских выборках. Но далее мы не объединили их в одну выборку по следующим причинам. Во-первых, группы китайцев в Китае и китайцев в России отличались средними значениями по многим изучаемым переменным. Во-вторых, мы также поставили задачу проверить гипотезу 2 о посреднической роли социальных условий проживания человека в другой культуре, что могло отразиться на латентных профилях выборок. Последующий корреляционный анализ показал, что это было оправдано, поскольку были установлены различия между двумя китайскими выборками по связям имплицитных теорий эмоций (ИТЭ) с эмпатией.

Корреляционный анализ

Мы провели корреляционный анализ взаимосвязей между ИТЭ и эмпатией во всех трех выборках (см. Приложение 8) с использованием коэффициента корреляции Спирмена. Не установлено значимой связи между ИТЭ и эмпатией у российских участников и китайских, проживающих в России ($p > 0.05$). Однако у китайцев, проживающих в Китае, мы обнаружили положительную значимую связь между повышением инкрементальности ИТЭ и когнитивной эмпатией ($\rho = 0.212, p < 0.001$) и ее составляющими – децентрацией ($\rho = 0.150, p < 0.01$) и подстройкой ($\rho = 0.238, p < 0.001$).

Анализ латентных профилей

Для кросс-культурного сравнения латентных личностных профилей (метод LCA) мы использовали комбинацию указаний, предоставленных формализованным анализом индексов соответствия модели, и остановились на следующем наборе моделей. У российских участников, хотя показатели AIC, aBIC и энтропии предполагали выделение трех классов ($K=3$), модель с 2 классами ($K = 2$) была лучше согласована согласно формальному тесту LRT. У китайцев в России модель с двумя классами показала лучшее соответствие, чем решение с тремя классами по AIC, BIC, aBIC и LRT. Для китайцев в Китае,

несмотря на более высокие уровни энтропии в модели $K = 3$, AIC, BIC, индексы aBIC и LRT указали на $K = 2$ как на лучшее и более экономичное решение. Индексы сравнения моделей даны в таблице 6.

Таблица 6 - Сравнение индексов соответствия модели альтернативных решений LCA для трех выборок

Модель	AIC	BIC	a BIC	Entrop y	a LRT p
Российская выборка, 1 класс	2705.82	2725.78	2709.91	/	/
Российская выборка, 2 класса	2574.12	2618.03	2583.12	0.59	0.00
Российская выборка, 3 класса	2571.60	2639.46	2585.52	0.66	0.34
Российская выборка, 4 класса	2575.07	2666.88	2593.90	0.83	0.13
Китайцы в России, 1 класс	1993.78	2009.36	1996.67	/	/
Китайцы в России, 2 класса	1868.29	1903.34	1874.79	0.60	0.00
Китайцы в России, 3 класса	1871.13	1925.65	1881.23	0.60	0.14
Китайцы в России, 4 класса	1878.28	1952.27	1891.99	0.75	0.37
Китайцы в Китае, 1 класс	2326.75	2342.92	2330.23	/	/
Китайцы в Китае, 2 класса	2242.10	2278.49	2249.93	0.60	0.00
Китайцы в Китае, 3 класса	2246.75	2303.35	2258.92	0.65	0.19
Китайцы в Китае, 4 класса	2254.18	2330.99	2270.70	0.59	0.45

Российские участники

На рис. 9 представлены латентные профили для двух выделенных кластеров российских участников.

Латентный класс 1 ($n = 167$) – это российские участники с низкой вероятностью когнитивной, а также аффективной эмпатии; поэтому класс помечен как «Низкая эмпатия»; Класс 2 ($n = 233$) – это российские участники с умеренной вероятностью проявления когнитивной эмпатии и более высокой аффективной эмпатией; помечен как «Высокая эмпатия».

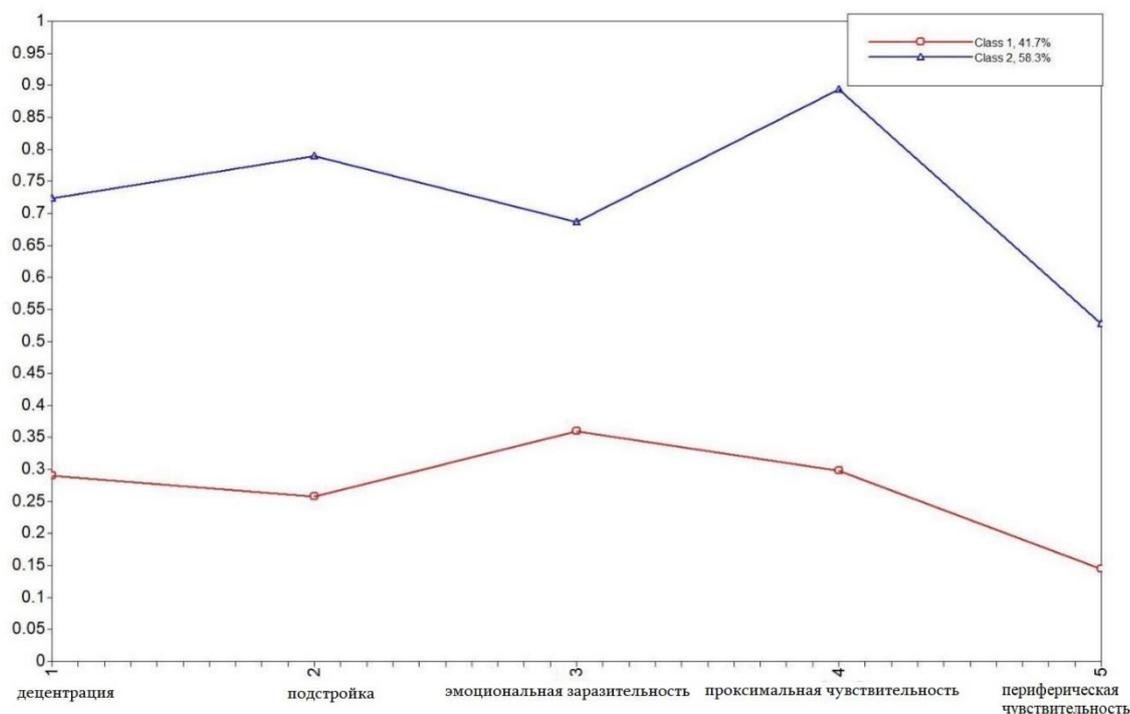

Рисунок 9 - График для двух-классного решения по пяти субшкалам эмпатии в российской выборке.

Используя U-критерий Манна–Уитни для сравнения латентных профилей по выделенным классам, мы установили достоверные различия ($p < 0.05$) по всем измеренным личностным показателям кроме эмоциональной заразительности ($p = 0.091$).

Китайские участники в России

На рис. 10 представлены латентные профили для двух выделенных кластеров китайских участников, проживающих в России. В этой выборке все изучаемые переменные проявили достоверные межклассовые различия ($p < 0.05$). Класс 1 ($n = 155$) характеризовался высокой вероятностью всех

составляющих эмпатии кроме периферической чувствительности и был обозначен как «Высокая эмпатия»; Класс 2 (n = 208) показал противоположную картину и был помечен как «Низкая эмпатия».

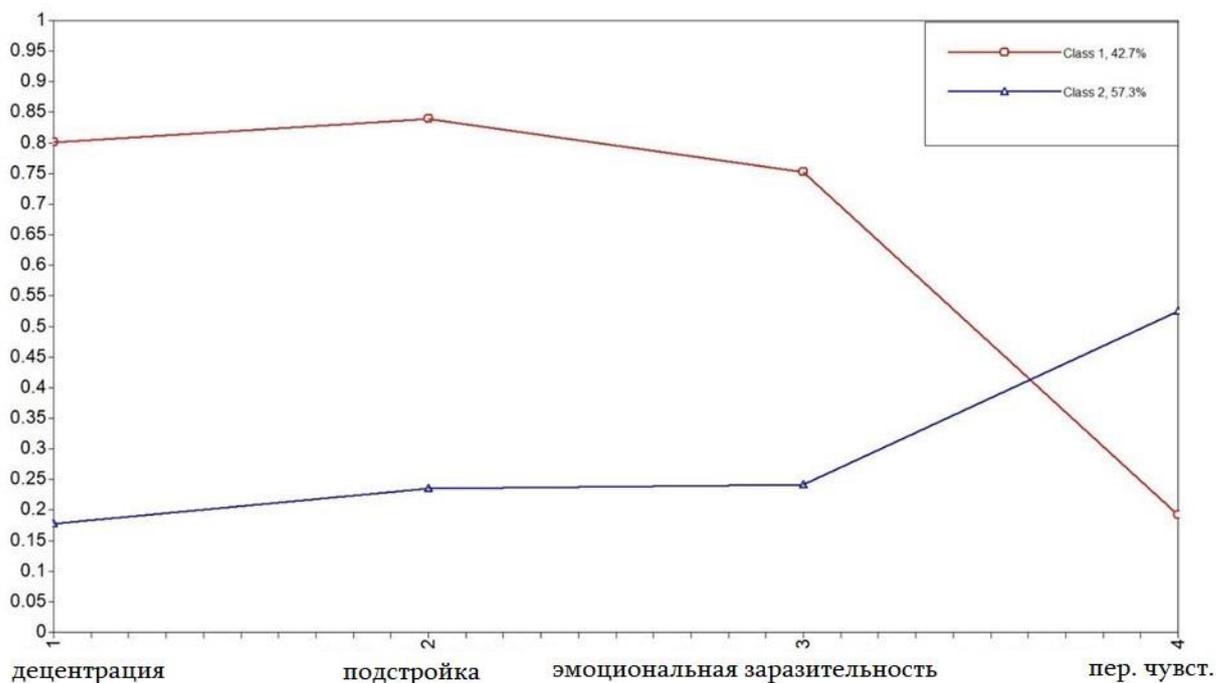

Рисунок 10 - График для двух-классного решения по четырем субшкалам эмпатии в выборке китайских участников в России.

Примечание: «пер.чувст.» обозначает периферическую чувствительность

Китайские участники в Китае

На рис. 11 представлены латентные профили для двух выделенных кластеров китайских участников, проживающих в континентальном Китае.

В этой группе мы установили достоверные ($p < 0.05$) различия между двумя классами по всем показателям, кроме периферической чувствительности. Как показано на рисунке 11, класс 1 (n = 216) характеризуется высокими показателями вероятности попадания участников в группу с высокими компонентами эмпатии, кроме периферической чувствительности; он помечен как «Высокая эмпатия». Класс 2 показал противоположную картину (n = 205) и был помечен как «Низкая эмпатия».

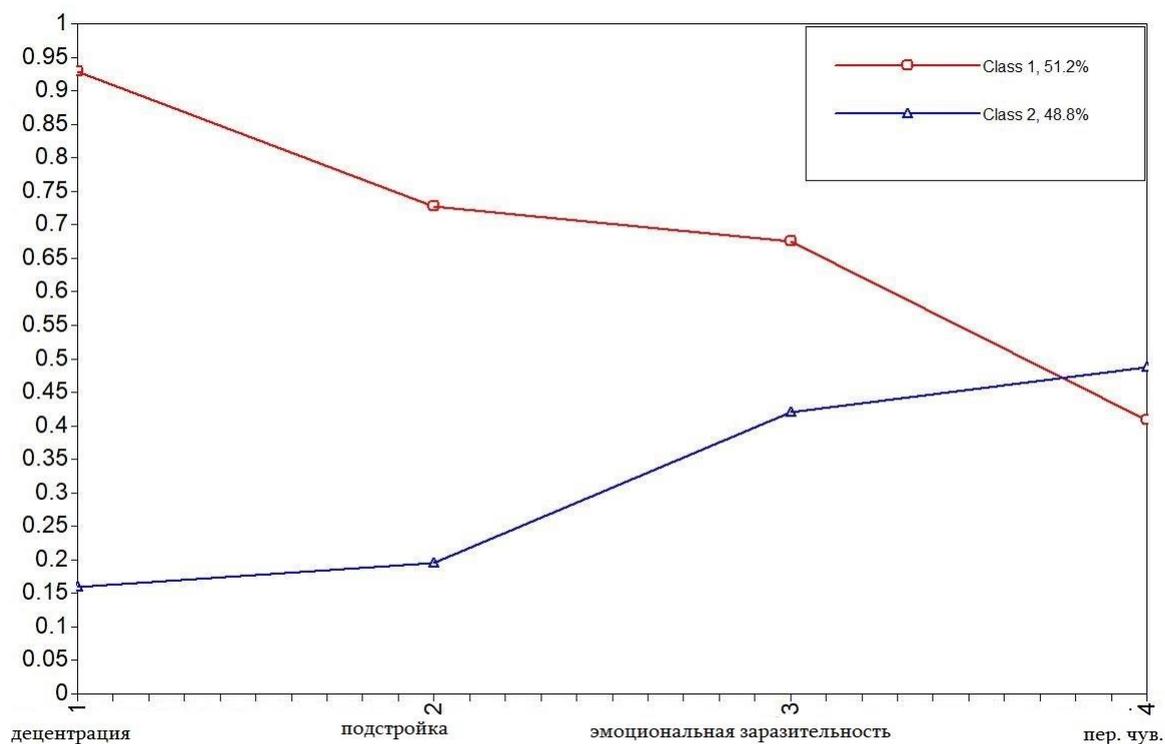

Рисунок 11 - График для двух-классного решения по четырем субшкалам эмпатии в китайской выборке в Китае.

Анализ латентных профилей – LCA – выявил схожую структуру связей переменных в двух выборках китайских участников (в России и в Китае) с разделением в основном по высоте когнитивной эмпатии. В этих выборках более высокая когнитивная эмпатия была связана с более низкой периферической чувствительностью. Однако это не относится к российским участникам (рис. 9), два класса которых различались существенно по всем показателям эмпатии.

Класс-специфический корреляционный анализ

У российских и китайских участников, проживающих в России, корреляционный анализ (с использованием рангового коэффициента Спирмена) не выявил значимых связей между ИТЭ и эмпатией ни в одном из латентных классов. У китайцев, проживающих в Китае, мы обнаружили, что в

обоих классах *ИТЭ* положительно коррелирует с *когнитивной эмпатией*: для класса «высокая эмпатия» ($\rho = 0.210, p < 0.01$) и для класса «низкая эмпатия» ($\rho = 0.158, p < 0.01$). Мы также обнаружили положительную корреляцию между ИТ и *подстройкой* как для класса 1 ($\rho = 0.255, p < 0.001$), так и для класса 2 ($\rho = 0.140, p < 0.05$).

Обсуждение результатов

Наше кросс-культурное исследование эмпатии установило, в соответствии с нашими первоначальными прогнозами, что у китайцев, проживавших в Китае, выше показатель по *когнитивной и аффективной эмпатии*, чем у россиян. Это позволяет принять гипотезу 1.

Напомним, что от азербайджанской выборки соответствующая российская не отличалась по *аффективной эмпатии* (Корнилова, Корнилов, 2021). Как и теперь китайская, тогда азербайджанская выборка проявила более высокую *когнитивную эмпатию*, но это не привело к дифференциации участников по латентным профилям (ведущим стало различие по свойствам Темной триады).

В целом наши результаты соответствуют данным работы, опирающейся на выборки из 63 стран (всего 104,365 испытуемых), где установлена положительная связь между показателями «коллективизма» и компонентом аффективной эмпатии (Chorik, O'Brien, Konrath, 2017). Мы предполагаем следующую интерпретацию: эмпатия (и когнитивный компонент, и аффективный компонент) формируется в культуре и во взаимодействиях с сообществом, в межличностном общении. Ядром традиционной китайской культуры является конфуцианская культура. Поскольку конфуцианство придает большое значение отношениям между людьми и с самим собой, оно большую роль отводит и передаче эмоций; поэтому эмпатия, как психологический феномен или психологическая способность, уже давно присутствует в конфуцианской теоретической системе, в которой важным является понятие «поставить себя на место других», или «поставить себя на их место» (Динг, Лу, 2016). Более того, конфуцианская культура подчеркивает,

что человек является частью семьи, частью общества, и выделяет ценность социальной гармонии. Так что в этом аспекте гипотетическое расстояние между людьми в китайском обществе меньше. Как и показано в работе В. Нурковой (Nourkova, 2020a), в российской выборке проявляется «автономия – отдельное Я», в китайской же выборке больше представлена «автономия» как «связанное Я». И китайские, и российские участники демонстрируют сильную тенденцию к автономии, однако в китайской выборке в самих воспоминаниях о детстве больше ссылок на других людей. Это также является отражением близости межличностной дистанции между китайцами по сравнению с россиянами. Таким образом, интерпретацию более высокой когнитивной эмпатии мы можем связывать именно с большей ориентированностью китайских участников на осознанный учет позиции Другого.

В отношении имплицитных теорий (ИТЭ) наши результаты предполагают принятие контр-гипотезы: *инкрементальные* теории эмоций более выражены и распространены у российских участников, чем у китайских. Можно предположить, что в китайской культуре особенно ценится когнитивный контроль над эмоциями. Однако по этой шкале россияне набрали значительно более высокие баллы. В то же время убеждения об управлении эмоциями в российской выборке не связаны с уровнями эмпатии, что позволяет предположить, что убеждения относительно своей способности контролировать эмоции недостаточно интегрированы в процессы эмпатии.

Гипотезу 2 – о промежуточном характере показателей в китайской выборке в России – мы отвергаем, поскольку эта выборка значимо отличалась более низкими выборочными средними от двух других групп. Но общая гипотеза о том, что социальное окружение влияет на уровни эмпатии, нами принимается – с указанной поправкой на иной характер изменений.

Сходные результаты сравнительно автономного функционирования эмпатии как переменной эмоционально-личностной сферы и имплицитных теорий (ИТЭ) как проявления глубинных («бытийных») слоев мировоззрения оказались характерными для китайцев, проживающих в России. Интересно, что две китайские группы продемонстрировали разделение по

периферической чувствительности, которая была неожиданно ниже в классах с «высокой эмпатией», что позволяет предположить, что это указывает на компенсацию по отношению к другим компонентам эмпатии.

Социальные условия временного проживания и адаптации китайцев в другой стране, по-видимому, частично регулируют уровень эмпатии: в другой стране китайцы снижают эмпатию. Китайцы в России демонстрируют и снижение воспринимаемого эмоционального контроля, в том числе характеризующегося более высокой аффективной эмпатией, что может свидетельствовать о большей податливости самосознания личности к текущим социокультурным влияниям.

Итак, эмпатия выше у китайцев в Китае. Различия в социокультурных условиях (жизнь в Китае или России) влияют на интеграцию представлений о контролируемости эмоций с эмпатией в общей эмоциональной регуляции. В этом отношении выборка китайцев в России была аналогична по связям с выборкой россиян.

Предыдущие исследования показали, что эмпатия связана с тенденцией ориентироваться на свою внутреннюю группу. Наше исследование показывает, что эмпатия динамична и восприимчива к сильным контекстуальным влияниям, которые сопоставляются с культурными различиями. Эти эффекты, вероятно, имеют множественную регуляцию с двунаправленными связями: наблюдаемое снижение эмпатии у китайцев, живущих в России, одновременно фиксирует экологический фактор постоянного взаимодействия с их знакомым, культурно сплоченным обществом и адаптацию к нахождению за границей в культуре чужой страны.

Этот вывод имеет важное практическое значение для нашего понимания процесса адаптации к иностранным культурам, особенно с учетом большого и растущего притока китайских студентов в российские университеты, что подчеркивает необходимость научно обоснованной социально-психологической поддержки по их адаптации.

Следует отметить, что подгруппы участников в российской и китайской выборках, с одной стороны, повторяли общие закономерности результатов по

выявлению латентных классов, с другой стороны, соотношение компонентов эмпатии имело особенность в китайских группах. В латентных профилях китайцев в Китае у группы «низкой эмпатии» была значительно выше периферическая чувствительность, чем в группе китайцев в России. Учет периферической чувствительности является наименее надежным и достоверным во всем опроснике. В обеих выделенных латентных классах у группы китайцев в Китае обнаружена положительная связь между ИТЭ и когнитивной эмпатией в то время как этой связи нет в российских группах.

Наш анализ поддерживает 3-ю гипотезу о том, что анализ латентных классов предоставляет новую и дополнительную информацию по сравнению с корреляционным анализом и анализом групповых различий в средних уровнях переменных. В частности, он демонстрирует более высокую интеграцию эмоционально-личностных свойств у китайцев по сравнению с российскими участниками.

Некоторые недавние исследования (например: Li et al, 2018) не выявили существенных различий в эмпатии между мужчинами и женщинами в китайских выборках. Эти результаты могут быть связаны с использованием определенной оценки – шкалы эмпатии Джефферсона (JSE), которая была разработана и предназначена для использования со студентами-медиками. Таким образом, шкала могла исказить представление области эмпатии, особенно с учетом широко признанных различий в эмпатии между представителями разных профессий (с высокой общей эмпатией у врачей). Однако в нашем исследовании установленная картина различий по полу согласуется с профилем результатов многих других исследований (Hoffman, 1996; O'brien et al., 2013; Singer et al., 2006; Hojat et al., 2002). Мы обнаружили, что в китайской выборке женщины по сравнению с мужчинами демонстрировали более высокий уровень аффективной и когнитивной эмпатии, а также принятие инкрементальных имплицитных теорий эмоций, основанных на вере в то, что эмоции можно изменять и контролировать.

Таким образом, имплицитные теории проявляют убеждения (mindset) относительно способности человека регулировать свои эмоции, что, в свою

очередь, имеет серьезные последствия для жизнедеятельности и поведения в ситуациях, вызывающих эмоциональные реакции. Мы продемонстрировали их интегрированность у китайцев в первую очередь с когнитивной эмпатией.

Выводы по исследованиям в главе 2

1. Установлены кросс-культурные различия между китайской и российской выборками: китайские участники демонстрировали более высокий уровень когнитивной и аффективной эмпатии и предпочитали константные имплицитные теории эмоций. Китайские участники в России проявили более низкую эмпатию по сравнению с китайцами, проживающими в Китае. Российские участники продемонстрировали самый высокий уровень принятия инкрементальных теорий, предполагая контролируемость эмоций.

2. Роль социального окружения важна для возникновения связи между имплицитными теориями эмоций и эмпатией. Ее не выявлено в выборке китайских участников в России. Возможный диссонанс определен большей дистанцией с окружающими людьми у китайцев за границей.

3. Различия по полу менее выражены в российской выборке по сравнению с китайской, что соответствует оценке китайского общества как более традиционного.

4. Анализ латентных классов позволил выявить различия в соотношении переменных, отображающие отличающиеся – у разных групп – типы психологической регуляции по составляющим эмпатии.

Глава 3. Эмпатия при личностном выборе в разных ситуациях

В предыдущей главе мы показали как сходство, так и различия в связях эмоционально-личностных свойств людей в различных культурных группах – России и Китая. Когда речь идёт о социокультурных факторах, влияющих на эмоциональную сферу личности, невозможно игнорировать различные изменения, вызванные драматическими социальными переменами, произошедшими в Китае за последние 30 лет. Набор психологических характеристик был резко изменен процессом модернизации в Китае. К ним относятся мотивационные, поведенческие и темпераментные изменения (Yang, Bond, 1996). Исследования обнаружили, что люди, которые поддерживали китайскую традиционную культуру, подчеркивали также приоритет семьи, отношения, авторитет и мужское доминирование, в то время как те, кто поддерживал современную китайскую культуру, придавали большее значение личным достижениям, автономии, эгалитаризму, утилитаризму, качеству жизни и гендерному равенству (Yang, Bond, 1996). Однако в последнем исследовании также показало, что молодые китайцы по-прежнему мысленно ассоциируют традиционную культуру с моральной ценностью межличностных обязательств (Hu et al., 2018). Как обсуждалось ранее (в разделе 1.2), эмпатия в определенной степени связана с моралью в контексте китайской культуры. Поэтому особенно важно изучить проявление роли эмпатии у китайцев в различных ситуациях.

В личностном выборе задействованы эмоционально-мотивационные факторы (Корнилова, 2016а, 2016б; Д. Леонтьев, 2014). Мы предположили, что среди них важное место должна занимать эмпатия. Однако возможна разная личностная включенность этого свойства в ситуациях выбора, предполагающих ориентацию на интересы другого человека. Личностный выбор есть в обычных житейских ситуациях взаимодействия между людьми,

где принимающий решение человек может проявить более рациональные или более эмоциональные составляющие регуляции принятия решения (Чумакова, 2010; Белоусова, Чжоу, 2023; Корнилова, 2016; и др.). Однако роль эмпатия при разных типах ситуации выбора мало изучена.

Мы поставили целью выявить регулятивную роль эмпатии и отношения к неопределенности в ситуациях, моделируемых на материале вербальных задач. Использование таких ситуаций хорошо зарекомендовало себя в исследованиях принятия решений и практического интеллекта, морального выбора и ориентировки на эмоции другого человека и т.д. (Корнилова, 2016; Павлова, 2015; Стернберг и др., 2002; Чумакова, 2010; и др.).

Мы выбрали для дальнейших исследований роль разных составляющих эмпатии в разрешении личностным выбором двух типов ситуаций неопределенности: ситуации неопределенности при угрозе здоровью (в условиях пандемии COVID–19) и обычные «жизненные» ситуации.

3.1. Постановка проблемы личностной регуляции принятия решений в условиях угрозы здоровью (при пандемии COVID–19)

Китайские психологи изучали динамические характеристики общественного восприятия риска и эмоционального выражения во время пандемии COVID -19 на Sina Weibo и обнаружили, что существует значимая связь между положительными эмоциями, негативными эмоциями и восприятием риска заражения (Li et al., 2023).

При сравнении российской и азербайджанской выборок по принятию решений о ношении маски эмпатия не выступила решающим фактором в определении латентных профилей (Корнилова, Корнилов, 2021), такая роль выявлена для черт Темной триады, означающих нестабильное эмоциональное ядро личности. На российской выборке показано, что психопатия была негативным предиктором ношения маски, в то время как нарциссизм был

позитивным предиктором (Zirenko et al., 2021). Американские исследователи выявили, что все черты авторитаризма и Темной триады – макиавеллизм, нарциссизм и психопатия – были отрицательно связаны с самоотчетом о ношении маски (Prichard, Turner, 2023).

Черты Темной триады были связаны с низким уровнем эмпатии даже при контроле общих вариаций между чертами (Jonason, Krause, 2013). Эмпатия выступила положительным предиктором ношения масок – наряду со свойствами Темной триады – для российских и азербайджанских участников (Zirenko et al., 2021). Однако не было до нашей работы другого исследования роли эмпатии при поведении в условиях медицинской угрозы при COVID -19.

Наши исследования роли эмпатия в выборе оснований принятия решений о ношении маски стало частью кросс-культурного исследования, в котором мы выполняли обследование китайской выборки (Корнилова и др., 2021; Zirenko et al., 2021) Выше мы показали различия в личностных профилях между российскими и китайскими участниками. Мы провели исследование на том же материале вербальных задач, что для российских выборок представлено в исследованиях Т. Корниловой с соавторами, разработавшей ситуации для анализа оснований решения надевать или не надевать маску на 1-м этапе развития пандемии, когда неизвестная медицинская угроза порождала много эмоциональных переживаний у людей (Zirenko et al., 2021).

Мы предположили, что роль эмпатии среди других психологических характеристик, возможно, изменена в современном Китае (в процессе его модернизации, усилившей ориентировку на индивидуалистические интересы). Кроме того, ситуации пандемии изменила отношения между людьми с точки зрения возможной угрозы здоровью и жизни. К различиям в отношении к традиционным китайским ценностям во взаимоотношениях между людьми добавился фактор медицинской угрозы. И мы решили исследовать, в какой степени эмпатия будет влиять на соотношение разных оснований принятия решений – эгоистических, автономии, или про-социальных, заботы о другом человеке, – а именно в регуляции выбора надеть маску или нет.

Китайская республика первой столкнулась с этой новой угрозой здоровью и жизни людей и ввела государственное регулирование контроля угроз заражения. Таким образом, с одной, стороны необходимость носить маску было социально заданной нормой в Китае. С другой стороны, возможно были различные личностные обоснования такого решения, среди которых в альтернативах в вербальных задачах выделялись: автономия, забота о своем здоровье (о себе), забота о здоровье других, законопослушность, стремление к риску.

3.2. Исследование 4: Кросс-культурное исследование роли эмпатии в ситуации возможной угрозы здоровью (в России и в Китае)

В условиях начала пандемии COVID-19 (первая волна – зима-весна 2020 г.) мы провели исследование на материале вербальных задач, которые моделировали ситуации неопределенности для принятия решений с указанными разными основаниями – заботы о других, права на автономные решения, законопослушность и т.д. Ношение маски выступило одной из многих мер социального (физического) дистанцирования. При этом изменение реальных условий жизни людей задавало новые условия неопределенности и риска для проявления индивидуальной регуляции принятия решений (ПР). Контроль личной безопасности от этой медицинской угрозы заражения COVID во многом зависит от собственных усилий человека по контролю степени неопределенности, и ПР о ношении маски может приниматься не только в силу обязательного следования нормативам поведения, но и по разным личным основаниям. Их мы и задавали в качестве вариантов принимаемых человеком мотивировок разных ответов при ПР «надевать» или «не надевать маску». Поскольку исследование проводилось в условиях реальной пандемии (ее первой волны, с некоторым отстоянием во времени начала ее в Китае и потом в России), мы получили возможность

«экологического» исследования аспектов индивидуальной регуляции ответов личности на вызовы со стороны неопределенности.

Выбирая схему кросс-культурного сравнения роли эмпатии и имплицитных теорий в ПР, мы пытались ответить и на такой общий вопрос: окажутся ли связи личностных свойств, проявляющих регулятивную роль при ПР, зависящими от фактора культурной принадлежности. Как мы сказали в 1-й главе, китайское общество характеризуется как более коллективистическое (по шкале индивидуализма-коллективизма), более связанное межличностными отношениями. Учитывая ключевую роль межличностных отношений в китайской культуре и описанные выше связи эмпатии с имплицитных теорий в китайской выборке, мы выдвинули следующие гипотезы.

Гипотезы:

1. В Китае как стране с более высоким коллективизмом по сравнению с Россией выбор о физическом дистанцировании, основанный на *заботе о других*, в условиях пандемии будет более частым, чем только забота *о себе*.

2. Личностные показатели когнитивной эмпатии и инкрементальных ИТ эмоций выступают положительными предикторами соблюдения физического дистанцирования.

Схема кросс-культурного исследования

В качестве *ситуаций неопределенности* мы применили разработанные 5 вербальных задач о физическом дистанцировании, в которых нужно принять решения о том, *надеть маску* (основания А1 и А2), носить ее в общественных местах, или *нет* (основания Б1 и Б2). Решением был выбор из четырех заданных оснований – почему выбрана та или иная альтернатива в каждой задаче (Корнилова и др., 2021). Примеры ситуаций даны в Приложении 6.

Российские участники получали методики на русском языке, а китайские – на китайском.

Участники. Всего в кросс-культурном исследовании приняли участие 725 человека. Участники-россияне в России: 308 человек 18 до 80 лет ($M=32.3$, $SD=11.71$), 80% женщин. Участники-китайцы: 417 человек 17 до 52 лет ($M=25.1$, $SD=7.16$), 59% женщин. Данные по российской выборке нам предоставили российские ученые (Т.В. Корнилова, М.С. Зиренко), а китайские участниками обследовались мною лично – Цюци Чжоу. Исследование проводилось онлайн (подбор участников по методике «снежного кома»): участники самостоятельно заходили на сайт, где они тестировались и принимали решения в вербальных задачах.

В Китае сбор данных проходил в апреле 2020 г., в России – в апреле-мае. В обеих странах в это время регламентировалось обязательное ношение маски в целях социального дистанцирования.

Экспериментальный материал вербальных задач

Согласно нашей квазиэкспериментальной схеме, все участники получили одну основную из четырех задач с разным обрамлением причин *за* и *против* ношения маски и еще вторую задачу, которая являлась контрольной для каждого участника (Приложение б).

В разных заданиях варьировались основания (причины) выбора того или иного решения. Для ошения *надену маску* в тексте вербальной задачи давались следующие основания: 1) забота о себе (не заразиться), 2) забота о других (не подвергнуть опасности других людей), 3) автономия (право каждого самостоятельно делать выбор и отвечать за себя), 4) законопослушность, 5) восприятие риска (маленький и большой риск). Причины отказа от ношения маски также варьировались в зависимости от задач: в задачах 1- 4 – автономия для себя в сравнении с другими, 2) *риск для себя* в сравнении с другими, 3) *недооценка риска* в сравнении с автономией в отношении других, 5) *автономия в отношении себя и недооценка риска*.

Психодиагностические методики

1. Опросник ИмPLICITНЫЕ теории эмоций (ИТЭ) – Implicit theories of emotions (Tamir et al., 2007). Общий показатель ИТЭ означает превалирование представления о возможности управления эмоциями. Показатель альфа Кронбаха составил: для России $\alpha = 0.692$, для Китая $\alpha = 0.629$.
2. Опросник когнитивной и аффективной эмпатии – Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy (QCAE) (Reniers. et al., 2011).

Описание данных по апробации этих методик на китайском языке даны в параграфах 2.3 и 2.5.

Результаты

Описательные статистики

Описательные статистики и значимость межгрупповых различий по критерию Манна-Уитни представлены в таблице 7.

Таблица 7 - Описательная статистика по личностным переменным

Переменные	Российские участники		Китайские участники		p
	M	SD	M	SD	
ИТЭ	3.5	0.87	3.43	0.72	$p > 0.05$
Когнитивная эмпатия	53.42	6.29	56.03	7.55	$p < 0.001$
Аффективная эмпатия	32.66	4.88	32.83	4.9	$p > 0.05$
Общая эмпатия	86.09	9.33	88.87	9.86	$p > 0.05$

Примечание: Жирным шрифтом выделено значимое различие.

Частоты выбора альтернативные предпочтения носить маску или оставаться без нее

В вербальных задачах 1, 2 и 3 в обеих странах выбор *ношения маски* по основанию *забота о себе* преобладал над *заботой о других*, но чаще в

китайской выборке (87.3% против 11.8% в Китае и 79.5% против 19.6% в России) по сравнению с российской ($\chi^2=62.488$, $p < 0.001$ для задания 1, $\chi^2=103.262$, $p < 0.001$ для задания 2, $\chi^2=44.377$, $p < 0.001$ для задания 3). Выбор *остаться без маски* был очень редким в китайской выборке (менее 1% в Заданиях 1–3), тогда как в российской выборке он был сделан чаще, и его обоснованиями были: из соображений *автономии для себя* над *автономией для других* в задании 1 (21.82%), восприятие *низкого риска* заразиться в задаче 2 (16%) и *недооценка риска* при принятии *автономии для других* («каждый отвечает за себя сам» в задаче 4 (4.48%). В Задаче 4 в качестве оснований (выбранных причин) ношения маски оценка *высокого риска* заражения и *законопослушность* почти с одинаковой частотой наблюдались в России (38.6% и 40.4%); в Китае в качестве основания *ношения маски* чаще выделялись: *оценка высокого риска*, чем *законопослушность* (71.6% против 28.4%). Решения *не надевать маску* среди россиян (15.8% против 5.3%) преобладало обоснование *автономии личного выбора*, даже если риск большой.

В Задаче 5 основание *законопослушность* превалировала над *риском заражения окружающих* во всех группах. Выбирая решение *не носить маску*, россияне чаще указывали *личную автономию* и проявляли *недооценку риска* (13.3% против 9.7%). Только 0.2% китайских участников в этой задаче приняли решение *не носить маску*.

Связи между эмоционально-личностными переменными

В таблице 8 представлены интеркорреляции между измеренными личностными свойствами на российской и китайской выборках. В китайской выборке выявлена положительная связь между *когнитивной эмпатией* и *имплицитными теориями контролируемости эмоций*. В российской выборке не выявлена связь между ИТЭ и эмпатией. Данный результаты совпадает с выводом сделанный в главе 2.7.

Таблица 8 - Связи личностных свойств для российской и китайской выборки (частные корреляции с поправками на пол и возраст)

Переменные	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. ИТЭ	1	0.09	0.21**	0.007	0.02	-0.07	0.16**	-0.02	0.11*
2. Децентрация	0.04	1	0.59**	0.15**	0.36**	-0.05	0.92**	0.19**	0.80**
3. Подстройка	0.003	0.31***	1	0.16**	0.29**	-0.04	0.86**	0.17**	0.75**
4. Эмоциональная заразительность	0.01	-0.1	0.12**	1	0.66**	0.27**	0.17**	0.85**	0.56**
5. Проксимальная чувствительность	-0.02	0.37***	0.28***	0.43***	1	0.16**	0.37**	0.78**	0.67**
6. Периферическая чувствительность	0.02	0.31***	0.29***	0.21***	0.44***	1	-0.05	0.65**	0.28**
7. Когнитивная эмпатия	0.03	0.86***	0.75***	0.01	0.41***	0.37***	1	0.20**	0.87**
8. Аффективная эмпатия	0.007	0.24***	0.30***	0.75***	0.81***	0.72***	0.33***	1	0.66**
9. Общая эмпатия	0.03	0.72***	0.68***	0.39***	0.71***	0.63***	0.87***	0.75***	1

Примечания: 1. Уровни значимости – * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$.
2. Выше диагонали даны китайские результаты, ниже – российские. 3. ИТЭ – общий показатель превалирования инкрементальной теории эмоций.

Личностные предикторы выбранных оснований носить маску

Используя смешанную логистическую регрессию, мы исследовали личностные переменные как предикторы предпочтения выбора «забота о других» по сравнению с контрольным уровнем «забота о себе» в задачах 1–3. Базовая модель включала в себя фиксированные эффекты *пола*, *возраста* и *группы* (российские – китайские участники). Все непрерывные предикторы были средне центрированы (возраст) или масштабированы так, чтобы $M = 0$, $SD = 1$. Эффекты *задачи* моделировались как случайные эффекты. Анализ был сосредоточен на установлении основных эффектов личностных переменных на выбор, а также эффекта взаимодействия между личностными переменными

и группой, который отражал бы модерацию связи, обусловленную спецификой групповых характеристик.

Мы обнаружили, что несколько переменных положительно предсказывали вероятность выбора «забота о других»: используя российскую выборку в качестве исходной, мы установили, что этот выбор положительно предсказывался превалированием инкрементальных *имплицитных теорий эмоций* – по опроснику ИТЭ ($B = 0.30$, $SE = 0.15$, $Z = 2.06$, $p < 0.05$), субшкалами когнитивной эмпатии – *децентрацией* ($B = 0.57$, $SE = 0.17$, $Z = 3.32$, $p < 0.001$) и *подстройки* ($B = 0.44$, $SE = 0.17$, $Z = 2.60$, $p < 0.01$), соответственно суммарным показателем *когнитивной эмпатии* ($B = 0.62$, $SE = 0.18$, $Z = 3.53$, $p < 0.001$) и показателем *общей эмпатии* ($B = 0.46$, $SE = 0.16$, $Z = 2.88$, $p < 0.001$).

Примечательно, что для двух из этих переменных мы установили значительную взаимосвязь с *принадлежностью к выборке*: для *когнитивной эмпатии* и *децентрации*, двух самых сильных предикторов выбора, эффекты были значительно меньше в китайской выборке (для взаимодействия $B = -0.46$, $SE = 0.22$, $Z = -2.10$, $p < 0.05$ для *когнитивной эмпатии* и $B = -0.45$, $SE = 0.22$, $Z = -2.07$, $p < 0.05$ для *децентрации*). Никакие другие основные условия или условия взаимодействия не достигли номинального значения.

Обсуждение результатов

Китайская выборка характеризовалась более высокой *когнитивной эмпатией*, но выборки не различались по *аффективной эмпатии*.

Выбор *надеть (носить) маску* чаще всего был сделан из соображений «заботы о себе» в обеих странах. Но при сравнении групп следует отметить, что это основание (выбранная причина) преобладало в большей степени среди китайских участников, в меньшей степени – среди россиян. У россиян, как у представителей предположительно более индивидуалистической культуры, можно было бы предполагать обратное – более частый выбор «заботы о себе». Фактор предположительно более высокого коллективизма и более близкая

межличностная дистанция в китайской культуре не привел к перевесу в китайских выборках «заботы о других» над «заботой о себе». Эти полученные данные позволяют отвергнуть нашу гипотезу 1. Это означает, что фактор культуры не перевешивает фактор индивидуальных различий в принятии решений и физическом дистанцировании в ситуациях медицинской неопределенности (угрозы здоровью). Социально-психологическая шкала «индивидуализм-коллективизм» не определила соответствующее ей превалирование в соотношении оснований ПР «заботы о себе» и «заботы о других».

Поскольку крайне низкий процент китайских участников предпочел альтернативу «не надену маску», мы не смогли определить предикторы этого выбора. При этом китайцы больше доверяют медиа о том, что они могут быть инфицированы и не знать об этом. Хотя было показано, что по сравнению с высокой связью между страхом и превентивным поведением по отношению к COVID-19 при низком уровне доверия к правительству, при высоком уровне доверия к правительству наблюдается более тесная связь между эмпатической про-социальной заботой и превентивным поведением по отношению к COVID-19 (Karakulak et al., 2023). Люди с высокой степенью эмпатии обычно проявляют более сильное чувство сообщества и гражданскую активность, поэтому они склонны взять на себя ответственность за благополучие сообщества (Ingoglia et al., 2022) и более чувствительно и благосклонно реагировать на вопросы, связанные с защитой здоровья граждан (независимо от того, находятся ли они в контексте, где доверие к правительству обычно низкое или высокое).

В российской выборке эмпатия выступила предиктором решений «надену маску» – при указанном в результатах разнообразии оснований для выборов альтернатив для решений «надеть маску» или «не надевать маску». Этот результат частично подтверждается данными из исследования, проведенного в США, Великобритании и Германии (Pfattheicher et al., 2020). В этом исследовании было обнаружено, что простого осознания серьезности

ситуации с COVID-19 и эффективности масок недостаточно. Только когда у людей высокий уровень аффективной эмпатии, у них повышается мотивация к ношению масок (Pfattheicher et al., 2020). Однако российский опыт показал, что не только аффективная, но и когнитивная эмпатия играет важную роль в процессе принятия решений о ношении масок. Это представляет интерес для дальнейшего изучения влияния различных видов эмпатии на поведение людей в условиях пандемии.

Хотя для китайской выборки нормативная регламентация поведения *надеть маску* сделала практически невозможным выявление личностной регуляции выбора *не надеть*, мы обнаружили кросс-культурные различия в частотах предпочтения разных оснований таких выборов. Важно, что выраженность измеренного личностного свойства не определяла, в какой степени оно вносит вклад в ПР. Так, более высокая *когнитивная эмпатия* была в китайской выборке, но ее эффект – при регрессионном анализе – был меньшим для выбора про-социальных оснований решений (по сравнению с российской выборкой). Таким образом, в целом мы принимаем *гипотезу 2* – о регуляции ПР со стороны этих личностных переменных, но указываем ее уточнение.

Полученные данные некоторым образом противоречат идее о том, что в культурах, где высока ценность отношений между людьми (что предположительно представлено в коллективистической культуре Китая), про-социальное поведение направляется межличностными обязательствами (с чем можно соотнести заботу о других), а в индивидуалистических культурах – личным выбором и автономностью (Köster et al., 2015). В предположительно более индивидуалистической культуре России, напротив, разрыв между ориентацией на «заботу о себе» и «заботу о других» был меньшим, чем в Китае. Таким образом, необходимо более дифференцированное представление эффектов этих переменных, поскольку они могут вступать в противоречие с ожидаемой направленностью выборов.

Тот факт, что *аффективная эмпатия* не выступала предиктором оснований ПР у китайских участников, позволяет нам предположить

следующее. В выборе между «заботой о себе» и «заботой о других» у китайских участников в про-социальную ориентацию, учет интересов другого человека (в случае угрозы здоровью) в меньшей степени включается аффективный компонент. Как показано Дж. Грином и соавторами (Greene et al., 2001), при ПР в ситуации, включающей личные интересы, больший упор делается на когнитивный компонент и меньший на аффективный компонент. В нашем случае ПР в ситуации, связанной с угрозой здоровью, люди активнее полагаются на когнитивные ресурсы. Более высоким показателем *когнитивной эмпатии* у китайцев – по сравнению с россиянами – сопутствовало и предпочтение «заботы о себе» (по сравнению с заботой о других).

В совокупности эти данные ставят под сомнение перенос социальных индексов (индивидуализма – коллективизма культур) на индивидуальную личностную регуляцию принятия решений о про-социальном поведении. Они также возвращают к дискуссии о составляющих эмпатии (Корнилова, 2022а, 2022б; Нуркова, 2020а, 2020б) и ее культурной детерминации, но в новом аспекте – разных связей различающихся эмпатийных процессов с регулятивными системами ПР.

ИмPLICITные теории не выступили предикторами решений о ношении масок ни в российской, ни в китайской выборках. Однако инкрементальные ИТ эмоций и когнитивная эмпатия предсказывают предпочтение личностных оснований ПР в ситуациях медицинской угрозы - «заботу о других» (как причину физического дистанцирования). Таким образом, мы можем говорить об опосредствованном влиянии на личностный про-социальный выбор и уровня имPLICITных теорий, и уровня более осознанных когнитивных проявлений ориентировки на другого человека, стоящих за когнитивной эмпатией. Это соответствует и предположению о множественных процессах в динамических регулятивных системах ПР (Корнилова, 2022а, 2022б), и предположению о специфике механизмов эмпатии на уровне эмпатии-моделирования (более культурно-исторически детерминированной).

Выводы

1. Фактор более высокого коллективизма в китайской культуре не привел к перевесу в китайских выборках «заботы о других» над «заботой о себе». Китайские и российские участники при выборе надевать маску в ситуации медицинской угрозы руководствовались в основном «заботой о себе» – это обоснование превалировало среди китайцев и затем у россиян. Таким образом, принятые социальные представления о *коллективизме-индивидуализме* как характеристиках культур нельзя считать определяющими в регуляции личностных оснований ПР.

2. *Инкрементальные имплицитные теории эмоций* и *когнитивная эмпатия* предсказывали при выборе личностных оснований решений в российской выборке в ситуациях медицинской угрозы «заботу о других» (как причину физического дистанцирования), т.е. эти компоненты эмоционально-личностной регуляции играют важную роль в про-социальной направленности решений, затрагивающих интересы и благополучие других людей.

3.3 Исследование 5: Эмпатия при личностном выборе в житейских ситуациях

В предыдущем исследовании не была установлена регулятивная роль эмпатии в про-социальном поведении (ношении маски) на китайской выборке в фоне пандемии из-за нормативного регулирования социумом. Полученные данные о большей ориентации китайских участников на *заботу о себе* касались ПР в ситуации медицинской угрозы, что могло проявить (обострить) эгоистическую направленность в личностных основаниях выборов. Теперь мы поставили вопрос о том, какую роль выполняет эмпатия в китайских выборках при ПР в обычных житейских ситуациях, которые не включают скрытых

медицинских угроз и отражают повседневные межличностные взаимоотношения людей.

Принятие решений — это самоорганизующийся процесс, в котором эмоции играют важную роль (Lauscraft, 2019; Корнилова, 2016). Принятие решения относят к «горячим» процессам, но и к «холодным» (например, использования знаний), поскольку личность в ситуации выбора и осознает, и переживает свой выбор. В становлении личностного выбора человека всегда представлено взаимодействие когнитивных и личностных «регуляторов» (цит по: Корнилова, 2016, с. 11). Согласно положению о возможности выхода на верхние уровни иерархии разных включенных в ПР процессов – волевых, эмоциональных, интеллектуальных и т.д. (Корнилова, Тихомиров, 1990), динамические регулятивные системы (ДРС) могут быть разными для разных типов ситуаций и решений в них. Это касается и возможного изменения иерархического соподчинения эмпатийных процессов в целостной личностной регуляции выборов. Но идея динамических регулятивных систем (ДРС) может быть применена и к самой эмпатии, если рассматривать ее разную процессуальную обусловленность (Корнилова, 2022а; Нуркова, 2020а).

Наличие или отсутствие эгоцентрической позиции может влиять на про-социальное поведение при принятии решений через эмоциональные, а также когнитивные пути. Высокий уровень эмпатии, направленной на других, побуждает к про-социальному «моральному мышлению» и, следовательно, про-социальному поведению, в то время как личностная направленность на свои интересы, влияет на про-социальное поведение в обратном направлении – через моральное отстранение на когнитивном уровне (Paciello et al., 2013). Более того, ориентируется или нет человек на эмоциональный контекст ситуации – это одно из возможных проявлений эмпатии. Т.В Корниловой и Е.М. Павловой были разработаны вербальные задачи (Павлова, Корнилова, 2012), в которых испытуемых просили принимать решения относительно различных межличностных отношений (семья, друзья, незнакомцы) в житейских ситуациях. Это позволяло определить предпочтения человеком ПР,

в которых доминирует учет эмоций, или решения, в которых доминирует рациональные основания ПР («рациональное» мышление).

В дальнейшем нашем исследовании ПР в житейских ситуациях мы предполагали двух-процессорную схему личностной регуляции выбора со стороны двух факторов, где в качестве первого выступает ориентировка на эмоции (предпочтения «эмоциональный – рациональный»), а в качестве второго - ориентировка на собственные представления, нормы и предпочтение действий в собственных интересах или же ориентировка на другого человека («эгоцентрический – про-социальный» выбор).

Эмпатия – психологический конструкт, тесно связанный с эмоциональным интеллектом, поскольку понимание и регулирование эмоций необходимы для достижения эмпатии (Гоулмен, 2013; Sa et al., 2019). А. Авсек (Avsec, 2012) показал, что более высокий эмоциональный интеллект (ЭИ) связан с более частым использованием рационального и интуитивного стилей принятия решений (доминирует рациональное мышление), а более низкий ЭИ связан с избегающим, зависимым и спонтанным стилями (доминируют эмоции). Более дифференцированные связи стилей ПР (рационально-аналитического и интуитивного, согласно концепции С. Эпстайна) с ЭИ продемонстрировала на примере игровых стратегий А.Ю. Разваляева (2021). Но использованный экспериментальный материал не включал фактора межличностных отношений. Для установления роли эмпатии в межличностных отношениях более адекватен материал вербальных задач, моделирующих возможности выбора в житейских ситуациях, включающих «других», и оценки его направленности.

Мы предположили, что чем выше когнитивная эмпатия, тем китайские участники чаще будут принимать решения, которые отражают рациональную направленность предпочтения альтернатив. Это гипотеза 1 излагаемого ниже исследования.

Роль эмпатии в про-социальном поведении хорошо изучена, в житейских ситуациях взаимосвязь между эмпатией и про-социальным

поведением многократно демонстрировалось (Eisenberg, Miller, 1987; Decety et al., 2016; Eisenberg, Fabes, 1991; Lockwood, Seara-Cardoso, Viding, 2014). Аргумент о том, что эмпатия является важным источником мотивации для про-социального поведения, подтверждается результатами многих исследований. С. Бэтсон (Batson, 1987) первым предложил гипотезу эмпатии-альтруизма, которая предполагает, что, когда другой человек находится в бедственном положении, у стороннего наблюдателя возникает эмпатия как эмоция сочувствия, направленная на реципиента. Чем выше интенсивность этих эмоций, тем сильнее альтруистическая мотивация облегчить участь других и тем вероятнее, что человек будет действовать, чтобы помочь. Это проявляет роль более «непосредственных» аффективных процессов в регуляции самой эмпатии, что может быть соотнесено с эмпатией-отождествлением (Нуркова, 2020а).

Эмпатия на уровне высоко опосредствованных процессов (регуляция отношения к другому человеку принятыми нормами и личностными ценностями) выступила значимым предиктором принятия морально-этических решений (даже при контроле возраста, пола и среднего балла успеваемости студентов: Brown et al., 2010). А. Ветлесен (Vetlesen, 2012) указал, что наличие эмпатии повышает моральное осознание этической ситуации что приводит к большему осознанию более широких этических последствий и влияния на ПР других людей. С позиций М. Дэвиса (Davis, 1980), эмпатическая забота и личный дистресс как компоненты эмпатии отражают соотношения между эмпатией и про-социальным поведением. Выявлено что эмпатическая забота обычно способствует про-социальному поведению, но личный дистресс часто препятствует такому поведению, что возможно определяется само-ориентированной тревогой, вызванной страданиями других людей (Eisenberg, 2000). У лиц с низким уровнем про-социальной мотивации, когда субъективные «затраты» на помощь другим высоки, попытки вызвать эмпатию ситуативно могут подорвать про-социальное поведение (Graziano et al., 2007).

Мы предположили, что, в житейских ситуациях, где не сильно затронуты личные интересы аффективная эмпатия может выступать предиктором предпочтения про-социальной направленности при принятии решений (гипотеза 2).

Моральный выбор связан не только с предпочтениями в системах личностных ценностей, но и с активностью, отражаемой процессами принятия неопределенности (Корнилова, 2016). Когда человек принимает решение, принятие и преодоление неопределенности становятся основными характеристиками, потому что ДРС (динамические регулятивные системы) переструктурируются в опосредствующих их процессах, корректируют в соответствии с тем, как развиваются события. Было показано толерантность к неопределенности положительно коррелирует с межличностным эмоциональным интеллектом, который включает в себя понимание эмоций других людей; при положительном отношении к неопределенности человек лучше понимает на эмоции других людей. Таким образом, вслед за Т.В. Корниловой мы рассматриваем толерантность к неопределенности в качестве предпосылки субъективно переживаемой «работы по примериванию» заданных моральных норм к личностному Я» (цит. по: Корнилова, 2016, с. 288).

Таким образом, мы формулируем *гипотезу 3: предполагается положительная связь между толерантностью к неопределенности (ТН) и аффективной эмпатией, а положительное отношение к неопределенности будет способствовать предпочтению (а) рациональных оснований выбора и (б) про-социального поведения.*

Цель исследования: определить роль эмпатии и толерантности к неопределенности в предпочтении эмоциональных или рациональных оснований выбора и про-социальной направленности (в противовес эгоистической) на материале вербальных задач.

Метод

Участники. В этом исследовании приняли участие 44 китайских студента, обучающиеся во Франции ($M=24.7$, $SD=3.45$), из них 5 мужчин и 39 женщин.

Выбор участников был обусловлен, во-первых, их доступностью нам для очного проведения методик при непосредственном общении (в небольшом городе во Франции); во-вторых, тем, что как мы показали выше при сравнении латентных профилей, живущие за границей китайцы (в основном учащиеся) одновременно и имеют более инкрементальные теории эмоций, и находятся в условиях большей неопределенности, чем китайцы в континентальном Китае. Это позволяло нам предполагать их большую личностную включенность в разрешение житейских ситуаций выбора.

Схема исследования. Приводимое ниже исследование стало частью кросс-культурного сравнения связей личностных профилей и предпочитаемых оснований личностных выборов в житейских ситуациях в двух выборках – китайской и российской. Данные по российской выборке одновременно собрала в Москве А. Белоусова (Белоусова, Чжоу, 2023).

Участникам индивидуально предлагались *вербальные задачи* с альтернативами, где им нужно было оценить эмоциональную удовлетворенность при выборе каждой из альтернатив (см. Приложение 7). Далее участники заполняли два опросника: шкалу толерантности к неопределенности С. Баднера, опросник Когнитивной и Аффективной эмпатии – QCAE; они не были ограничены по времени. Перед этим участникам обозначались инструкции к методикам, а также основные моменты, необходимые для верного выполнения заданий.

Методика вербальных задач. Для моделирования ситуаций выбора были разработаны вербальные задачи, построенные по типу моральных дилемм (4 вербальные задачи). Подробнее они представлены в Таблице 9 (см. Приложение 7). В каждой моральной дилемме предлагалось четыре варианта

выбора, из которых участник выбирал одно решение. Кроме того, участникам предлагалось оценить каждый из четырех вариантов в каждой ситуации: оценить свою эмоциональную удовлетворенность в случае принятия такой альтернативы от 1 (крайне неудовлетворительно) до 7 (крайне удовлетворительно) в каждом варианте выбора. 4 альтернативы строились сочетанием по 2 контекстам: эмоциональные и рациональные основания выбора, эгоцентрическая позиция или про-социальная направленность выбора (Таблица 9).

Например, в Ситуации 1 – Задача 1 (когда оскорбляют или осуждают другого человека, который симпатичен) варианты 2 (Промолчу, потому что не хочу быть отвергнутым компанией) и 4 (Вступлюсь, даже если мое мнение расходится с мнением большинства, потому что этот человек мне приятен) считаются более ориентированными на эмоциональные основания выбора. Оценки каждого участника в Вариантах 2 и 4 суммируются, чтобы получить баллы, отражающие выбор, сделанный каждым участником на основе эмоциональных аспектов в первой ситуации.

Опросник Когнитивной и Аффективной эмпатии – QCAE – описан ранее в параграфе 2.3 и Шкала толерантности к неопределённости С. Баднера – в параграфе 2.4.

Таблица 9 - Типы альтернатив при выборе в вербальных задачах

	«Эмоциональные основания», альтернативы	«Рациональные основания», альтернативы	«Эгоцентрическая позиция», альтернативы	Просоциальное поведение, альтернативы
Задача 1 (когда оскорбляют или осуждают другого человека, который симпатичен)	2 (Промолчу, потому что не хочу быть отвергнутым компанией),	1 (Промолчу, каждый должен отстаивать себя сам),	1 и 2 (промолчать)	3 и 4 (вступиться)
	4 (Вступлюсь, даже если мое мнение расходится с мнением большинства, потому что этот человек мне приятен)	3 (Вступлюсь, даже если мое мнение расходится с мнением большинства, потому что есть правило «защищать слабых»)		
Задача 2 (близкий друг рассказывает человеку про конфликтную ситуацию, где друг был виновником конфликта)	1 (Поддержу и не выскажу свое мнение, чтобы он не обижался)	3 (Выскажу свое мнение, поскольку это будет честно с моей стороны).	/	/

		2 (Поддержу и не выскажу свое мнение, чтобы не потерять дружбу с ним).	4 (Выскажу свое мнение, потому что возможно в дальнейшем это принесет пользу другу).		
Задача 3 (начальник дает задание, которое не входит в служебные обязанности, но которое человек в силах выполнить, при невыполнении угрожают снижением заработной платы)		1 (Соглашусь, чтобы избежать конфликта с начальником и потерю в зарплате),	2 (Соглашусь, чтобы избежать конфликта и потерю в зарплате, но сделаю работу не очень качественно).	/	/
		4 (Откажусь, даже если придется уволиться, поскольку считаю, что, угрожая, начальник проявляет неуважение ко мне).	3 (Откажусь, ссылаясь на трудовой договор, где прописаны мои права и обязанности).		
Задача 4 (в метро пожилая женщина обругала человека, неприятно высказалась о его внешнем виде. Герой видит, что ей		2 (Пройду мимо, поскольку поведение женщины	1 (Пройду мимо, потому что тороплюсь и занят своими делами.)	1 и 2 (не помочь)	3 и 4 (помочь)

тяжело поднимать свою сумку-тележку по лестнице)	неприятно и ей не хочется помогать),	3 (Помогу, потому что следую правилу: «нужно помогать старшим»).		
	4 (Помогу, поскольку несмотря на ее слова, уважаю ее и считаю нужным помочь ей).			

Обработка данных

В данном исследовании мы использовали IBM SPSS Statistics 23 for windows провели анализ по критериям Манна-Уитни и знаковых рангов Вилкоксона, регрессионный анализ. Используя Muthén, Muthén Mplus v. 8.6.; протестировали модель со стандартизированными оценками опыта в качестве индикаторов (предикторов).

Применялись Байесовский информационный критерий (BIC), информационный критерий Акаике (AIC), BIC скорректированный по выборке (aBIC). Чем меньше значение этих трех показателей, тем лучше соответствие данных модели. Кроме того, оценивалась Энтропия, которая измеряется по шкале 0–1, причем значение 1 означает, что участники идеально классифицированы по латентным классам. р-значение для скорректированного отношения правдоподобия Ло-Менделла-Рубина (также называем test – aLRT) (отсечение на уровне 0,05; LMR) (Asparouhov, Muthén, 2012), предназначенное для предоставления формальных доказательств предпочтения моделей классов К по сравнению с моделями классов К-1.

Результаты

Описательные статистики по выборам «эгоцентрический – про-социальный» и «эмоциональный – рациональный»

Как было упомянуто ранее, определялись оценки каждого испытуемого по альтернативам с эмоциональным и рациональным основаниям выбора. На основе этих оценок мы применили критерий знаковых рангов Вилкоксона, так как выборки были небольшого размера ($n < 50$). Он показал значимо большее предпочтение *про-социального выбора* (Табл. 10), но не выявлено значимых предпочтений по критерию *эмоционального-рационального* выборов (Табл. 11).

Таблица 10 - Показатели применения критерия Вилкоксона при сравнении эгоцентрического и про-социального выбора

	Средний ранг	Z	p
Эгоцентрический выбор	16.42	-3.29	0.001
Про-социальный выбор	25.02		

Таблица 11. Показатели применения критерия Вилкоксона при сравнении эмоционального – рационального выбора

	Средний ранг	Z	p
Эмоциональный выбор	17.57	1.40	0.16
Рациональный выбор	19.09		

Латентные профили китайских участников во Франции

Таблица 12. Индексы соответствия модели для альтернативных решений по анализу латентных профилей (LCA)

модель	AIC	BIC	aBIC	entropy	aLRT p
Класс1	187.53	192.88	183.48	\	\
класс2	190.63	203.12	181.18	1	0

В таблице 12 представлены результаты сравнения индексов соответствия модели для альтернативных решений ЛПА для китайской выборки, хотя индекс AIC, BIC, aBIC показали, что модель для китайской выборки с одним классом лучше, entropy и тест aLRT свидетельствуют, что лучше установить модель с двумя классом.

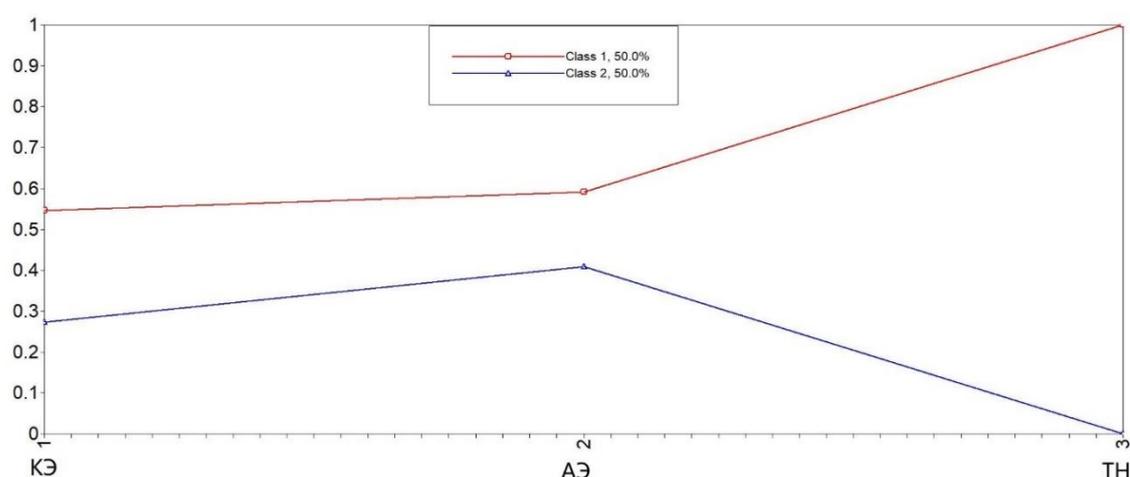

Рисунок 12 - График для шкал когнитивной эмпатии (КЭ), аффективной эмпатии (АЭ) и толерантности к неопределенности (ТН) при двух-классном решении в китайской выборке.

Как показано на Рис. 12, в китайской выборке выделено 2 класса профилей, которые сильно отличаются по ТН. Первый класс (n = 22) характеризуется относительно высокой когнитивной эмпатией и аффективной эмпатией при высокой ТН и поэтому был помечен как «высокая ТН». Второй

класс (n = 22), напротив, отличается сниженной ТН и был помечен как «низкая ТН».

Аналогично мы представили на Рис.13 латентные профили китайских участников во Франции по отдельным шкалам эмпатии (по QCAE).

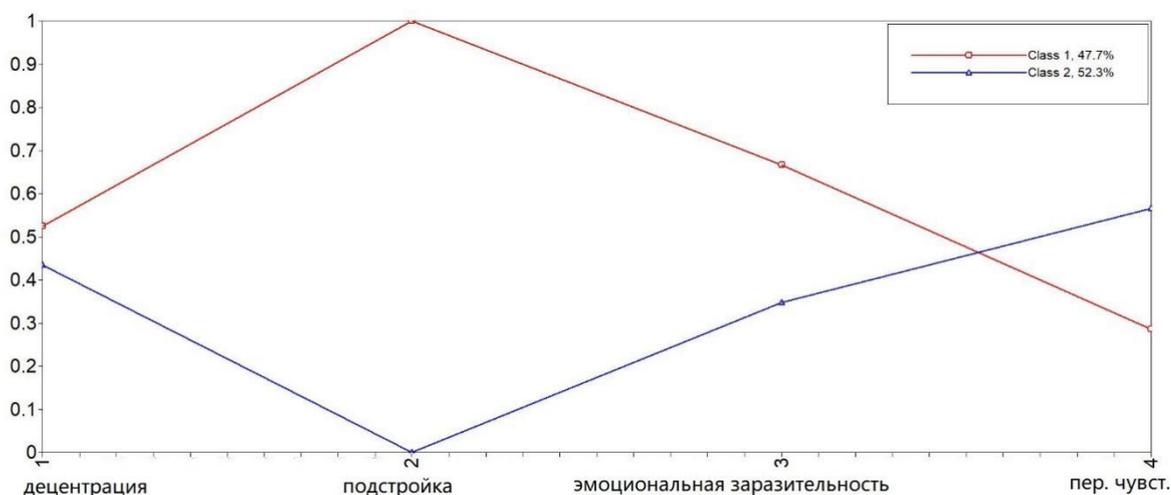

Рисунок 13 - График, демонстрирующий соотношение шкал эмпатии при двухклассном решении (в китайской выборке во Франции)

Как видно на рис. 13, две группы участников выборки во Франции не различаются по способности к принятию чужой точки зрения — децентрации, но различаются по шале подстройки (также когнитивная эмпатия), за которой стоит возможность поставить себя на место другого человека, представив, что он чувствует. Видимо, именно соответствующие переменной *подстройки* процессы обеспечивают возможность сочувствия другому человеку при выборе в житейских ситуациях.

Чтобы более полно представить обобщения проявлений эмпатии у китайцев, мы сравнили результаты с предыдущими результатами, полученными в исследовании 3.

Сравнение латентных профилей четырех групп

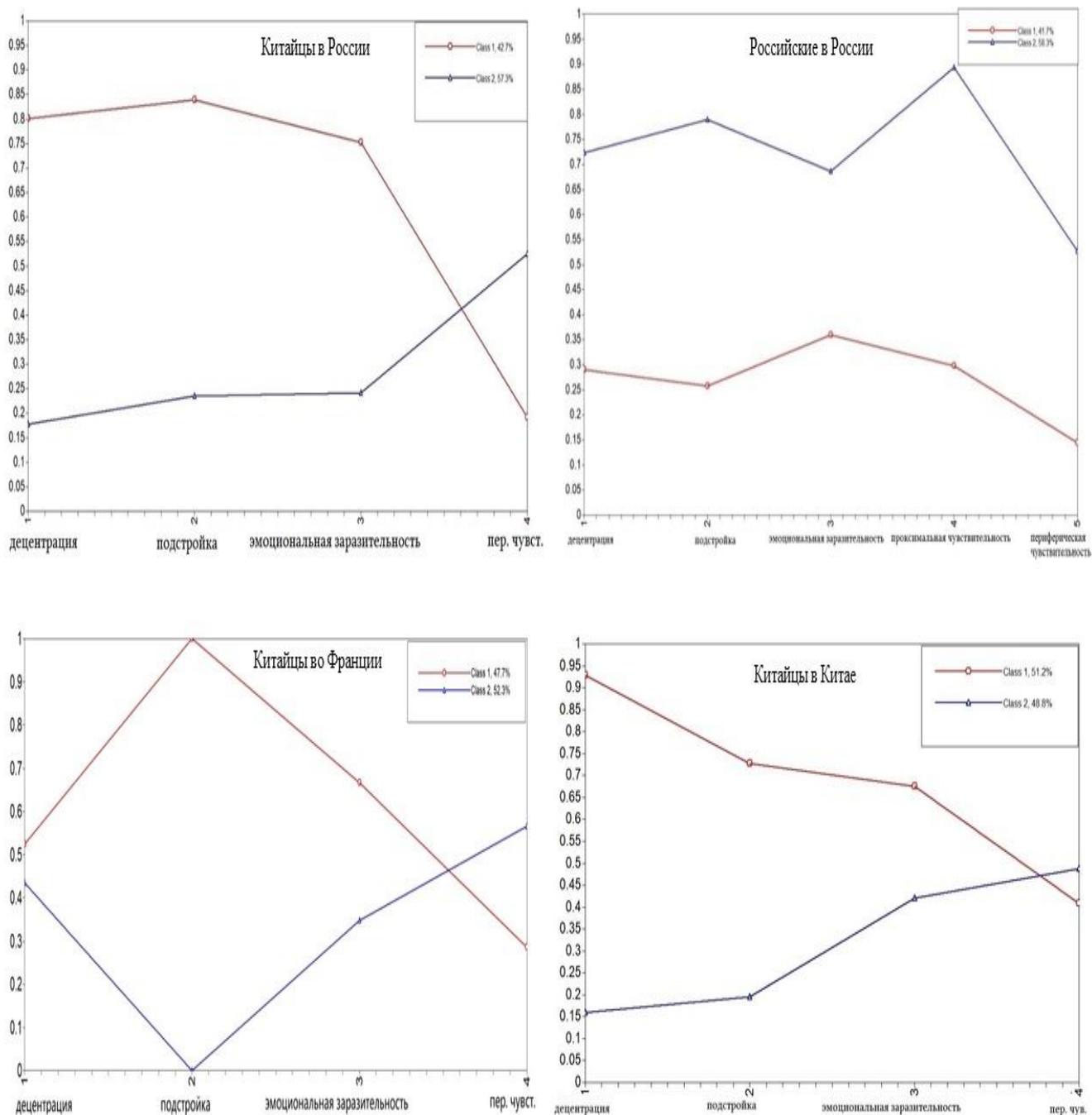

Рисунок 14 - Сравнение латентных профилей четырех групп – трех китайских и российской.

Примечание: верхние 2 рисунка и нижний правый рисунок даны ранее в исследовании 3, параграфе 2.8, (см.рис.9, рис.10, рис.11.); нижний левый рисунок «китайцы во Франции» получен в последнем рассматриваемом исследовании (рис 13.)

По сравнению с группой «российские участники в России» группы «китайцы в Китае», «китайцы в России» и «китайцы во Франции» проявили большие различия между высоко-эмпатичным классом и низко-эмпатичным классом по переменной аффективной эмпатии *периферическая чувствительность*, которая определяет эмоциональную реакцию в момент наблюдения за людьми, с которыми нет непосредственной связи (персонаж книги, актер на сцене). Китайцы, живущие вне родной языковой среды, демонстрируют более высокие показатели *периферической чувствительности* в группе с *низким уровнем эмпатии*, то есть в группе с низкой эмпатией проявляют более высокую чувствительность к эмоциональным реакциям в случае, когда речь идет о группах с разнообразным социальным происхождением. Напротив, в группе с *высокой эмпатией* показатели *периферической чувствительности* были относительно низкими. Это также объясняет специфичность указания на эмпатию со стороны других. На этот особый механизм эмпатии влияет дистальная близость человека, а также среда, в которой он живет.

Предикторы при выборе альтернативы «эмоциональный выбор» в вербальных задачах

В задаче 1, где ситуация касается отношений с коллективом – при возможности защитить другого человека, – для китайских участников значимым предиктором решения с предпочтением *эмоционального* основания выступает субшкала эмпатии «подстройка» ($B = 0.255$, $p < 0.01$). Этот результат свидетельствует о том, что именно когнитивная составляющая эмпатии (подстройка) является предиктором выбора эмоциональной причины.

В задаче 2, когда ситуация касается более близкого человека, субшкала «периферическая чувствительность» является отрицательным предиктором ($B = -0.513$, $p < 0.001$), а субшкала «эмоциональная заразительность» – положительным предиктором эмоционального основания выбора ($B = 0.198$, $p < 0.01$). В данном случае в контексте более близких межличностных

отношений предиктором эмоционального основания выбора для китайцев является показатель аффективной эмпатии «эмоциональная заразительность». Шкала же «периферической чувствительности», которая определяет эмоциональную реакцию в момент наблюдения за людьми (с кем нет непосредственной связи – персонаж книги, актер на сцене) показывает, что эмоции не помогают, а мешают сопереживанию.

Шкала *толерантность к неопределенности* не выступила предиктором выбора ни в какой ситуации. Однако по данным на китайской выборке выявилось, что показатель ТН предсказывает показатели шкал «эмоциональная заразительность» ($B = 0.454, p < 0.01$), «периферическая чувствительность» ($B = 0.438, p < 0.05$) и суммарный показатель аффективной эмпатии ($B = 0.469, p < 0.005$), т.е. косвенно отношение к неопределенности включено в предпочтения выбора через процессы аффективной эмпатии.

Предикторы выбора «про-социального поведения» в вербальных задачах

Аффективная эмпатия выступила предиктором ($B = 0.154, p = 0.057$, уровень тенденции) выбора *про-социального* поведения в задаче 1, где ситуация касается отношений с коллективом – при возможности защитить другого человека. А для *эгоцентрического* выбора общий показатель аффективной эмпатии стал отрицательным предиктором, так же как и ее шкала «эмоциональная заразительность». Для *индивидуалистической* направленности принятия решения предиктором выступила шкала когнитивной эмпатии «подстройка», по которой получилось максимальное расхождение классов при анализе латентных профилей (см. рис.13).

ТН на китайской выборке не показала связей с предпочтением про-социального или эгоистического выбора.

Обсуждение результатов

Мы предполагали двух-критериальную схему выбора со стороны двух составляющих регуляции ПР в условиях неопределенности, заложенную в основаниях четырех альтернатив в каждой вербальной задаче, где в качестве первого выступает возможность ориентировки на эмоции участников ситуации (предпочтения «эмоциональный – рациональный»), а в качестве второго – ориентировка на собственные представления, нормы и предпочтение действий в собственных интересах или же ориентировка на другого человека («эгоцентрический – про-социальный» выбор). Мы предполагали позитивную роль эмпатии и толерантности к неопределенности в предпочтении эмоциональных оснований выбора и про-социального поведения, которую могли проявить участники на материале так построенных вербальных задач.

В нашей выборке баллы у китайских участников не различались по предпочтениям «житейских» решений на основаниях более рационально обоснованного выбора или выбора, основанного на учете своих эмоций. Однако, когда выборы рассматриваются с точки зрения проявления в них про-социальной или индивидуалистической (эгоистической) направленности, китайская выборка проявила специфику. Китайцами чаще выбиралась про-социальная направленность, чем индивидуалистическая.

При этом гипотеза 1 о том, что *чем у испытуемых выше когнитивная эмпатия, тем они чаще принимают решения, которые отражают рациональную направленность предпочтения альтернатив*, не принимается. С одной стороны, на других выборках было показано, что эмоциональный интеллект и эмпатия влияют на стили решения в условиях неопределенности: переменные с более высокой когнитивной составляющей, такие как децентрация и в целом рациональные основания способствуют организационным процессам, например, поиску информации и оценке выбора (Montoya-Castilla, de Jesús Cardona-Isaza, Jiménez, 2021). Но выделенные в нашей выборке китайских участников во Франции латентные классы именно

по *децентрации* не различались, она была средней по величине у всех. В то же время существенное различие видно по *подстройке* (рис. 13) – второй составляющей когнитивной эмпатии.

С другой стороны, в задаче, где межличностные связи не близкие (человек в компании), выбор китайцами эмоционального основания при ПР (выборе соответствующей альтернативы в задаче) будет зависеть от когнитивной составляющей эмпатии *подстройка*, которая позволяет поставить себя на место другого человека, представив, что он чувствует. Роль социального аспекта ситуации здесь – во включение когнитивной эмпатии. Это новый интересный результат – включение когнитивной составляющей в предпочтение эмоционального основания выбора (при социальном взаимодействии).

Если контекст отношений указывает на более близкие связи (близкий друг), то предиктором выбора эмоциональной причины является *эмоциональная заразительность* (субшкала Аффективной эмпатии), а предпочтения ПР по рациональным основаниям отрицательно связаны с *периферической чувствительностью* (субшкала Аффективной эмпатии). То есть в ситуации близких межличностных отношений происходит «заражение» на уровне считывания и отражения эмоционального состояния другого человека. В других работах было показано что поведение людей может значительно варьироваться в зависимости от контекста; обнаружено, в частности, что люди менее склонны делать утилитарный выбор в ситуациях, когда они подвержены прямому воздействию, в сравнении с ситуациями, когда на них нет прямого воздействия (Nasello et al., 2021).

Согласно *гипотезе 2* этого исследования, аффективная эмпатия положительно влияет на про-социальные решение, а когнитивная составляющая эмпатии «подстройка» может выступить предиктором эгоцентрического поведения (в китайской выборке). Наши результаты позволяют принять эту гипотезу. Наши результаты соответствует данным работы, проведенной с детьми дошкольного возраста, результаты которой показали, что способность воспринимать и выражать эмоции (аффективная

грамотность) имеет значительную связь с про-социальным поведением. То есть, чем сильнее у детей развиты навыки восприятия и выражения эмоций, тем лучше они проявляют себя в области про-социального поведения (Denham, 1986). Схожие результаты продемонстрированы и в другой работе: по сравнению правильной интерпретацией ментальности другого человека (когнитивный компонент) аффективная эмпатия проявила более тесную связь с принятием про-социального решения (Lehmann et al., 2022). Зависимость выбора про-социального поведения от уровня аффективной эмпатии также повторялась в российской выборке (Белоусова, Чжоу, 2023).

Мы принимаем на основании наших данных также гипотезу 3 о том, что чем выше толерантность к неопределенности, тем выше у китайских участников аффективная эмпатия. Однако в российской выборке соотношения иные: предиктором аффективной эмпатии в ней выступала интолерантность к неопределенности, а когнитивная эмпатия предсказывалась и толерантностью, и интолерантностью к неопределенности (Zirenko, Krasavtseva, 2021).

При использовании опросника на эмпатию М. Дэвиса установлено, что подростки из Восточной Азии сообщили о большем личном дистрессе и меньшей эмпатической заботе, чем их западные сверстники (Chung, Chan, Cassels, 2010). Хотя это одна и та же аффективная эмпатия, то, что чувствуют китайские и российские участники, скорее всего, проявляется разными компонентами аффективной эмпатии. При этом, было показано, что более высокая эмпатическая забота побуждает к про-социальному поведению, а личный дистресс - к моральной депривации, что, в свою очередь, приводит к индивидуально-ориентированной поведенческой ориентации (Paciello et al., 2013), что сопоставимо с выбранным нами названием эгоцентрической направленности выбора.

Возможно, процессы, стоящие за аффективной эмпатией, в российской и китайской выборах проявляются в разных связях с эмоциональной и когнитивной сферами. Они могут входить в разные динамические системы, где более высокое место может занимать один или другой вид эмпатии. Таким образом, наряду с разной высотой выраженности переменных эмпатии и

отношения к неопределенности в китайской и российской выборках образуются разные динамические регулятивные системы, опосредствующие ПР. И эти различия мы смогли зафиксировать в различиях личностных латентных профилей.

Анализ латентных личностных профилей китайских выборок показал, что в китайской выборке относительно высокая когнитивная и аффективная эмпатия сопровождалась высокой толерантностью к неопределенности, в то время как более низкая когнитивная и аффективная эмпатия сопровождалась более низкой толерантностью к неопределенности. Как и следовало ожидать, толерантность к неопределенности и эмпатия положительно коррелируют.

В ситуациях угрозы здоровью при COVID-19 и принятым карантинным мерам строгий контроль поведения человека в социуме в Китае не позволил проявиться индивидуальным различиям в про-социальном поведении при ПР носить или нет маску. Однако эмпатия выступила предиктором ношения маски – как про-социального поведения – в российской выборке (Zirenko et al., 2021). В российской выборке когнитивная эмпатия положительно предсказывала вероятность выбора ношения маски при основании «заботы о других». В китайской выборке когнитивная эмпатия негативно предсказывала про-социальное поведение — надеть маску ради других. Можно утверждать, что выбор китайцев имеет тенденцию быть последовательным как в ситуациях, угрожающих здоровью, так и в повседневных (житейских) ситуациях. Высокий уровень когнитивной эмпатии не обязательно приводит к большей склонности к про-социальному поведению. Напротив, более высокий уровень аффективной эмпатии у китайских участников способствует принятию решений в пользу про-социального поведения.

В соотношениях с другими личностными переменными в ситуации возможных угроз здоровью в китайской выборке была обнаружена положительная связь между ИТЭ и когнитивной эмпатией. Обнаружена положительная связь между толерантностью к неопределенности и аффективной эмпатией в данном нашем исследовании с «житейскими» вербальными ситуациями, тогда как у россиян на том же материале была

обнаружена положительная связь между интолерантностью к неопределенности и когнитивной эмпатией (Белоусова, Чжоу, 2023). В результате кросс-культурного сравнения можно предположить, что именно различия в их культурном наследии, отражаемые во взаимодействиях людей, привели к различиям в механизмах эмпатии: у китайцев принятие противоречий и неопределенности сопутствует аффективным эмпатийным процессам.

Полученные нами результаты частично согласуются с предыдущими исследованиями (Lockwood, Seara-Cardoso, Viding, 2014), где было показано, что когнитивная переоценка играет опосредующую роль в аффективной эмпатии и в про-социальном поведении. В целом аффективная эмпатия положительно связана с про-социальным поведением. Однако эта связь не является значимой для лиц с высокой склонностью к когнитивной переоценке. То есть когнитивный компонент может и мешать соотношению аффективной эмпатии с про-социальным поведением. Данный результат также получен в российской выборке (Белоусова, Чжоу, 2023).

Выводы

Китайские участники (во Франции) отличались по «подстройке», который выступил положительным предиктором принятия решения, связанного с выбором эмоциональной причины принятия решения. Именно этот компонент когнитивной эмпатии – подстройка – положительно предсказывал в их выборах индивидуально-ориентированную, не про-социальную направленность.

Таким образом, не только соотношение разных процессов в ДРС эмпатии может способствовать ее выраженности преимущественно в когнитивных или эмоциональных компонентах, но и стратегии саморегуляции, которые отражают включенность эмпатийных процессов в разные связи с другими процессами когнитивной и эмоционально-личностной сфер единого интеллектуально-личностного потенциала.

3.4. Заключение по исследованиям в главе 3

В экстремальном случае глобальной пандемии, угрожающей жизни отдельных людей, и строгом социальном контроле эмпатия в китайской выборке не выступила предиктором про-социального поведения (при ПР носить или не носить маску), но были выявлены связи ее с разными индивидуальными основаниями решения «надеть маску». «Забота о себе» выступила более сильным основанием по сравнению с «заботой о других» в китайской выборке.

В российской выборке предпочтение «заботы о других» было несколько выше (чаще встречалось), но также при превалировании основания в выборе «заботы о себе». Инкрементальные имплицитные теории эмоций и когнитивная эмпатия предсказывали при выборе человеком оснований своего решения «заботу о других» (как причину физического - социального – дистанцирования в ситуациях медицинской угрозы).

В повседневной жизни аффективная эмпатия способна положительно влиять на про-социальное поведение. В то же время толерантность к неопределенности положительно влияет на аффективную эмпатию, важный компонент, который положительно влияет на про-социальное поведение.

В таком коллективном обществе, как китайское, близость человеческих отношений влияет на выбор людей: выбор, обусловленный рациональностью, или выбор, обусловленный эмоциями. Китайцы более склонны к эмоциональному выбору перед лицом более близких им людей.

Можно сказать, что китайцы и россияне различаются как латентными личностными профилями, так и разными путями включения эмпатийных процессов в регуляцию принятия решений (рис.14). Российская группа с высоким уровнем эмпатии демонстрирует единство полного измерения эмпатии. То есть высокая когнитивная эмпатия сопровождалась относительно высокой аффективной эмпатией. В китайской группе, однако, все немного сложнее: в китайской группе высокая когнитивная эмпатия, как правило, сопровождается относительно низкой склонностью к периферической чувствительности. Это было еще более выражено среди тех китайцев, которые не живут на своей родине.

Общие выводы и заключение

Общие выводы

1. Установлено различие между китайскими и российской выборками по имплицитным теориям: китайские участники характеризуются предпочтением *константных теорий эмоций*, а российские – *инкрементальных*. В китайской выборке те участники, у которых выше *инкрементальные* имплицитные теории (предполагающие, что личность развивается и эмоциями можно управлять), характеризуются большей *эмпатией*. Однако эта связь не обнаружена в российской выборке.

2. У китайцев в континентальном Китае продемонстрирована положительная связь между *толерантностью к неопределенности* и *инкрементальными* ИТЭ. То есть, люди, которые считают, что эмоции можно регулировать, а личность может развиваться, более склонны к принятию нового, неизвестного, изменяющегося, неопределенного.

3. Особенности философии жизни у китайцев, видимо, обуславливают связь у них разного отношения к неопределенности (толерантность к неопределенности наряду с интолерантностью).

4. Культурная адаптация китайцев за рубежом опосредована текущими воздействиями социальной среды. Мы ожидали что китайские участники в России покажут промежуточные баллы (между российскими участниками и китайскими в Китае). Но почти по всем шкалам эмпатии в китайской выборке в России были самые низкие показатели по сравнению с выборками китайцев в Китае и российских участников (за исключением более высоких показателей децентрации и инкрементальных имплицитных теорий у россиян).

5. Тот факт, что китайские участники в Китае демонстрируют более высокий уровень *эмпатии*, чем российские участники, соответствует предположению, что Китай является более коллективистским обществом. Однако китайцы в России показали более низкую эмпатию. Вероятно, это связано с тем, что большинство выборки составляли студенты, которые только

что приехали в Россию. С одной стороны, они далеки от своих родных, с другой стороны, они чувствуют, что не интегрированы в российское общество. Видимо, для китайцев в России дистанция между ними и окружающими людьми больше, что снижает эмпатию.

6. *Латентные профили* эмоционально-личностных свойств (эмпатии и имплицитных теорий личности и эмоций) у китайских и у российских участников сильно не отличались. Однако у участников в континентальном Китае обнаружена положительная связь между имплицитными теориями управляемости эмоциями и когнитивной эмпатией; этой связи не выявлено у российских участников.

7. В сравнении китайцев с россиянами фактор культурной идентичности проявил важную роль. В ситуациях, *угрожающих жизни и здоровью*, в китайской выборке эмпатия не играла роли в предпочтении оснований выбора. Однако в повседневных ситуациях обычного межличностного общения в китайской выборке более высокая *аффективная эмпатия* положительно предсказывала предпочтение решений, направленных на благо другого человека.

8. В случае, когда ориентировка на *эмоциональный контекст* ситуации может включаться в основания принятия решений, роль эмпатии неоднозначна: когда речь идет об отношениях с близкими людьми, *аффективная эмпатия* положительно предсказывает эмоциональный выбор, тогда как в случае с незнакомыми людьми преобладает *когнитивная эмпатия*. Таким образом, в житейских ситуациях более дифференцировано проявилась роль эмпатии в личностных основаниях выборов.

9. *Толерантность к неопределенности* включена в регуляцию предпочтения эгоцентрической или про-социальной направленности личностного выбора у китайских участников через звено аффективной эмпатии (эмоциональная заразительность).

10. Предположение о *динамических регулятивных системах* позволяет по-новому рассматривать соотношение процессов, стоящих за

эмпатией. В эмпатии ведущими могут становиться как эмоциональные, так и когнитивные компоненты, в зависимости от социального окружения, от типа ситуации неопределенности (медицинская угроза или житейский выбор) и от принадлежности к культурному сообществу (с разным отношением к эмпатии и неопределенности).

Заключение

Целями представленных в данной работе исследований выступили выявление связей когнитивных и аффективных компонентов эмпатии с имплицитными теориями личности и эмоций и отношением к неопределенности в китайской выборке, а также кросс-культурное сравнение сходств и различий между китайскими участниками и россиянами в таких личностных свойствах как эмпатия, отношение к неопределенности и их имплицитные теории эмоций и личности.

Поскольку использованные нами опросники не апробировались ранее на китайских выборках (опросник С. Баднера, шкалы Имплицитных теорий личности и эмоций) или не было убедительной психометрической апробации (опросник Когнитивной и Аффективной эмпатии), мы вначале апробировали эти опросники на китайском языке. В результате было показано, что в китайской выборке эти опросники имеют удовлетворительные надежность и конструктивную валидность. В то же время, хотя опросник С. Баднера в китайской выборке проявил двухфакторную структуру, как и в российской, специфика китайской выборки заключалась в положительной корреляции двух шкал (ТН и ИТН). Они считаются независимыми или отрицательно связаны в других культурных выборках (Корнилова, Чумакова, 2014). Мы предполагаем, что китайцы принимают в своей культуре наивный диалектизм, который характеризуются терпимостью к противоречиям, ожиданием изменений и когнитивным холизмом. Это позволяет китайцам относиться к неопределенности двояко – одинаково проявлять толерантность и интолерантность к неопределённости. Они принимают неопределенность, но также стремятся к ясности. Влияние такого отношения к неопределенности на принятие решений требует дальнейшего исследования.

Для опросника Когнитивной и Аффективной эмпатии мы установили четырёх-факторную структуру с двумя вторичными факторами. В нашей модели шкала «проксимальная чувствительность» и «эмоциональная заразительность» были объединены. Мы предполагаем, что коллективизм —

важный фактор, влияющий на особенности межличностных отношений в китайских группах. В коллективном обществе дистанция между людьми меньше, чем в индивидуалистических (принимая различие по шкале Г. Хофстеде). В западной – предположительно более индивидуалистической – культуре хорошо отличались понятия «окружающие меня люди» и «мои друзья», но для китайцев в какой-то степени это одно и то же.

В китайской выборке установлена положительная связь между *эмпатией, имплицитными теориями и толерантностью к неопределенности*. Как мы и предполагали, увеличения показателей *инкрементальных имплицитных теорий личности (ИТЛ) и эмоций (ИТЭ)* положительно связаны с повышением *толерантности к неопределенности*. Причем именно *когнитивная эмпатия* положительно коррелирует с толерантностью к неопределенности и инкрементальными ИТ. Таким образом, представление человека о возможности управлять эмоциями в первую очередь выдвигает *когнитивный* компонент эмпатии как ведущий в предполагаемых динамических регулятивных системах принятия решений (ДРС).

При сравнении российских и китайских выборок оказалось, что инкрементальные теории эмоций были более выражены и распространены у россиян, а эмпатия выше у китайцев. Это соответствует предположению, что отношения в китайской выборке между людьми относительно более тесные. У россиян не проявлялась связь между имплицитными теориями управляемости эмоциями и эмпатией, т.е. эмпатийные процессы у них как бы более отделены от представленных на нижних уровнях сознания компонентов когнитивных представлений – индивидуальной представленности значений, связанных с образом мира (А.Н. Леонтьев, 1975; Петренко, 2005; Смирнов и др., 2016). Но эта связь наблюдалась в китайской выборке, т.е. для китайцев убеждения (*mindset*, имплицитные теории) относительно своей способности контролировать эмоции интегрированы в процессы эмпатии. Мы считаем, что именно присущий китайской культуре диалектический взгляд на мир и

человека ведет к целостной жизненной философии, которая влияет на принятие решений.

При принятии решений в повседневных ситуациях (моделируемых на материале *жизнейских* вербальных задач) *аффективная эмпатия* положительно влияет на про-социальную направленность выборов. Однако в ситуациях *неопределенности с медицинской угрозой* (при пандемии) *эмпатия* не способствует предпочтениям оснований «заботы о другом».

При этом *толерантность к неопределенности* вносит положительный вклад в *аффективную эмпатию*, которая способствует предпочтению про-социального поведения в «жизнейских» ситуациях. В таком коллективистическом обществе как китайское фактор близости человеческих отношений способствует предпочтению принятия решений с основаниями, обусловленными эмоциями, причем именно в ситуациях взаимоотношения с близкими людьми.

Китайские и российские участники по-разному относятся к неопределенности. Китайцы демонстрируют более высокий уровень *толерантности к неопределенности*. Толерантность к неопределенности сопутствует тому, что китайцы больше сопереживают – проявляют более высокую *эмпатию*, но это не означает повышения ее регулятивной роли при принятии решений в условиях медицинской угрозы. Россияне же демонстрируют меньшие показатели *эмпатии*, но она выступает *предиктором* повышения предпочтения выборов с основанием *заботы о другом* человеке в ситуациях медицинской угрозы.

Список литературы

1. *Асмолов А. Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – М.: Смысл. – 2002. – 480 с.
2. *Асмолов А. Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 40. – DOI: 10.54359/ps.v8i40.550
3. *Асмолов А. Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [I Приглашение к диалогу] // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. А.Г. Асмолова. – М.: Издательский Дом ЯСК. – 2018. – С. 9–26.
4. *Бандура А.* Теория социального научения. – Санкт-Петербург: Евразия. – 2000. – 320 с.
5. *Белюсова А. И., Гейвандова М. Я.* Когнитивная и аффективная эмпатия: апробация опросника на российской выборке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2021. – № 2. – С. 6-20.
6. *Белюсова А. И., Чжоу Ц.* Эмпатия в предпочтении рационального и эмоционального выбора (сравнение китайской и российской выборок) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2023. – № 1. – С. 43-58.
7. *Бовина И. Б.* Исследование эмпатии: критический анализ и новые перспективы // Культурно-историческая психология. – 2020. – Т.16. – № 1. – С. 88-95.
8. *Виллюнас В. К.* Психология эмоциональных явлений. – Санкт-Петербург: Питер. – 1976. – 142 с.
9. *Выготский Л. С.* Проблема воли и ее развитие в детском возрасте // Собрание сочинений. – 1982. –Т. 2. – С. 454-466.
10. *Двек К.* Гибкое сознание: новый взгляд на психологию развития взрослых и детей / Кэрол Дуэк; пер. с англ. С. Кировой. – М.: Манн, Иванов и Фербер. – 2013. – 400 с.

11. *Гаврилова Т. П.* Понятие эмпатии в зарубежной психологии // Вопросы психологии. – 1975. – №2. – С. 147-158.
12. *Галузо П. Р., Дучек С. М.* ИмPLICITные теории интеллекта и личности и стиль осознанной саморегуляции поведения у студентов вуза с различной общей самооценкой // Актуальные проблемы психологии личности и социального взаимодействия: сборник научных статей / Под науч. ред. А. М. Колышко. – Гродно: Издательство ГрГУ. – 2014. – С. 59-65.
13. *Гиппенрейтер Ю. Б., Карягина Т. Д., Козлова Е. Н.* Феномен конгруэнтной эмпатии // Вопросы психологии. – 1993. – № 4. – С. 61-68.
14. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. – Москва: Изд. Манн, Иванов и Фербер, – 2013.
15. *Зинченко В. П.* Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. – 2006. – Т. 2006. – №. 1. – С. 207-231.
16. *Зиренко М. С.* ИмPLICITные теории интеллекта и личности в структуре интеллектуально-личностного потенциала. Кандидат. дисс. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2021.
17. *Зиренко М. С., Корнилова Т. В.* Толерантность к неопределенности, интеллект и личностные черты: Кросс-культурное исследование российских и американских студентов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2021. – № 1. – С. 20-31.
18. *Злобина М. В., Первушина О. Н.* Интолерантность к неопределенности и депрессия // Reflexio. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 126–141.
19. *Знаков В. В.* Психология возможного. – М.: Издательство «Институт психологии РАН». – 2021. – 308 с.
20. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. – М.: АСТ. – 2013. – 653 с.
21. *Карягина Т. Д.* Эволюция понятия «эмпатия» в психологии. Кандидат. дисс. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2013.
22. *Карягина Т. Д., Кухтова Н. В.* Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном контексте // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24. – № 4. – С. 33-61.

23. *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. – М.: Прогресс. – 1979. – 504 с.
24. *Корнилова Т. В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. – Санкт-Петербург: Нестор-История. – 2016. – 334 с.
25. *Корнилова Т. В.* Единство интеллекта и аффекта в множественной регуляции эмпатии // Национальный психологический журнал. – 2022а. – № 1. – С. 94-103.
26. *Корнилова Т. В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в стратегиях совладания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2010. – № 1. – С. 46-57.
27. *Корнилова Т. В.* Принцип неопределенности в психологии выбора и риска [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 40. DOI: 10.54359/ps.v8i40.553
28. *Корнилова Т. В.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. – № 3. – С. 89-100.
29. *Корнилова Т. В.* Психология риска и принятия решений. – М.: Аспект Пресс. – 2003. – 286 с.
30. *Корнилова Т. В.* Саморегуляция и выбор в преодолении субъективной неопределенности // Психология саморегуляции в XXI веке / Под ред. В.И. Моросановой. – СПб.: Нестор-История. – 2011. – С.142-162.
31. *Корнилова Т. В.* Черты эмоционального интеллекта (по TEIQue) как предикторы стилевой регуляции принятия решений // Психологический журнал. – 2023. – Т. 44. – №2. – С. 82-91.
32. *Корнилова Т. В.* Эмпатия в структурах интеллектуально-личностного потенциала: единство интеллекта и аффекта // Психологический журнал. – 2022б. – Т. 43. – № 3. – С. 57-68.
33. *Корнилова Т. В., Бахшалиева С.* Кросс-культурное исследование индивидуальных особенностей принятия решений и толерантности к неопределенности у российских и азербайджанских

- студентов [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2016. – Т. 9. – № 47. DOI: [10.54359/ps.v9i47.1038](https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.1038)
34. *Корнилова Т. В., Зиренко М. С., Чжоу Цюци.* Кросс-культурное сравнение личностной регуляции принятия решений о социальном дистанцировании (Россия, Азербайджан, Китай) / В сб.: Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 / Под ред. Ю. П. Зинченко. – М.: Издательство Московского университета. – 2021. – С. 402-428.
 35. *Корнилова Т. В., Керимова С. Г.* Особенности личностных предпосылок принятия решений (на материале фрейминг-эффекта) у врачей и преподавателей // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. 15. – №1. – С. 22–38.
 36. *Корнилова Т. В., Корнилов С. А.* Латентные профили личностных свойств, связанных с принятием решений о социальном дистанцировании (на примере российской и азербайджанской выборок) // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42. – № 3. – С. 27-38.
 37. *Корнилова Т. В., Смирнов С. Д., Корнилов С. А., Чумакова М. А., Новотоцкая-Власова Е. В.* Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 3. – С. 106-120.
 38. *Корнилова Т. В., Красавцева Ю. В.* Эмоциональная плавучесть: новый взгляд на эмоциональную регуляцию в условиях неопределенности // Человек. – 2023. – Т. 34. – № 4. – С. 39–57.
 39. *Корнилова Т. В., Павлова Е. М.* Шкала интеллектуальной оценки риска и ее связь с готовностью к риску и эмоциональным интеллектом // Консультативная психология и психотерапия. – 2020. – Т. 28. – № 4. – С. 59-78.
 40. *Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические проблемы психологии. – М.: Юрайт. – 2013. – 490 с.
 41. *Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Толерантность к неопределенности и креативность у преподавателей и студентов // Вопросы психологии. – 2012. – № 2. – С. 117-126.

42. *Корнилова Т. В., Тихомиров О. К.* Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. – М.: Изд-во МГУ. – 1990. – 192 с.
43. *Корнилова Т. В., Чжоу Ц.* Эмпатия и имплицитные теории эмоций и личности (на китайской выборке) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2021. – № 1. – С. 114-143.
44. *Корнилова Т. В., Чумакова М. А.* Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. – 2014. – Т. 7. – № 1. – С. 92-110.
45. *Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. – М.: Смысл. – 2010. – 334 с.
46. *Костюк Г. П., Погонченкова И.В., Чернов Н.В.* и др. Рекомендации по психологическому сопровождению пациентов с диагнозом COVID-19 на этапах амбулаторного лечения и реабилитации / Г. П. Костюк, И. В. Погонченкова, Н. В. Чернов и др. // Методические рекомендации. – М.: Издательство: Московский научно-практический центр медицинской реабилитации, восстановительной и спортивной медицины. – 2020. – 22с.
47. *Красавцева Ю. В.* Эмоциональное предвосхищение в процессе принятия решений. Кандидат. дисс. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2021.
48. *Красавцева Ю. В., Корнилова Т. В.* Нарциссизм как «светлый» аспект в Темной Триаде // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27. – № 4. – С. 65-80.
49. *Крюкова Е. А., Корнилова Т. В.* Эмпатия и отношение к неопределенности и риску у российских врачей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2022. – Т. 12. – № 3. – С. 331-346.
50. *Крюкова Е. А., Чжоу Ц., Корнилова Т. В.* Эмпатия у студентов-медиков: кросс-культурное сравнение российской и китайской выборок // Ананьевские чтения—2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.). – 2020. – С. 947-948.

51. *Лебедева Ю. В.* Влияние факторов культуры и пола на особенности эмпатии (на примере студентов из России и Китая) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2017. – Т. 23. – № 3. – С. 141-148.
52. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат. – 1975. – 304 с.
53. *Леонтьев А.Н.* Образ мира. Избранные психологические произведения. – М: Педагогика. – 1983. – С. 251-261.
54. *Леонтьев Д.А.* Психология выбора. 2. Личностные предпосылки и личностные последствия выбора // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35. – № 6. – С. 56-68.
55. *Наурузова М. А., Корнилова Т. В.* Эмпатия и ценности медицинских работников при решении моральных дилемм в повседневных жизненных ситуациях // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. – 2024. – Т. 4. – № 3. – С. 43–56.
56. *Нуркова В. В.* Эмпатия-отождествление и эмпатия-моделирование: о культурном конструировании двух модусов совместной деятельности // Вопросы психологии. – 2020а. – № 3. – С. 3-13.
57. *Нуркова В. В.* Культурное развитие эмпатии-отождествления и эмпатии-моделирования // Национальный психологический журнал. – 2020б. – № 4. – С. 3-17.
58. *Павлова Е. М.* ИмPLICITные теории и самооценка креативности в структуре самосознания личности // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 75-94.
59. *Павлова Е. М., Корнилова Т. В.* Креативность и толерантность к неопределенности как предикторы актуализации эмоционального интеллекта в личностном выборе // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – № 5. – С. 39-49.
60. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. – СПб.: Издательский дом «Питер». – 2005. – 457 с.
61. Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 / Под ред. Ю.П. Зинченко. – М.: Издательство Московского университета, 2021. – 600 с.

62. *Развальяева А.Ю.* Рациональность и интуиция как личностные факторы принятия решений. Кандидат. дисс. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2021.
63. *Сергиенко Е.А., Уланова А. Ю., Лебедева Е. И.* Модель психического: Структура и динамика. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – 2020. – 503 с.
64. *Смирнов С. Д.* Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37. – № 5. – С. 5-13.
65. *Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилова Т. В.* Образ мира в динамическом контроле неопределенности // Вопросы психологии. – 2016. – № 4. – С. 3-13.
66. *Стернберг Р. Дж., Форсайт Дж.Б., Хедланд Дж. и др.* Практический интеллект. – Санкт-Петербург: Питер, – 2002. – 272 с.
67. *Столин В.В.* Самосознание личности. – М.: Изд-во Московского университета. – 1983. – 284 с.
68. *Тихомиров О. К., Бабаева Ю. Д., Березанская Н. Б., и др.* Развитие деятельностного подхода в психологии мышления / Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. – М.: Смысл. – 1999. – 425 с.
69. *Чумакова М. А.* Личностная регуляция рационального выбора: развитие идеи единства интеллекта и аффекта // Психологический журнал. – 2013. Т. 34. – № 3. – С. 119-125.
70. *Чумакова М. А.* Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности. Кандидат. дисс. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2010.
71. *Шестова М. А.* Эмоциональная креативность в личностной регуляции принятия решений. Кандидат. дисс. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2022.
72. *«Аналитики Конфуция», том 13.* – Пекин: Книжная компания Чжунхуа, – 1990. – 545 с. *《论语正义》卷十三.* –北京：中华书局， –1990， –页 545。

73. Ван Моюн, Фу Сяолань, Обзор исследования онтологически-градиентного измерения имплицитной теории личности // Достижения психологической науки, – 2003. – Т.11. – 2. С.153-159. 王墨耘, 傅小兰. (2003). 内隐人格理论的实体论-渐变论维度研究述评. 心理科学进展. – 2003. – Т. 11. – №2. – С. 153-159.
74. Ван Сешунь, Су Яньцзе, Пересмотр китайской подростковой версии шкалы когнитивной и аффективной эмпатии // Психологические техники и приложения. – 2019. – Т. 7. – № 9. – С. 536-547. 王协顺, 苏彦捷. 中国青年版认知和情感共情量表的修订 //心理技术与应用. 2019. – Т. 7. – № 9. – С. 536-547.
75. Го Вэй, Ву Вэньшэн. Проверка шкалы тревожности в классе иностранного языка (FLCAS) среди отдельных учащихся начальной и средней школы // Журнал колледжа Ичунь. – 2008. – Т. 30. – № 2. – С. 185-189. 郭薇, 巫文胜. 外语课堂焦虑量表 (FLCAS) 在部分中小學生中的检验 //宜春学院学报. – 2008. – Т. 30. – №. 2. – С. 185-189.
76. Динг Фэнцин, Лу Чжаохуэй. Мета-анализ взаимосвязи между эмпатией и просоциальным поведением // Успехи психологических наук. – 2016. – Т. 24. – № 8. – С. 1159. 丁凤琴, 陆朝晖. 共情与亲社会行为关系的元分析 // 心理科学进展. – 2016. – Т. 24. – № 8. – С. 1159.
77. Майерс D. Социальная психология // Западный Китай. – 2014. – № 10. – С. 125–125. 戴维, 迈尔斯. 社会心理学 //中国西部. – 2014. – № 10. – С. 125-125.
78. Ли Инь, Хуан Юньчжи. Исторические перспективы и современные исследования имплицитной теории: концептуальное прояснение и методологические соображения // Обзор образования Пекинского университета. – 2005. – Т. 3. – № 4. – С. 101-112. 李茵, 黄蕴智. 内隐理论的历史视野与当代探索: 概念澄清及方法考虑 //北京大学教育评论. – 2005. – Т. 3. – №. 4. – С. 101-112.

79. *Ли В., Ван Ч., Цай Б., и др.* Концепция эмпатии в конфуцианской культуре // Исследуя новую психологию. – 2017. – Т. 37. – № 6. – С. 483-488. 李玮, 王振东, 蔡宝鸿, et al. 儒家文化中的共情观 // 心理学探新. – 2017. – Т. 37. – №. 6. – С. 483-488.
80. *Лю С., Чжан Я., Фан Л.* Влияние толерантности предпринимателей к неопределенности на решение о миграции фирм // Научно-технический прогресс и контрмеры. – 2017. – Т. 34. – № 23. – С. 147-154. 刘新民, 张亚男, 范柳. 创业企业家不确定性容忍度对企业迁徙决策的影响 // 科技进步与对策. – 2017. – Т. 34. – №. 23. – С. 147-154.
81. *Лю Ц., Ван Ю., Юй Г., и др.* Обзор теорий, связанных с эмпатией, и новая динамическая модель // Успехи психологических наук. – 2009. – Т. 17. – №5. – С. 964-972. 刘聪慧, 王永梅, 俞国良, et al. 共情的相关理论评述及动态模型探新 // 心理科学进展. – 2009. – Т. 17. – №. 5. – С. 964-972.
82. *Лю Ц., Санг Б.,* Влияние имплицитных установок на индивидуальную регуляцию эмоций // Психологическая наука. – 2009. – № 3. – С. 571-574. 刘俊升, 桑标. 情绪调节内隐态度对个体情绪调节的影响 // 心理科学. – 2009. – №. 3. – С. 571-574.
83. *Лю Чжоу, Чжэн Цянь.* Избегание неопределенности и инновационное поведение сотрудников: опосредующая роль инновационной самооэффективности // Научно-технический прогресс и контрмеры. – 2016. – Т. 33. – № 4. – С. 149-155. 刘追, 郑倩. 不确定性规避与员工创新行为: 创新自我效能感的中介作用 // 科技进步与对策. – 2016. – Т. 33. – № 4. – С. 149-155.
84. Менций : Четыре книги и пять шедевров классической китайской литературы. -М.Ж. Магическое издательство - 2019. – 117с. 孟子: 中國古典文學名著之 四書五經. –M.J. Magic Publishing – 2019. – 117с.
85. У М. Моделирование структурных уравнений: операции и приложения AMOS. – Чунцин. – Издательство Чунцинского университета - 2009. 吴明隆. 结构方程模型: AMOS 的操作与应用. –重庆大学出版社 – 2009.

86. *Фэн Юйлань*. Краткая история китайской философии (2-е изд.). – Joint Publishing (Hong Kong) Limited, – 2019. 馮友蘭. 中國哲學簡史 (第二版). – 三聯書店 (香港) 有限公司. – 2019. – 374 с.
87. *Хуан Каня*. «Аналекты Конфуция». Том 7, включенные в «Аналекты Конфуция, комментарии и исправления» / «Тринадцать классических комментариев и исправлений», под редакцией Ян Цзялуою. Том 14). – Тайбэй: Всемирная книжная компания. – 1990. – фотокопия. – 137 с. 皇侃 《论语集解义疏》卷七, 收入《论语注疏及补正》, 杨家骆主编《十三经注疏补正》第十四册). –台北: 世界书局. – 1990年, –影印本), –页 137.
88. *Хуан Р., Лю Я., Ло С., и др.* Толерантность к неопределенности, влияние роли лица, принимающего решение, на принятие медицинских решений // Китайский журнал клинической психологии. – 2017. – Т. 25. – № 3. – С. 426-429. 黄仁辉, 刘雁伶, 罗小凤, et al. 不确定性容忍度, 决策者角色对医疗决策的影响 //中国临床心理学杂志. – 2017. – Т. 25. – № 3. – С. 426-429.
89. *Хуан Линцин, Су Яньцзе*. Когнитивная регуляция и процессы обмена эмоциями при эмпатии и их взаимоотношения // Журнал Юго-Западного университета: издание по общественным наукам. – 2010. –Т. 36. – № 6. – С. 13-19. 黄翥青, 苏彦捷. 共情中的认知调节和情绪分享过程及其关系 // 西南大学学报: 社会科学版. – 2010. – Т. 36. – №. 6. – С. 13-19.
90. *Хэ Н., Чжу Й. Л.* Самолюбие и любовь к другим: взаимосвязь между нарциссизмом, эмпатией и неявным альтруизмом // Журнал психологии. – 2016. – Т. 48. – № 2. – С. 199. 何宁, 朱云莉. 自爱与他爱: 自恋, 共情与内隐利他的关系 //心理学报. – 2016. – Т. 48. – № 2. – С. 199.
91. *Чжан Дайнянь*. Происхождение и эволюция основных понятий китайской классической философии // Философские исследования. 2. – 1957. – № 2. – С. 57-72. 张岱年. 中国古典哲学中若干基本概念的起源与演变 //哲学研究. – 1957. –№. 2 – С. 57-72.
92. *Чжан Ф., Дун И, Ван К., и др.* Надежность и валидность китайского опросника индикаторов межличностных реакций (IRI-C) // Китайский

- журнал клинической психологии. – 2010. – № 2. – С. 155-157.张凤凤, 董毅, 汪, et al. 中文版人际反应指针量表 (IRI-C) 的信度及效度研究 //中国临床心理学杂志. – 2010. – № 2. – С. 155-157.
93. *Чжан Юлун, Тан Цяньбао, Чжун Ипин.* Влияние наложения себя-другого на когнитивную эмпатию: модулирующая роль когнитивных стратегий // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7. – № 6. – С. 43-47. 占友龙, 谭千保, 钟毅平. 自我—他人重叠对认知共情的影响: 认知策略的调节作用 //心理研究. – 2014. – Т. 7. – № 6. – С. 43-47.
94. *Чжи Юнь, Бай Яньху.* Инновационные способности, толерантность к неопределенности и предпринимательская склонность // Управление исследованиями. – 2018. – Т. 39. –№ 6. – С. 226-235. 吉云, 白延虎. 创新能力, 不确定性容忍度与创业倾向 // 科研管理. – 2018. – Т. 39. –№ 6. – С. 226-235.
95. *Чжэн Сяньлян, Чжао Вэй.* Связь между эмпатией, самоэффективностью и онлайн-альтруизмом // Китайский журнал клинической психологии, – 2015. – Т. 23. – № 2. – С. 358-361.郑显亮, 赵薇. 共情, 自我效能感与网络利他行为的关系 //中国临床心理学杂志. – 2015. – Т. 23. – №. 2. – С. 358-361.
96. *Чэнь Лай.* Интерпретация и реконструкция - философский дух Ван Фунсана. - BEIJING BOOK CO. INC. – 2004.陈来. 诠释与重建——王船山的哲学精神. – BEIJING BOOK CO. INC. – 2004.
97. *Ян Шуда,* «Аналитики Конфуция». – Шанхай: Шанхайское издательство древних книг. –1986. – 4 с. 杨树达《论语疏证》. –上海: 上海古籍出版社, – 1986年, –页 4.
98. *Abe K., Niwa M., Fujisaki K., et al.* Associations between emotional intelligence, empathy and personality in Japanese medical students // BMC Medical Education. – 2018. – Vol. 18. – P. 1-9.
99. *Albani A., Ambrosini F., Mancini, G., et al.* Trait Emotional Intelligence and Self-regulated Learning in university students during the COVID-19 pandemic: the mediation role of Intolerance of Uncertainty and COVID-19 Perceived

- Stress // Personality and Individual Differences. – 2023. – Vol. 203. – P. 111999.
100. *Avsec A.* Do emotionally intelligent individuals use more adaptive decision-making styles? // *Studia Psychologica*. – 2012. – Vol. 54. – № 3. – P. 209.
 101. *Baiano C., Raimo G., Zappullo I., et al.* Empathy through the pandemic: changes of different emphatic dimensions during the COVID-19 outbreak // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2022. – Vol. 19. – № 4. – P. 2435.
 102. *Barrio V., Aluja A., García L. F.* Relationship between empathy and the Big Five personality traits in a sample of Spanish adolescents // *Social Behavior and Personality: an international journal*. – 2004. – Vol. 32. – № 7. – P. 677-681.
 103. *Bar-On R.* The Bar-On model of emotional intelligence: A valid, robust and applicable EI model // *Organisation & People*. – 2007. – Vol. 14. – №2. – P. 27–34.
 104. *Baron-Cohen S., Wheelwright S.* The empathy quotient: an investigation of adults with Asperger syndrome or high functioning autism, and normal sex differences // *Journal of autism and developmental disorders*. – 2004. – Vol. 34. – P. 163-175.
 105. *Batson C. D.* Prosocial motivation: Is it ever truly altruistic? // *Advances in Experimental Social Psychology*. – Academic Press. – 1987. – Vol. 20. – P. 65-122.
 106. *Batson C. D.* These things called empathy: eight related but distinct phenomena / *The social neuroscience of empathy* / In J. Decety & W. Ickes (Eds.) – M.: Boston Review. – 2009. – P. 3-15.
 107. *Beadle J. N., De la Vega C. E.* Impact of aging on empathy: Review of psychological and neural mechanisms // *Frontiers in Psychiatry*. – 2019. – Vol. 10. – P. 331.
 108. *Becerra R., Gainey K., Murray K., et al.* Intolerance of uncertainty and anxiety: The role of beliefs about emotions // *Journal of Affective Disorders*. – 2023. – Vol. 324. – P. 349-353.

109. *Becerra R., Preece D. A., Gross J. J.* Assessing beliefs about emotions: Development and validation of the Emotion Beliefs Questionnaire // *PLoS One*. – 2020. – Vol. 15. – № 4. – P. e0231395.
110. *Bird G., Viding E.* The self to other model of empathy: Providing a new framework for understanding empathy impairments in psychopathy, autism, and alexithymia // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. – 2014. – Vol. 47. – P. 520-532.
111. *Bochner S.* Cross-cultural differences in the self-concept: A test of Hofstede's individualism/collectivism distinction // *Journal of cross-cultural psychology*. – 1994. – Vol. 25. – № 2. – P. 273-283.
112. *Bozarth J. D.* Rogerian empathy in an organismic theory: A way of being / *The social neuroscience of empathy* / In J. Decety & W. Ickes (Eds.) – M.: Boston Review. – 2009. P. 101-112.
113. *Burnette J. L., O'boyle, E. H., VanEpps, E. M., et al.* Mind-sets matter: a meta-analytic review of implicit theories and self-regulation // *Psychological Bulletin*. – 2013. – Vol. 139. – № 3. – P. 655-701.
114. *Browne M. W., Cudeck R.* Alternative ways of assessing model fit / In K. A. Bollen & J. S. Long (Eds.) / *Testing structural equation models*. – Newbury Park, CA: Sage. – 1993. – P. 136-162.
115. *Carter C. S., Harris J., Porges S. W.* 13 Neural and Evolutionary Perspectives on Empathy / *The social neuroscience of empathy* / In J. Decety & W. Ickes (Eds.) – M.: Boston Review. – 2009. – P. 169-182.
116. *Chai Q., Li H., Tian W., et al.* A Framework for Assessing the Performance of Adaptively Reused Buildings from Users' Perspective: A Case Study of School Building // *Advances in Civil Engineering*. – 2022. – Vol. 2022. – P. 1339133.
117. *Chentsova-Dutton Y. E., Tsai J. L.* Self-focused attention and emotional reactivity: the role of culture // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2010. – Vol. 98. – № 3. – P. 507.
118. *Chen S. X., Cheung F. M., Bond M. H., et al.* Decomposing the construct of ambivalence over emotional expression in a Chinese cultural context // *European Journal of Personality*. – 2005. – Vol. 19. – № 3. – P. 185-204.

119. *Chen Y. C., Chen, C. C., Decety, J., et al.* Aging is associated with changes in the neural circuits underlying empathy // *Neurobiology of Aging*. – 2014. – Vol. 35. – № 4. – P. 827-836.
120. *Chiu C., Hong Y., Dweck C. S.* Lay dispositionism and implicit theories of personality // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1997. – Vol. 73. – № 1. – P. 19.
121. *Choi W. B., Chung D. S., Kang J. H., et al.* Fully sealed, high-brightness carbon-nanotube field-emission display // *Applied Physics Letters*. – 1999. – Vol. 75. – № 20. – P. 3129-3131.
122. *Choi D., Minot N., Sekiya T., et al.* Relationships between trait empathy and psychological well-being in Japanese university students // *Psychology*. – 2016. – Vol. 7. – № 9. – P. 1240.
123. *Chopik W. J., O'Brien E., Konrath S. H.* Differences in empathic concern and perspective taking across 63 countries // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2017. – Vol. 48. – № 1. – P. 23-38.
124. *Chung W., Chan S., Cassels T. G.* The role of culture in affective empathy: Cultural and bicultural differences // *Journal of Cognition and Culture*. – 2010. – Vol. 10. – № 3-4. – P. 309-326.
125. *Church A. T.* Culture and personality: Toward an integrated cultural trait psychology // *Journal of Personality*. – 2000. – Vol. 68. – № 4. – P. 651-703.
126. *Cikara M., Bruneau E. G., Van Bavel J. J., et al.* Their pain gives us pleasure: How intergroup dynamics shape empathic failures and counter-empathic responses // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2014. – Vol. 55. – P. 110-125.
127. *Cliffordson C.* The hierarchical structure of empathy: Dimensional organization and relations to social functioning // *Scandinavian Journal of Psychology*. – 2002. – Vol. 43. – № 1. – P. 49-59.
128. *Costa P., de Carvalho-Filho M. A., Schweller M., et al.* Measuring medical students' empathy: exploring the underlying constructs of and associations between two widely used self-report instruments in five countries // *Academic Medicine*. – 2017. – Vol. 92. – № 6. – P. 860-867.

129. *Cuff B. M. P., Brown S. J., Taylor L., et al.* Empathy: A review of the concept // *Emotion Review*. – 2016. – Vol. 8. – № 2. – P. 144-153.
130. *Davis M. H.*, A multidimensional approach to individual differences in empathy // *JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology* – 1980. – Vol. 10. – P. 85-104.
131. *Davis M. H.* Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1983. – Vol. 44. – № 1. – P. 113- 126.
132. *Davis M. H.* *Empathy: A social psychological approach*. – Routledge. –1996. – 270 p.
133. *De Waal F. B. M.* Putting the altruism back into altruism: The evolution of empathy // *Annu. Rev. Psychol.* – 2008. – Vol. 59. – P. 279-300.
134. *Decety J.* Human empathy // *Japanese Journal of Neuropsychology*. – 2006. – Vol. 22. – № 1. – P. 11-33.
135. *Decety J., Jackson P. L.* The functional architecture of human empathy // *Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews*. – 2004. – Vol. 3. – № 2. – P. 71-100.
136. *Decety J., Meyer M.* From emotion resonance to empathic understanding: A social developmental neuroscience account // *Development and Psychopathology*. – 2008. – Vol. 20. – № 4. – P. 1053-1080.
137. *Decety J., Lamm C.* Human empathy through the lens of social neuroscience // *The Scientific World Journal*. – 2006. – Vol. 6. – P. 1146-1163.
138. *Decety J., Lamm C.* Empathy versus personal distress: Recent evidence from social neuroscience // *The Social Neuroscience of Empathy*. – 2011. – P. 199-214.
139. *Decety J., Bartal I. B. A., Uzefovsky F., et al.* Empathy as a driver of prosocial behaviour: highly conserved neurobehavioural mechanisms across species // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. – 2016. – Vol. 371. – № 1686. – P. 20150077.
140. *Denham S. A.* Social cognition, prosocial behavior, and emotion in preschoolers: Contextual validation // *Child development*. – 1986. – P. 194-201.

141. *De Vignemont F., Singer T.* The empathic brain: how, when and why? // Trends in Cognitive Sciences. – 2006. – Vol. 10. – № 10. – P. 435-441.
142. *Di Girolamo M., Giromini, L., Winters, C. L., et al.* The questionnaire of cognitive and affective empathy: A comparison between paper-and-pencil versus online formats in Italian samples // Journal of Personality Assessment. – 2019. – Vol. 101. – № 2. – P. 159-170.
143. *Dugas M. J., Schwartz A., Francis K.* Brief report: Intolerance of uncertainty, worry, and depression // Cognitive Therapy and Research. – 2004. – Vol. 28. – C. 835-842.
144. *Dweck C. S., Chiu C., Hong Y.* Implicit theories and their role in judgments and reactions: A word from two perspectives // Psychological Inquiry. – 1995. – Vol. 6. – № 4. – P. 267-285.
145. *Dweck C. S., Leggett E. L.* A social-cognitive approach to motivation and personality // Psychological review. – 1988. – Vol. 95. – № 2. – P. 256-273.
146. *Dweck C. S.* Self-theories: Their role in motivation, personality, and development. – Psychology Press. – 2000. – 212 p.
147. *Dweck C. S.* Mindset: The new psychology of success. – Random house, – 2006. – 320 p.
148. *Eisenberg N.* Emotion, regulation, and moral development // Annual Review of Psychology. – 2000. – Vol. 51. – № 1. – P. 665-697.
149. *Eisenberg N., Eggum N. D.* Empathic responding: Sympathy and personal distress // The Social Neuroscience of Empathy. – 2009. – Vol. 6. – № 2009. – P. 71-830.
150. *Eisenberg N., Fabes R. A.* Prosocial behavior and empathy: A multimethod developmental perspective / In M. S. Clark (Ed.) / Prosocial behavior. – Newbury Park, CA: Sage. – 1991. – P. 34-61.
151. *Eisenberg N., Fabes R. A., Murphy B., et al.* The relations of children's dispositional empathy-related responding to their emotionality, regulation, and social functioning // Developmental Psychology. – 1996. – Vol. 32. – № 2. – P. 195-209.
152. *Eisenberg N., Lennon R.* Sex differences in empathy and related capacities // Psychological Bulletin. – 1983. – Vol. 94. – № 1. – P. 100.

153. *Eisenberg N., Miller P. A.* The relation of empathy to prosocial and related behaviors // *Psychological Bulletin.* – 1987. – Vol. 101. – № 1. – P. 91.
154. *Fan Y., Han S.* Temporal dynamic of neural mechanisms involved in empathy for pain: an event-related brain potential study // *Neuropsychologia.* – 2008. – Vol. 46. – № 1. – P. 160-173.
155. *Falk C. F., Heine S. J., Yuki M., et al.* Why do Westerners self-enhance more than East Asians? // *European Journal of Personality: Published for the European Association of Personality Psychology.* – 2009. – Vol. 23. – № 3. – P. 183-203.
156. *FeldmanHall O., Dalgleish T., Evans D., et al.* Empathic concern drives costly altruism // *Neuroimage.* – 2015. – Vol. 105. – P. 347-356.
157. *Fernandez A., Zahavi D.* Can we train basic empathy? A phenomenological proposal // *Nurse Education Today.* – 2021. – Vol. 98. – P. 104720.
158. *Franchin L.* Theory of Mind / In: Glăveanu, V.P. (eds) *The Palgrave Encyclopedia of the Possible.* Palgrave Macmillan, Cham. – 2022. – P.1 -6.
159. *Freeston M. H., Rhéaume J., Letarte H., et al.* Why do people worry? // *Personality and Individual Differences.* – 1994. – Vol. 17. – № 6. – P. 791-802.
160. *Furnham A.* How lay theories influence our mental health // *The science of lay theories: How beliefs shape our cognition, behavior, and health.* – 2017. – P. 355-374.
161. *Gagne J. R., Liew J., Nwadinobi O. K.* How does the broader construct of self-regulation relate to emotion regulation in young children? // *Developmental Review.* – 2021. – Vol. 60. – P. 100965.
162. *Gomez R., Brown T., Watson S., et al.* Confirmatory factor analysis and exploratory structural equation modeling of the factor structure of the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy (QCAE) // *PloS One.* – 2022. – Vol. 17. – № 2. – P. e0261914.
163. *Goodman F. R., Kashdan T. B., İmamoğlu A.* Valuing emotional control in social anxiety disorder: A multimethod study of emotion beliefs and emotion regulation // *Emotion.* – 2021. – Vol. 21. – № 4. – P. 842-855.

164. *Graziano W. G., Habashi M. M., Sheese B. E., et al.* Agreeableness, empathy, and helping: a person× situation perspective // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2007. – Vol. 93. – № 4. – P. 583-599.
165. *Greene J. D., Sommerville R. B., Nystrom L. E., et al.* An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science*. – 2001. – Vol. 293. – №. 5537. – P. 2105-2108.
166. *Greenberg D. M., Warrier V., Abu-Akel A., et al.* Sex and age differences in "theory of mind" across 57 countries using the English version of the "Reading the Mind in the Eyes" Test // *Proc Natl Acad Sci USA*. – 2023. – Vol. 3. – № 120. – P. e2022385119.
167. *Guo X., Wang Y., Chan R. C. K.* Mediating role of emotion regulation in the relationship between schizotypy and empathy // *PsyCh Journal*. – 2022. – Vol. 11. – № 3. – P. 335-343.
168. *Harari H., Shamay-Tsoory S. G., Ravid M., et al.* Double dissociation between cognitive and affective empathy in borderline personality disorder // *Psychiatry Research*. – 2010. – Vol. 175. – № 3. – P. 277-279.
169. *Hastie R. K., Dawes R. M.* *Rational Choice in an Uncertain World: The Psychology of Judgment and Decision Making*. 2nd ed. – SAGE Publication. – 2010. – 374 p.
170. *Hauser M.* *Wild minds: What animals really think*. – Macmillan. – 2001. – 336 p.
171. *Henet P. A., Givron H., Desseilles M.* Empathy in medical students: a rapid review of the literature in 10 key question // *Acta Psychiatrica Belgica*. – 2020. – Vol. 120. – № 3. – P. 38-48.
172. *Henrich J., Heine S. J., Norenzayan A.* Most people are not WEIRD // *Nature*. – 2010. – Vol. 466. – № 7302. – P. 29-29.
173. *Hoffman M. L.* Empathy and moral development // *The Annual Report of Educational Psychology in Japan*. – 1996. – Vol. 35. – P. 157-162.
174. *Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M.* *Cultures and Organizations: Software of the Mind*, 3rd ed. – New York. – 2010. – 576 p.
175. *Hojat M.* *Empathy in health professions education and patient care*. – Springer. – 2016. – 450 p.

176. *Hojat M., Gonnella, J. S., Mangione, S., et al.* Empathy in medical students as related to academic performance, clinical competence and gender // *Medical Education*. – 2002. – Vol. 36. – № 6. – P. 522-527.
177. *Hojat M., LaNoue M.* Exploration and confirmation of the latent variable structure of the Jefferson scale of empathy // *International Journal of Medical Education*. – 2014. – Vol. 5. – P. 73-81.
178. *Hojat M., Mangione S., Nasca T. J., et al.* The Jefferson Scale of Physician Empathy: development and preliminary psychometric data // *Educational and Psychological Measurement*. – 2001. – Vol. 61. – № 2. – P. 349-365.
179. *Hojat M., Zuckerman M., Magee M., et al.* Empathy in medical students as related to specialty interest, personality, and perceptions of mother and father // *Personality and Individual Differences*. – 2005. – Vol. 39. – № 7. – P. 1205-1215.
180. *Holtgraves T.* Styles of language use: Individual and cultural variability in conversational indirectness // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1997. – Vol. 73. – № 3. – P. 624-637.
181. *Hu X., Chen S. X., Zhang L., et al.,* Do Chinese traditional and modern cultures affect young adults' moral priorities? // *Frontiers in Psychology*. – 2018. – Vol. 9. – P. 1799.
182. *Huang D. D., Charter R. A.* The origin and formulation of Chinese character: an introduction to confucianism and its influence on Chinese behavior patterns // *Cultural Diversity and Mental Health*. – 1996. – Vol. 2. – № 1. – P. 35-42.
183. *Ibanez A., Huepe, D., Gempp, R., et al.* Empathy, sex and fluid intelligence as predictors of theory of mind // *Personality and Individual Differences*. – 2013. – Vol. 54. – № 5. – P. 616-621.
184. *Ingoglia S., Musso P., Inguglia C., et al.* Aligning personal and collective interests in emerging adults during the COVID-19 emergency in Italy // *Journal of Community Psychology*. – 2022. – Vol. 50. – № 5. – P. 2177-2197.
185. *Jonason P. K., Krause L.* The emotional deficits associated with the Dark Triad traits: Cognitive empathy, affective empathy, and alexithymia // *Personality and Individual Differences*. – 2013. – Vol. 55. – № 5. – P. 532-537.

186. *Jordan R. E., Adab P., Cheng K. K.* Covid-19: risk factors for severe disease and death // *Bmj*. – 2020. – Vol. 368. – P.368. – статья m1198.
187. *Kagitcibasi C.* Autonomy and relatedness in cultural context: Implications for self and family // *Journal of Cross-cultural Psychology*. – 2005. – Vol. 36. – № 4. – P. 403-422.
188. *Kahn R. E., Frick P. J., Golmaryami F. N., et al.* The moderating role of anxiety in the associations of callous-unemotional traits with self-report and laboratory measures of affective and cognitive empathy // *Journal of Abnormal Child Psychology*. – 2017. – Vol. 45. – P. 583-596.
189. *Kappes A., Schikowski A.* Implicit theories of emotion shape regulation of negative affect // *Cognition & emotion*. – 2013. – Vol. 27. – № 5. – P. 952-960.
190. *Karakulak A., Tepe, B., Dimitrova, R., et al.* Empathy, Fear of Disease and Support for COVID-19 Containment Behaviors: Evidence from 34 Countries on the Moderating Role of Governmental Trust. – 2023(preprint).
191. *Karyagina T. D., Chumakova M. A.* Empathy, Alexithymia, And Psychological Mindedness: The Latent Profile Analysis // *ICPE 2018-International Conference on Psychology and Education*. – 2018. – P. 263-274.
192. *Kim S. S., Kaplowitz S., Johnston M. V.* The effects of physician empathy on patient satisfaction and compliance // *Evaluation & the Health Professions*. – 2004. – Vol. 27. – № 3. – P. 237-251.
193. *Kitayama S., Markus H. R., Kurokawa M.* Culture, emotion, and well-being: Good feelings in Japan and the United States // *Cognition & Emotion*. – 2000. – Vol. 14. – № 1. – P. 93-124.
194. *Kneeland E. T., Nolen-Hoeksema S., Dovidio J. F., et al.* Beliefs about emotion's malleability influence state emotion regulation // *Motivation and Emotion*. – 2016. – Vol. 40. – P. 740-749.
195. *Kornilova T. V., Chumakova M. A., Izmailova A. M.* Implicit theories of intelligence and personality, attitudes towards uncertainty, and academic achievement in college students: cross-cultural study // *The Proceedings 3-rd International Academic Conference on Social Sciences*. – 2015. – P. 24-25.

196. Kornilova T., Zhou Q. Cross-cultural comparison of relationships between empathy and implicit theories of emotions (in Chinese and Russians) // Behavioral Sciences. – 2021. – Vol. 11. – № 10. – P. 137.
197. Köster M., Schuhmacher N., Kärtner J. A cultural perspective on prosocial development // Human Ethology Bulletin. – 2015. – Vol. 30. – № 1. – P. 71-82.
198. Kumar L., Skrzynski C. J., Creswell K. G. Meta-analysis of associations between empathy and alcohol use and problems in clinical and non-clinical samples // Addiction. – 2022. – Vol. 117. – № 11. – P. 2793-2804.
199. Laghi F., Lonigro A., Pallini S., et al. Emotion regulation and empathy: Which relation with social conduct? // The Journal of genetic psychology. – 2018. – Vol. 179. – № 2. – P. 62-70.
200. Ladouceur R., Gosselin P., Dugas M. J. Experimental manipulation of intolerance of uncertainty: A study of a theoretical model of worry // Behaviour research and therapy. – 2000. – Vol. 38. – № 9. – P. 933-941.
201. Laycraft K. C. Decision-making as a self-organizing process // Ann Cogn Sci. – 2019. – Vol. 3. – № 1. – P. 86-99.
202. Lehmann K., Böckler, A., Klimecki, O., et al. Empathy and correct mental state inferences both promote prosociality // Scientific Reports. – 2022. – Vol. 12. – № 1. – P. 16979.
203. Liang Y., Yang H. X., Ma Y. T., et al. Validation and extension of the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy in the Chinese setting // PsyCh Journal. – 2019. – Vol. 8. – № 4. – P. 439-448.
204. Liu J. H. F., Leong C. H., Huang S. Y., et al. Pandemic response: Vigilance, civic responsibility critical to East Asia's success // East Asia Forum Quarterly. – 2020. – Vol. 12. – № 2. – P. 29-31.
205. Lockwood P. L., Seara-Cardoso A., Viding E. Emotion regulation moderates the association between empathy and prosocial behavior // PloS One. – 2014. – Vol. 9. – № 5. – P. e96555.
206. Luan C. C., Chen T. H. Empathy from private or public self-consciousness in socially responsible consumption // Journal of Philanthropy and Marketing. – 2021. – Vol. 26. – № 3. – P. e1695.

207. *Markus H. R., Kitayama S.* Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // *Psychological Review*. – 1991. – Vol. 98. – № 2. – P. 224.
208. *Matsumoto D., Hwang H. S.* Culture and Emotion: The Integration of Biological and Cultural Contributions // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2011. – Vol. 43. – № 1. – P. 91-118.
209. *Mesquita B., Walker R.* Cultural differences in emotions: A context for interpreting emotional experiences // *Behaviour Research and Therapy*. – 2003. – Vol. 41. – № 7. – P. 777-793.
210. *Mitchell J. P., Banaji M. R., Macrae C. N.* The link between social cognition and self-referential thought in the medial prefrontal cortex // *Journal of Cognitive Neuroscience*. – 2005. – Vol. 17. – № 8. – P. 1306-1315.
211. *Montag C., Heinz, A., Kunz, D., et al.* Self-reported empathic abilities in schizophrenia // *Schizophrenia Research*. – 2007. – Vol. 92. – № 1. – P. 85-89.
212. *Montoya-Castilla I., de Jesús Cardona-Isaza A., Jiménez S. V.* Decision-making styles in adolescent offenders and non-offenders: Effects of emotional intelligence and empathy // *Anuario de Psicología Jurídica*. – 2021. – Vol. 32. – № 1. – P. 51-60.
213. *Myszkowski N., Brunet-Gouet E., Roux P., et al.* Is the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy measuring two or five dimensions? Evidence in a French sample // *Psychiatry Research*. – 2017. – Vol. 255. – P. 292-296.
214. *Nasello J. A., Dardenne, B., Blavier, et al.* Does empathy predict decision-making in everyday trolley-like problems? // *Current Psychology*. – 2021. – P. 1-14.
215. *Nelson M. S. A. M., Civljak A. P. D. K., Mitchell H.* Priorities during the Covid-19 pandemic: perspectives, decision-making, and empathy // 11–13 OCTOBER 2021. Online Exclusive Event. – 2021. – P. 341.
216. *Nourkova V.* Cultural patterns in autobiographical memory of childhood: Comparison of Chinese, Russian, and Uzbek samples // *PsyCh Journal*. – 2020. – Vol. 9. – № 6. – P. 832-852.
217. *Nylund K. L., Asparouhov T., Muthén B. O.* Deciding on the number of classes in latent class analysis and growth mixture modeling: A Monte Carlo

- simulation study // *Structural equation modeling: A multidisciplinary Journal*. – 2007. – Vol. 14. – № 4. – P. 535-569.
218. *Ogle J., Bushnell J. A., Caputi P.* Empathy is related to clinical competence in medical care // *Medical education*. – 2013. – Vol. 47. – № 8. – P. 824-831.
219. *O'Brien E., Konrath S. H., Grühn D., et al.* Empathic concern and perspective taking: Linear and quadratic effects of age across the adult life span // *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. – 2013. – Vol. 68. – № 2. – P. 168-175.
220. *Olderbak S., Wilhelm O.* Emotion perception and empathy: An individual differences test of relations // *Emotion*. – 2017. – Vol. 17. – № 7. – P. 1092.
221. *Paciello M., Fida R., Cerniglia L., et al.* High cost helping scenario: The role of empathy, prosocial reasoning and moral disengagement on helping behavior // *Personality and Individual Differences*. – 2013. – Vol. 55. – № 1. – P. 3-7.
222. *Pessoa L., Padmala S., Morland T.* Fate of unattended fearful faces in the amygdala is determined by both attentional resources and cognitive modulation // *Neuroimage*. – 2005. – Vol. 28. – № 1. – P. 249-255.
223. *Peng K., Nisbett R. E.* Culture, dialectics, and reasoning about contradiction // *American Psychologist*. – 1999. – Vol. 54. – № 9. – P. 741.
224. *Peng K., Nisbett R. E.* Dialectical responses to questions about dialectical thinking // *American Psychologist*. – 2000. – Vol. 55. – № 9. – P. 1067-1068.
225. *Penner L. A., Dovidio J. F., Piliavin J. A., et al.* Prosocial behavior: Multilevel perspectives // *Annu. Rev. Psychol.* – 2005. – Vol. 56. – P. 365-392.
226. *Petrides K. V., Furnham A.* Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established trait taxonomies // *European Journal of Personality*. – 2001. – Vol. 15. – № 6. – P. 425-448.
227. *Pfattheicher S., Nockur L., Böhm R., et al.* The emotional path to action: Empathy promotes physical distancing and wearing of face masks during the COVID-19 pandemic // *Psychological Science*. – 2020. – Vol. 31. – № 11. – P. 1363-1373.
228. *Powell P. A.* Individual differences in emotion regulation moderate the associations between empathy and affective distress // *Motivation and Emotion*. – 2018. – Vol. 42. – № 4. – P. 602-613.

229. *Preckel K., Kanske P., Singer T.* On the interaction of social affect and cognition: empathy, compassion and theory of mind // *Current Opinion in Behavioral Sciences.* – 2018. – Vol. 19. – P. 1-6.
230. *Premack D., Woodruff G.* Does the chimpanzee have a theory of mind? // *Behavioral and Brain Sciences.* – 1978. – Vol. 1. – № 4. – P. 515-526.
231. *Preston S. D., Hofelich A. J.* The many faces of empathy: Parsing empathic phenomena through a proximate, dynamic-systems view of representing the other in the self // *Emotion Review.* – 2012. – Vol. 4. – № 1. – P. 24-33.
232. *Prichard E. C., Turner K. A.* Authoritarianism, psychopathy, and resistance to wearing masks during the COVID-19 pandemic: A partial replication and extension of key findings // *Frontiers in Psychology.* – 2023. – P.1049660.
233. *Qiu J., Shen B., Zhao M., et al.* A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: implications and policy recommendations // *General Psychiatry.* – 2020. – Vol. 33. – № 2. – P. 100213.
234. *Queirós A., Fernandes, E., Reniers, R., et al.* Psychometric properties of the questionnaire of cognitive and affective empathy in a Portuguese sample // *PloS One.* – 2018. – Vol. 13. – № 6. – P. e0197755.
235. *Rankin K. P., Kramer J. H., Miller B. L.* Patterns of cognitive and emotional empathy in frontotemporal lobar degeneration // *Cognitive and Behavioral Neurology.* – 2005. – Vol. 18. – № 1. – P. 28-36.
236. *Reniers R. L., Corcoran, R., Drake, R., et al.* The QCAE: A questionnaire of cognitive and affective empathy // *Journal of Personality Assessment.* – 2011. – Vol. 93. – № 1. – P. 84-95.
237. *Ross M., Xun W. Q. E., Wilson A. E.* Language and the bicultural self // *Personality and Social Psychology Bulletin.* – 2002. – Vol. 28. – № 8. – P. 1040-1050.
238. *Riess H., Kelley J. M., Bailey R. W., et al.* Empathy training for resident physicians: a randomized controlled trial of a neuroscience-informed curriculum // *Journal of General Internal Medicine.* – 2012. – Vol. 27. – № 10. – P. 1280-1286.
239. *Sa B., Ojeh N., Majumder M. A. A., et al.* The relationship between self-esteem, emotional intelligence, and empathy among students from six health

- professional programs // *Teaching and Learning in Medicine*. – 2019. – Vol. 31. – № 5. – P. 536-543.
240. Şakir G., Büyükkavşar A., Iyisoy M. S., et al. Psychometric properties of questionnaire of cognitive and affective empathy (QCAE): reliability and factor analysis study in Turkish sample // *Archives of Neuropsychiatry*. – 2021. – Vol. 58. – № 3. – P. 228.
241. Sarrionandia A., Mikolajczak M. A meta-analysis of the possible behavioural and biological variables linking trait emotional intelligence to health // *Health Psychology Review*. – 2020. – Vol. 14. – № 2. – P. 220-244.
242. Schreiter S., Pijnenborg G. H. M., Rot M. Empathy in adults with clinical or subclinical depressive symptoms // *Journal of Affective Disorders*. – 2013. – Vol. 150. – № 1. – P. 1-16.
243. Schumann K., Zaki J., Dweck C. S. Addressing the empathy deficit: beliefs about the malleability of empathy predict effortful responses when empathy is challenging // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2014. – Vol. 107. – № 3. – P. 475.
244. Schulte-Rüther M., Markowitsch H. J., Shah N. J., et al. Gender differences in brain networks supporting empathy // *Neuroimage*. – 2008. – Vol. 42. – № 1. – P. 393-403.
245. Shanafelt T. D., West C., Zhao X., et al. Relationship between increased personal well-being and enhanced empathy among internal medicine residents // *Journal of General Internal Medicine*. – 2005. – Vol. 20. – № 7. – P. 559-564.
246. Shi M., Du T. Associations of emotional intelligence and gratitude with empathy in medical students // *BMC Medical Education*. – 2020. – Vol. 20. – № 1. – P. 1-8.
247. Shu J., Ochsner K. N., Phelps E. A. Trait Intolerance of Uncertainty Is Associated with Decreased Reappraisal Capacity and Increased Suppression Tendency // *Affective Science*. – 2022. – Vol. 3. – № 3. – P. 528-538.
248. Singer T. The neuronal basis and ontogeny of empathy and mind reading: review of literature and implications for future research // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. – 2006. – Vol. 30. – № 6. – P. 855-863.

249. *Singer T., Seymour B., O'Doherty J. P., et al.* Empathic neural responses are modulated by the perceived fairness of others // *Nature*. – 2006. – Vol. 439. – № 7075. – P. 466-469.
250. *Song Y., Shi M.* Associations between empathy and big five personality traits among Chinese undergraduate medical students // *PLoS ONE*. – 2017. – Vol. 12. – №2. P. 0171665.
251. *Specht J., Luhmann M., Geiser C.* On the consistency of personality types across adulthood: latent profile analyses in two large-scale panel studies // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2014. – Vol. 107. – № 3. – P. 540.
252. *Spokas M., Luterek J. A., Heimberg R. G.* Social anxiety and emotional suppression: The mediating role of beliefs // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. – 2009. – Vol. 40. – № 2. – P. 283-291.
253. *Sun J., Ryder A. G.* The Chinese experience of rapid modernization: Sociocultural changes, psychological consequences? // *Frontiers in Psychology*. – 2016. – Vol. 7. – P. 00477.
254. *Tamir M., John O. P., Srivastava S., et al.* Implicit theories of emotion: affective and social outcomes across a major life transition // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2007. – Vol. 92. – № 4. – P. 731-744.
255. *Tullett A. M., Plaks J. E.* Testing the link between empathy and lay theories of happiness // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2016. – Vol. 42. – № 11. – P. 1505-1521.
256. *Van Baaren R. B., Decety J., Dijksterhuis A., et al.* Being imitated: Consequences of nonconsciously showing empathy // *The Social Neuroscience of Empathy*. – 2009. – P. 31-42.
257. *Vetlesen A. J.* Perception, empathy, and judgment: An inquiry into the preconditions of moral performance. – Penn State Press, 2012. – 404 p.
258. *Vize C. E., Lynam D. R., Collison K. L., et al.* Differences among dark triad components: A meta-analytic investigation // *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*. – 2018. – Vol. 9. – № 2. – P. 101-111.
259. Web Reference 1, 2020. <https://www.hofstede-insights.com>

260. *Weisz E., Cikara M.* Strategic regulation of empathy // Trends in Cognitive Sciences. – 2021. – Vol. 25. – № 3. – P. 213-227.
261. *Wilms R., Lanwehr R., Kastenmüller A.* Emotion regulation in everyday life: The role of goals and situational factors // Frontiers in Psychology. – 2020. – Vol. 11. – P. 11:877.
262. *Wu S., Keysar B.* The effect of culture on perspective taking // Psychological Science. – 2007. – Vol. 18. – № 7. – P. 600-606.
263. *Yang Y., Tang Y., Peng W., et al.* Empathy: The genetics-environment-endocrine-brain mechanism // Chinese Science Bulletin. – 2017. – Vol. 62. – № 32. – P. 3729-3742.
264. *Yang K. S., Bond M. H.* The psychological transformation of the Chinese people as a result of societal modernization / In M. H. Bond (Ed.), Handbook of Chinese psychology. – 1996. – Hong Kong: Oxford University Press. – P. 479-498.
265. *Zaki J., Cikara M.* Addressing empathic failures // Current Directions in Psychological Science. – 2015. – Vol. 24. – № 6. – P. 471-476.
266. *Zettler I., Schild C., Lilleholt L., et al.* The Role of Personality in COVID-19-Related Perceptions, Evaluations, and Behaviors: Findings Across Five Samples, Nine Traits, and 17 Criteria // Social Psychological and Personality Science. – 2022. – Vol. 13. – № 1. – P. 299-310.
267. *Zhao Q., Neumann D. L., Cao, Y., et al.* Culture–sex interaction and the self-report empathy in Australians and mainland Chinese // Frontiers in Psychology. – 2019. – Vol. 10. – P. 00396.
268. *Zhao Q., Neumann D. L., Yan C., et al.* Culture, sex, and group-bias in trait and state empathy // Frontiers in Psychology. – 2021. – Vol. 12. – P. 561930.
269. *Zhou N., Wang, D., Chasson, G. S., et al.* Psychometric properties of the Chinese Empathy and Systemizing Quotients in a non-clinical sample // Current Psychology. – 2020. – P. 1-12.
270. *Zirenko M. S.* Implicit theories of intelligence and personality: relations to intelligence, motivation and personality // Journal of Higher School of Economics. – 2018. – Vol. 15. – P. 39-53.

271. *Zirenko M., Kornilova T. V.* Individual differences in decisions on physical distancing during the Covid-19 pandemic // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. – 2021. – Vol. 18. – № 2. – P. 276–286.
272. *Zirenko M., Kornilova T., Qiuqi Zh., Izmailova A.* Personality regulation of decisions on physical distancing: Cross-cultural comparison (Russia, Azerbaijan, China) // Personality and Individual Differences. – 2021. – Vol. 170. – P. 110418.
273. *Zirenko M. S., Krasavtseva Y. V.* Tolerance of uncertainty and emotional intelligence as predictors of empathy // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 119. – P. 662-668.

Приложения

Приложение 1.

Таблица 1 - Матрица факторных нагрузок пунктов опросника QCAE (после косоугольного вращения) по результатам ЭФА для данных китайской выборки

Пункты опросника	Факторы			
	1	2	3	4
26. Я могу определить, когда кто-то прячет свои истинные эмоции.	0.753			
27. Я хорошо предсказываю, как поведет себя человек.	0.746			
25. Мне легко понять, о чем хочет поговорить другой человек.	0.711			
19. Я могу легко угадать, что почувствует другой человек.	0.709			
16. Я быстро улавливаю, если кто-то говорит одно, а подразумевает другое.	0.593			
21. Я часто слышу от окружающих, что я хорошо понимаю их чувства и мысли.	0.549			
15. Я с легкостью могу определить, хочет ли другой человек включиться в беседу.	0.531			
20. Я сразу замечаю, когда кто-то в моем окружении чувствует себя не в своей тарелке (некомфортно).	0.459			
23. Друзья рассказывают мне о своих проблемах, потому что считают меня очень понимающим человеком.	0.44			
18. Мне легко поставить себя на место другого человека.	0.437			
22. Я легко могу определить, когда кому-то интересно или скучно меня слушать.	0.386		-0.356	

9. Люди вокруг меня сильно влияют на мое настроение.		0.754		
10. Я сильно эмоционально сопереживаю, если кто-то из моих друзей огорчен.		0.738		
8. Я склонен/-на нервничать, когда окружающие люди выглядят взволнованными.		0.707		
13. Я счастлив/-а, когда я в веселой компании и грущу, когда окружающие хмурые.		0.635		
12. Я очень расстраиваюсь, если вижу, что кто-то плачет.		0.628		
7. Я часто эмоционально вовлекаюсь в проблемы своих друзей.		0.596		
14. Я сам/-а начинаю волноваться, когда люди вокруг меня обеспокоены или паникуют.		0.577		
11. Для меня естественно глубоко погружаться в мир переживаний персонажа пьесы, фильма или романа.		0.571		
4. Иногда я стараюсь лучше понять моих друзей, взглянув на происходящее их глазами.			-0.796	
3. Прежде чем принять решение, я стараюсь принять во внимание аргументы других сторон в споре.			-0.775	
6. Прежде чем критиковать кого-то, я пытаюсь представить, что бы я испытывал на его месте.			-0.71	
5. Когда кто-то расстраивает меня, я стараюсь поставить себя на его/ее место.			-0.676	
30. Я всегда стараюсь учитывать чувства других людей, прежде чем что-то сделать.			-0.541	
			-0.494	

31. Прежде чем что-то сделать, я стараюсь учесть, как среагируют на это мои друзья.				
28. Я обычно уважительно отношусь к чужой точке зрения, даже если я с ней не согласен/-сна.			-0.445	
24. Я способен/-на почувствовать, когда слишком лезу кому-то в душу, даже если человек этого не говорит.	0.314		-0.356	
29. Я обычно эмоционально отстранен/-а, когда смотрю фильм.				0.707
2. Обычно, когда я смотрю фильм или пьесу, я сохраняю отстраненную позицию и не вовлекаюсь полностью.				0.66
17. Мне трудно понять, почему люди так сильно расстраиваются из-за некоторых вещей.				0.543
1. Порой мне трудно смотреть на вещи с точки зрения другого человека.				0.518

Приложение 2.

Опросник Когнитивной и Аффективной эмпатии на китайском языке

请判断每个句子在多大程度上符合你的情况，然后在相应的框内上画上圆圈或打钩。

非常 不同 意	有些 不同 意	有些 同意	非常 同意
1	2	3	4

1. 有时候我发现我很难从别人的角度去看问题。

1	2	3	4
---	---	---	---

2. 我观影或看剧的时候通常都很客观，不会完全身陷其中。

1	2	3	4
---	---	---	---

3. 如果有分歧，我会尽量考虑各方的立场，然后再做决定。

1	2	3	4
---	---	---	---

4. 为了更好地理解朋友，有时候我会试着从他们的角度去考虑问题。

1	2	3	4
---	---	---	---

5. 当我对某人很心烦的时候，我常常试着站在他们的角度去想一下。

1	2	3	4
---	---	---	---

6. 在批评别人之前，我会试着去想，如果被批评的是我，我会是什么感受。

1	2	3	4
---	---	---	---

7. 对于朋友们的困难，我情绪上经常被卷进去。

1	2	3	4
---	---	---	---

8. 看到身边的人紧张，我也容易紧张。

1	2	3	4
---	---	---	---

9. 身边的人对我的心情影响很大。

1	2	3	4
---	---	---	---

10. 当有朋友看起来心烦意乱，我也会受到很大影响。

1	2	3	4
---	---	---	---

11. 我经常深深地卷入到电影、戏剧或小说人物的情感当中。

1	2	3	4
---	---	---	---

12. 我与快乐的人在一起时会感到快乐，与忧伤的人在一起时会感到悲伤。

1	2	3	4
---	---	---	---

13. 看到别人担心和惊慌，也会让我担心。

1	2	3	4
---	---	---	---

14. 我可以很容易地判断出其他人是否想加入聊天。

1	2	3	4
---	---	---	---

15. 我可以很快明白别人是否话里有话。

1	2	3	4
---	---	---	---

16. 我很难理解为什么有些事情会让人们感到特别心烦。

1	2	3	4
---	---	---	---

17. 我发现站在别人的角度去看问题，对我来说很容易。

1	2	3	4
---	---	---	---

18. 我擅长预测他人接下来会有什么感受。

1	2	3	4
---	---	---	---

19. 当一群人中有谁感到尴尬或不自在，我很快就发现。

1	2	3	4
---	---	---	---

20. 别人说我善于理解他们的感受和想法。

1	2	3	4
---	---	---	---

21. 我能很容易地判断出别人是对我所说的话感兴趣，还是觉得无聊。

1	2	3	4
---	---	---	---

22. 朋友们会告诉我他们遇到的问题，因为他们说我理解能力很强。

1	2	3	4
---	---	---	---

23. 我能察觉出我是否打搅了别人, 即使他们不说。

1	2	3	4
---	---	---	---

24. 我可以很容易地判断出另一个人可能想要谈论些什么。

1	2	3	4
---	---	---	---

25. 我可以分辨出某人是否在掩饰自己的真实情感。

1	2	3	4
---	---	---	---

26. 我擅长预测别人接下来将会做些什么。

1	2	3	4
---	---	---	---

27. 我通常会重视别人提出的见解, 即便我并不赞同。

1	2	3	4
---	---	---	---

28. 看电影时, 我通常能够置身其外, 保持情感中立。

1	2	3	4
---	---	---	---

29. 做事情之前, 我总是尽量考虑其他人的感受。

1	2	3	4
---	---	---	---

30. 做事情之前, 我会尽量考虑朋友们将会对此事有何反应。

1	2	3	4
---	---	---	---

31. 当看到别人哭泣时, 我也会感到非常心烦意乱。

1	2	3	4
---	---	---	---

Переведено по: Wang X.S., Su Y.J. (2019). Revision of QCAE empathy scale for Chinese adolescents. *Psychology: Techniques and Application*, 7(9), 536–547. doi:10.16842/j.cnki.issn2095-5588.2019.09.003

Ключ к китайской версии опросника Когнитивной и аффективной эмпатии (QCAE)

Для шкалы *Когнитивная эмпатия* суммируются пункты субшкал Децентрация и Подстройка:

Децентрация: 15, 16, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27.

Подстройка: *1, 3, 4, 5, 6, 18, 28, 30, 31.

Для шкалы *Аффективная эмпатия* суммируются пункты субшкал Эмоциональная заразительность и Периферическая чувствительность:

Эмоциональная заразительность: 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 23.

Периферическая чувствительность: *2, 11, *17, *29.

Примечание: * означает инверсию балла (пункты: 1, 2, 17, 29).

Опросник Когнитивной и Аффективной эмпатии на русском языке

1. Порой мне трудно смотреть на вещи с точки зрения другого человека.
2. Обычно, когда я смотрю фильм или пьесу, я сохраняю отстранённую позицию и не вовлекаюсь полностью.
3. Прежде чем принять решение, я стараюсь принять во внимание аргументы других сторон в споре.
4. Иногда я стараюсь лучше понять моих друзей, взглянув на происходящее их глазами.
5. Когда кто-то расстраивает меня, я стараюсь поставить себя на его/её место.
6. Прежде чем критиковать кого-то, я пытаюсь представить, что бы я испытывал на его месте.
7. Я часто эмоционально вовлекаюсь в проблемы своих друзей.
8. Я склонен/-на нервничать, когда окружающие люди выглядят взволнованными.
9. Люди вокруг меня сильно влияют на моё настроение.
10. Я сильно эмоционально сопереживаю, если кто-то из моих друзей огорчён.
11. Для меня естественно глубоко погружаться в мир переживаний персонажа пьесы, фильма или романа.
12. Я очень расстраиваюсь, если вижу, что кто-то плачет.

13. Я счастлив/-а, когда я в весёлой компании и грущу, когда окружающие хмурые.
14. Я сам/-а начинаю волноваться, когда люди вокруг меня обеспокоены или паникуют.
15. Я с лёгкостью могу определить, хочет ли другой человек включиться в беседу.
16. Я быстро улавливаю, если кто-то говорит одно, а подразумевает другое.
17. Мне трудно понять, почему люди так сильно расстраиваются из-за некоторых вещей.
18. Мне легко поставить себя на место другого человека.
19. Я могу легко угадать, что почувствует другой человек.
20. Я сразу замечаю, когда кто-то в моём окружении чувствует себя не в своей тарелке (некомфортно).
21. Я часто слышу от окружающих, что я хорошо понимаю их чувства и мысли.
22. Я легко могу определить, когда кому-то интересно или скучно меня слушать.
23. Друзья рассказывают мне о своих проблемах, потому что считают меня очень понимающим человеком.
24. Я способен/-на почувствовать, когда слишком лезу кому-то в душу, даже если человек этого не говорит.
25. Мне легко понять, о чём *эмпатии* хочет поговорить другой человек.
26. Я могу определить, когда кто-то прячет свои истинные эмоции.
27. Я хорошо предсказываю, как поведёт себя человек.
28. Я обычно уважительно отношусь к чужой точке зрения, даже если я с ней не согласен/-сна.
29. Я обычно эмоционально отстранён/-а, когда смотрю фильм.
30. Я всегда стараюсь учитывать чувства других людей, прежде чем что-то сделать.
31. Прежде чем что-то сделать, я стараюсь учесть, как будут реагировать на это мои друзья.

Приложение 3.

Опросник С. Баднера на китайском языке

请你根据下面的话选择自己对这句话判断。

1	2	3	4	5	6	7
完全不同 意	不同意	比较不同 意	中立	比较同意	同意	完全同意

每个句子，只有一个选项。没有对错之分，请选择你的第一直觉。谢谢！

	1	2	3	4	5	6	7
1. 一个不能给予准确答案的专家，可能了解的并不是很多。							
2. 那些不怕创新和特立独行的人，往往是最有趣的和能引领别人的人。							
3. 好的工作是指什么都很清晰明了的工作，例如做什么，怎么做。							
4. 好的老师，是能让你更深入思考人生的人。							
5. 熟悉的总比未知的更易让人接受。							
6. 一个安稳度过一生的人（没有什么特别的意外和惊喜），需要感激的更多。							
7. 我想要去国外生活一段时间。							
8. 我们能越快达成共识越好。							
9. 我更乐于参加熟人在一起的晚会，而不是大多数人或者全部都是陌生人的聚会							
10. 大部分按部就班生活的人，可能失去了很多生活中的乐趣。							
11. 钻研复杂的问题，总比解决简单的问题更有乐趣。							
12. 真的没有什么问题是无法解决的							

13. 总是执着的追求“是”或者“不是”的答案，这样的人，并不了解问题的复杂性。							
14. 我们很多重要的决定都是建立在不充分的信息基础上的。							
15. 从长远来看，解决小而简单的问题，有可能比解决大而复杂的问题得到的更多。							
16. 给不清楚不明确的任务的老师，给人一个展示自己主动性和创造性的机会。							

Опросник С. Баднера на русском языке

(по : Корнилова, Чумакова, 2014)

п/п	Вопрос	1	2	3	4	5	6	7
1	Эксперт, кто не может дать определенный ответ, может не знать много.							
2	В самом деле нет ни каких проблем, которые не могут быть решены.							
3	Хорошая работа – когда выполняешь все ясно и понятно, зная что делать и как это делать.							
4	В долгосрочной перспективе, решение небольших и простых проблем может принести больше, чем решение больших и сложных проблем.							
5	Известные всегда более приемлемы, чем неизвестные.							
6	Человек, который проводит свою жизнь в мире (без особых сюрпризов или неожиданностей), должен быть более благодарным.							
7	Мне лучше пойти на вечеринку со знакомыми, чем попасть на вечеринку, где почти ни с кем не знаком.							
8	Чем раньше мы сможем достичь консенсуса, тем лучше.							

9	Мне хочется пожить за границей на некоторое время.								
10	Большинство людей, которые живут по заведённому порядку, могут потерять много удовольствий в жизни.								
11	Погружаться в изучение сложных проблем всегда интереснее, чем решать простые проблемы.								
12	Те, кто не боятся инноваций и индивидуалистов, зачастую люди интересные и способны руководить другими.								
13	Человек, кто всегда настойчив в поисках ответа «да» или «нет», не понимает сложности проблемы.								
14	Многие из наших важных решений основаны на недостаточной информации.								
15	Хороший воспитатель - это тот, кто может заставить вас глубже задуматься о жизни.								
16	Учитель, дающий неясные задачи, дает людям возможность проявить свою инициативу и уникальность.								

Ключ:

Толерантность к неопределенности

2, 4, 7, 10, 11, 13, 14, 16.

Интолерантность к неопределенности

1, 3, 5, 6, 8, 9, 15, 12.

Приложение 4.

Шкала имплицитных теорий личности на китайском языке и на русском языках

Шкала ИТ личности на китайском языке

1	2	3	4	5	6
绝对同意	同意	完全同意	完全不同意	不同意	绝对不同意

1. 每个人所有的人格类型是他的基本属性，不能发生显著变化
2. 人们总是可以很大程度上的改变他们的个性类型。
3. 人们会做出不同的行为，但所构成他们的基本组成部分不会发生重大变化。
4. 诸如“您无法教老狗新花样”的这种让人不愉快认知一样，人们无法显著改变他们的深层属性。
5. 每个人都代表某种类型的个性，并且几乎无法真正改变它。
6. 无论某人是什么样的人格类型，他总能很大程度上地改变自己。
7. 每个人，无论他是谁，都可以极大程度地改变他的基本特性。
8. 所有人都可以改变他们最深层次的素质。

Ключ:

Инкрементальные ИТЛ 2, 6, 7, 8.

Константные ИТЛ 1, 3, 4, 5.

Шкала ИТ личности на русском языке

(по: Корнилова и др., 2015)

1. Тип личности, присущий человеку, является его фундаментальным свойством, которое не может быть значительно изменено.

2. Люди всегда могут значительно изменить свой тип личности.
3. Люди могут поступать по разному, но существенные компоненты того, что они собой представляют, не могут быть значительно изменены.
4. Как это ни неприятно признать, вы не можете научить старую собаку новым трюкам. Люди не могут существенно изменить свои глубинные свойства.
5. Каждый человек представляет собой определенный тип личности и мало что можно сделать, чтобы реально изменить его.
6. Независимо от того, к какому типу личности кто-то относится, он всегда может значительно изменить себя.
7. Каждый, кем бы он ни был, может в значительной степени изменить свои фундаментальные характеристики.
8. Все люди могут изменять даже самые глубинные свои качества.

Приложение 5.

Шкала имплицитных теорий эмоций на китайском и на русском языках

Шкала ИТЭ на китайском языке

- (1). 每个人都可以学会控制自己的情绪
- (2). 如果人们想，他们就能改变自己的情绪。
- (3). 无论他们多么努力，人们都无法真正改变他们的情绪
- (4). 事实是，人们无法控制自己的情绪

Ключи к шкале ИТЭ: Контролируемые ИТЭ: 1, 2. Константные ИТЭ: 3, 4,

Шкала ИТЭ на русском языке

1. Каждый может научиться контролировать свои эмоции.
2. Люди могут изменить свои эмоции, если захотят.
3. Как бы они ни старались, люди не могут реально изменить свои эмоции.
4. Правда в том, что люди не могут контролировать свои эмоции.

Приложение 6.

Вербальные задачи о ношении маски в ситуации COVID-19

Примеры вербальных задач о ношении масок на китайском языке

(1) 当您必须去商店或其他拥挤的地方时，您会：

- 1、戴上口罩，因为您要保护自己（我可能会被别人感染）
- 2、戴上口罩，因为您有可能是无症状感染者，我自己也不知道，我得戴口罩，因为我不想无意中传染给别人。
- 3、不戴口罩，因为您不害怕感染上病毒。
- 4、不戴口罩，因为您不担心给别人传染这个病毒

(5) 当您必须去商店或其他拥挤的地方时，您会：

- 1、戴上口罩，因为您认为有很大的可能性将该病毒传染给别人（或许您是无症状感染者）
- 2、戴上口罩，由于您是一个守法的人，并且遵守社会规则（与是否存在感染风险无关）
- 3、不戴口罩，尽管您认同被病毒感染的风险非常大，但是去还是不去冒险是您个人的事情。
- 4、不戴口罩，因为您认为您被感染的风险非常小，而且很可能不会影响到您。

Примеры вербальных задач о ношении масок на русском языке

(по: Корнилова и др., 2021)

Инструкция. Вы берите из четырех возможных ответов в ситуации тот, который будет соответствовать вашим действиям и обоснованиям.

Ситуация 1.

Когда вам нужно пойти в магазин или другое людное место, вы будете:

А: Надену маску.

- 1) Потому что я хочу защитить себя (меня могут заразить другие).
- 2) Поскольку я могу быть бессимптомным инфицированным человеком, я сам об этом не знаю. Мне приходится носить маску, потому что я не хочу нечаянно заражать других.

В: Не надену маску:

- 1) Потому что я не боюсь заразиться вирусом.
- 2) Потому что я не беспокоюсь о распространении этого вируса среди других.

Ситуация 5.

Когда вам нужно пойти в магазин или другое тесное место, вы будете:

А: Надену маску.

- 1) Поскольку считаю, что существует высокая вероятность передачи вируса другим людям (возможно, вы больны бессимптомно)
- 2) Потому что я законопослушный человек и соблюдаю социальные правила (это не связано с риском заражения).

В: Не надену маску.

- 1) Несмотря на то, что согласен с тем, что риск заражения вирусом очень высок; но рисковать или нет - это мое личное дело.
- 2) Потому что думаю, что у меня мала вероятность заразиться.

Приложение 7.

Вербальные задачи В житейских ситуациях

情景一：在你面前，你有好感的一个人受到侮辱或谴责。如果你支持他，你就有失去公司的人的信任的风险。

- 1) 我会沉默，因为每个人都应该为自己辩护。
- 2) 我什么都不会说，因为我不想被公司的人拒绝。
- 3) 我会说情，即使我的意见与大多数人的意见不同，因为有“保护弱者”的规则。
- 4) 即使我的意见与大多数人的意见不同，我也会进行干预，因为我对这个人有好感。

Ситуация 1:

В вашем присутствии оскорбляют или осуждают другого человека, который вам симпатичен. Если вы вступитесь за него, то рискуете потерять доверие своей компании.

1. Промолчу, каждый должен отстаивать себя сам.	1—2—3—4—5—6—7
2. Промолчу, потому что не хочу быть отвергнутым компанией.	1—2—3—4—5—6—7
3. Вступлюсь, даже если мое мнение расходится с мнением большинства, потому что есть правило «защищать слабых».	1—2—3—4—5—6—7
4. Вступлюсь, даже если мое мнение расходится с мнением большинства, потому что этот человек мне приятен.	1—2—3—4—5—6—7

情景二

会冒着可能冒犯他的风险诚实地表达你的意见。

- 1) 你的好朋友告诉你一个冲突情况，他是冲突的罪魁祸首。尽管他错了，你会支持他的立场，还是我会支持他的立场，不发表自己的意见，以免他生气。
- 2) 我会支持他的立场，不发表自己的意见，以免失去和他的友谊。
- 3) 我会表达我的意见，因为对于我来说这样是诚实的。
- 4) 我会发表我的意见，因为这样有可能对朋友将来有好处。

Ситуация 2:

Ваш близкий друг рассказывает вам про конфликтную ситуацию, где он был виновником конфликта. Поддержите вы его позицию несмотря на то, что он неправ, или же выскажете честно свое мнение, которое может его обидеть?

1. Поддержу и не выскажу свое мнение, чтобы он не обижался.	1—2—3—4—5—6—7
2. Поддержу и не выскажу свое мнение, чтобы не потерять дружбу с ним.	1—2—3—4—5—6—7
3. Выскажу свое мнение, поскольку это будет честно с моей стороны.	1—2—3—4—5—6—7
4. Выскажу свое мнение, потому что возможно в дальнейшем это принесет пользу другу.	1—2—3—4—5—6—7

情景三

你的老板给你的工作任务不是你的工作范围内，但你有能力完成。如果你不这样做，你就会受到减薪的威胁。同时，你的时间不多，你还有更高重要的工作任务要做。你会同意完成这项额外的任务吗？

- 1) 我会同意完成额外的工作，以避免与老板发生冲突和损失工资。

- 2) 为了避免冲突和损失工资，我会统一完成这个额外的工作，但我不会把工作做得很好。
- 3) 我会拒绝额外的工作，会请他参考劳动合同，明确我的权利和义务。
- 4) 我会拒绝额外的工作，即使我有可能不得不辞职。因为我认为老板威胁我，他对我是不尊重的。

Ситуация 3:

Ваш начальник дает вам задание, которое не входит в ваши служебные обязанности, но вы его в силах выполнить. При невыполнении вам угрожают снижением заработной платы. При этом у вас не так много времени, и есть задачи более приоритетные задачи. Согласитесь ли вы выполнить задание?

1. Соглашусь, чтобы избежать конфликта с начальником и потерю в зарплате.	1—2—3—4—5—6—7
2. Соглашусь, чтобы избежать конфликта и потерю в зарплате, но сделаю работу не очень качественно.	1—2—3—4—5—6—7
3. Откажусь, ссылаясь на трудовой договор, где прописаны мои права и обязанности.	1—2—3—4—5—6—7
4. Откажусь, даже если придется уволиться, поскольку считаю, что, угрожая, начальник проявляет неуважение ко мне.	1—2—3—4—5—6—7

情景四

地铁里一个老妇人骂你，说你长相不好。你看到她很难把她的拉杆包抬上楼梯。你会帮助她，还是你会视而不见？

见，因为我很忙，忙于自己的事情。

我会视而不见，因为这个老夫人的行为令人不爽，我不想帮忙。

我会帮忙，因为我遵守规则“应当尊老爱幼”

我会帮忙，尽管她说我长得不好，但我尊重她并认为有必要帮助她

Ситуация 4:

Пожилая женщина в метро обругала вас, неприятно высказалась о вашем внешнем виде. Вы видите, что ей довольно тяжело поднимать свою сумку-тележку по лестнице. Поможете ли вы ей, несмотря на ее поведение, или же пройдете мимо?

1. Пройду мимо, потому что тороплюсь и занят своими делами.	1—2—3—4—5—6—7
2. Пройду мимо, поскольку поведение женщины неприятно и ей не хочется помогать.	1—2—3—4—5—6—7
3. Помогу, потому что следую правилу: «нужно помогать старшим».	1—2—3—4—5—6—7
4. Помогу, поскольку несмотря на ее слова, уважаю старших и считаю нужным ей помочь.	1—2—3—4—5—6—7

Приложение 8.

Интеркорреляции личностных переменных в трех выборках

		ИТЭ	КЭ	АЭ
ИТЭ	Российская группа	1		
	Китайцы в России			
	Китайцы в Китае			
КЭ	Российская группа	0.078	1	
	Китайцы в России	0.061		
	Китайцы в Китае	0.212**		
АЭ	Российская группа	0.011	0.330**	1
	Китайцы в России	0.055	0.219**	
	Китайцы в Китае	0.007	0.195**	

Примечание: ** – $p < 0.01$ (двухсторонний). Жирным шрифтом выделены значимые связи. ИТЭ – инкрементальные теории эмоций. КЭ – когнитивная эмпатия. АЭ – аффективная эмпатия.